

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

*Материалы международной
научно-практической конференции
(2–3 июня 2025 года)*

Омск
ОМА МВД России
2025

УДК 342.9 (082)

ББК 67.621

А43

Редакционная коллегия:

В. А. Гусев — доктор юридических наук, профессор (*председатель*);

О. И. Бекетов — доктор юридических наук, профессор
(*заместитель председателя*);

М. А. Бучакова — доктор юридических наук, профессор;

Ю. А. Кригер — кандидат юридических наук, доцент
(*ответственный секретарь*);

О. Ю. Филиппов — кандидат юридических наук, доцент

А43 **Актуальные проблемы полицейского права** : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. В. А. Гусев. — Омск : Омская академия МВД России, 2025. — 168 с.

ISBN 978-5-88651-901-3

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам полицейского права и полицейской деятельности. В докладах и сообщениях участников конференции рассматриваются закономерности и предпосылки возникновения и развития отрасли полицейского права, отечественный и зарубежный опыт деятельности полиции, современное состояние и тенденции развития полицейского законодательства, вопросы функционирования отдельных служб и подразделений полиции.

Предназначен для научных работников, преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников служб и подразделений органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

УДК 342.9 (082)

ББК 67.621

ISBN 978-5-88651-901-3

© Омская академия МВД России, 2025

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА
И МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ.
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р. З. Амиров

**Военизированные аспекты организации и деятельности
полиции Российской империи (XVIII–XIX вв.)**

Военизированные аспекты полицейской деятельности имеют объективные предпосылки, определяемые ее основными задачами — обеспечением общественного порядка и безопасности. С образованием Древнерусского государства эти функции выполнялись княжеской дружиной, а с развитием государственного механизма сохранялись за воинскими формированиями (например, за стрелецким войском).

Создаваемая Петром I регулярная полиция формировалась из офицеров и нижних чинов армии с сохранением за ними определенных привилегий, связанных с военной службой. Военнослужащие изначально отвечали требованиям, предъявляемым к полицейскому: служение государю (государству), строгая дисциплина и субординация, ношение униформы, владение оружием, соответствующий уровень грамотности не только у офицеров, но и у нижних чинов. Извечные проблемы, связанные с некомплектом полицейских формирований либо вообще с их отсутствием, решались и посредством прикомандирования как отдельных военнослужащих, так и воинских команд для несения полицейской службы. Следует отметить, что механизм петровского «регулярного государства», получившего дальнейшее развитие в период укрепления абсолютной монархии, характеризовался определенной степенью милитаризации. Это нашло отражение в наличии военных чинов у государственных служащих, занимающих наиболее ответственные посты (генерал-прокурор, генерал-губернаторы), в совмещении военного и гражданского управле-

ния, в практике подчинения полиции различным воинским начальникам (военным комендантам, военному командованию).

В период правления Екатерины II усиливается самодержавная (абсолютистская) форма правления. Расширялись полномочия полицейских органов, осуществлявших не только охрану общественного порядка и безопасности, но и выполнявших многочисленные общеадминистративные и некоторые финансовые функции. Городская полиция оставалась органом управления общей компетенции. Полицейские функции, возложенные на армию, сохранялись. Социальное напряжение в стране заставило вернуться к постоянному пребыванию воинских команд на территории губерний для содействия местной администрации в обеспечении «благочиния». Согласно Учреждению для управления губерний Российской империи 1775 г. [1, с. 170–295] в уездных городах, где имелись военные коменданты, на них возлагались полицейские функции городских. Полиция (городская и сельская) находилась в ведении наместника (генерал-губернатора), осуществлявшего гражданское и военное управление. Кроме того, ему были подчинены коменданты и гарнизоны крепостей, армейские полки и воинские караулы, также привлекавшиеся к выполнению полицейских функций. В пограничных наместничествах генерал-губернатору подчинялись расположенные в них войска, независимо от звания военачальника, «в случае какого послушания народного, или во время язвы, или наводнения, или пожара». При возникновении эпидемий предписывалось выставлять караулы, не допускавшие передвижения «сквозь зараженные места». Значительные полномочия по полицейскому управлению возлагались на комендантов уездных городов: борьба с корчемством, эпидемиями, эпизоотиями, «ворами»; задержание беглых; проведение следственных действий; разрешение «недоразумений» между обывателями и военнослужащими; надзор за мерами и весами, состоянием мостов, переправ и улиц. В подчинении коменданта находились штатные команды «для предохранения общего блага от опасности». Реформа сохраняла и укрепляла полицейский режим в государстве, что выразилось в дальнейшем развитии полицейских органов как органов общей компетенции, обеспечении ими всесторонней регламентации жизни подданных и осуществлении контрольно-надзорных функций. Продолжалась практика совмещения военного и гражданского управления, привлечения военных к осуществлению полицейских функций. Обострение социальных противоречий, увеличение численности городского населения требовали также реформирования городской полиции. Его правовое закрепление происходит с принятием 8 апреля 1782 г. Устава благочиния или

Полицейского [2], определявшего управу благочиния как орган общей или широкой компетенции. Штаты полиции были конкретизированы применительно к каждому городу. По штату Санкт-Петербургской полиции, утвержденному 6 мая 1782 г., город делился на 10 частей и 42 квартала, каждой части придавалась воинская команда из 34 человек. При полиции числились состоявшие на службе в военном ведомстве коменданты и обер-коменданты. Для несения патрульной службы в столичных городах регулярно направлялись армейские кавалерийские подразделения. Таким образом, продолжалась практика как комплектования полиции кадровыми военнослужащими, так и их прикомандирования. К ее недостаткам следует отнести то, что военное ведомство на постоянную полицейскую службу направляло проштрафившихся, не годных к строевой службе военнослужащих («неспособных чинов второго разряда»), что вызывало необходимость более тщательного кадрового отбора.

Правление Павла I отличалось усилением в России общей полицейской опеки над частной жизнью всех слоев населения, каждый должен был во всем поступать в строгом соответствии с регламентом. Возврат к жесткой регламентации жизни общества, существовавшей в «регулярном государстве» Петра I, вызвал расширение объема полицейской деятельности и возрастание роли военного ведомства в данной сфере. В новом воинском уставе получили закрепление полицейские обязанности комендантов городов с постоянным военным гарнизоном [3]. Столичные военные губернаторы назначали полицейских чиновников (кроме полицмейстера и обер-полицмейстера, назначавшихся царем). С учреждением в Санкт-Петербурге и Москве специальных военизированных полицейских команд в распоряжении каждого частного инспектора было 26 конных и 25 пеших военнослужащих [4]. В организации столичной полиции и руководстве ею можно отметить сходство с устройством и управлением полка. Полк делился на две части (батальоны), имел четырехзвенную систему управления (полк, батальон, рота, взвод), что совпадало с делением столиц в полицейском отношении и управлением полицией (город, половина города, часть, квартал).

В процессе дальнейшего развития полиции к ней полностью переходит осуществление ряда полицейских функций, выполнявшихся военнослужащими, а в именном указе от 1 августа 1800 г. она была обозначена как «часть гражданская» [5]. Именным указом 30 ноября 1800 г. полиция Санкт-Петербурга передается в ведение гражданского губернатора [6]. Однако по-прежнему продолжают сохраняться военизированные императивы ее организации и деятельности. Так, уже через несколько дней по-

сле восшествия на престол Александр I возвращает санкт-петербургскую полицию в подчинение военного губернатора [7]. В годы его правления создаются военно-полицейские формирования — Внутренняя Стража и жандармерия, но при этом сохраняется практика привлечения армии к выполнению полицейских функций. При замещении полицейских должностей преимущество по-прежнему отдавалось кадровым и отставным военнослужащим, в частности офицерам армии, получившим ранения в период Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг.

Император Николай I считал, что военнослужащие способны наиболее эффективно обеспечивать правопорядок в условиях, требующих приложения дополнительных усилий, организованности и решительности, что нашло отражение в именном указе от 7 сентября 1851 г. Для усиления штата московской полиции предписывалось должности шести частных приставов замещать военнослужащими для обеспечения общественного порядка в тех частях Москвы, которые «по обширности и многолюдству, требуют со стороны полиции особенно строгого и деятельного надзора» [8]. Сохранялась практика привлечения войск к обеспечению безопасности государства в чрезвычайных ситуациях. В соответствии с Общим наказом гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г. начальники губерний наделялись полномочиями по призыву войск (как от Внутренней Стражи, так и от расквартированных в губернии армейских воинских частей) [9]. Согласно Временному наказу уездным полициям от 16 августа 1861 г. в чрезвычайных случаях и «при безотлагательной необходимости» войска могли вызываться без разрешения губернатора исправником или городничим [10]. В целях более детальной регламентации порядка действий войск, вызываемых для оказания содействия местным органам власти, 4 сентября 1861 г. было утверждено Наставление военным начальникам в случаях употребления войск для умирения народных волнений и беспорядков, установившее обязанность всех войск оказывать соответствующее содействие губернаторам, исправникам и городничим по их письменным требованиям [11].

Александром II предпринимались попытки «демилитаризации» полицейской службы. Осуществлялся переход на комплектование полиции по вольному найму, который не достиг своих результатов, так как качество поступающих на службу в полицию оставляло желать лучшего, а губернаторы по-прежнему отдавали предпочтение кандидатам из военнослужащих. Ухудшение социально-политической ситуации в России конца XIX в., вызванное ростом революционного движения, объективно требовало усиления военизированных начал полицейской деятельности по обеспечению внутренней безопасности государства.

Дореволюционный опыт был учтен в процессе организации и деятельности ведомства внутренних дел Советского государства, найдя отражение в образовании в его составе внутренних войск, военизированных формирований, в привлечении военнотружущих к охране общественного порядка, к службе в органах внутренних дел, в том числе в периоды сокращения вооруженных сил. В современных условиях проблемы кадрового обеспечения деятельности МВД России можно частично решить в процессе отбора на службу в органы внутренних дел участников специальной военной операции. С образованием Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в ее состав из Министерства внутренних дел России были переданы как внутренние войска, так и другие военизированные формирования. При этом в соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [12] сохраняются полномочия в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму, по обеспечению особых правовых режимов (контртеррористической операции, чрезвычайного и военного положения), что, на наш взгляд, с учетом исторического опыта требует не только повышения эффективности межведомственного взаимодействия, но и воссоздания в системе МВД России военизированных формирований.

Список источников

1. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. М., 1987.
2. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.* Т. XXI. № 15379. Санкт-Петербург : типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
3. Там же. Т. XXIV. № 17588.
4. Там же. Т. XXXX. Ч. II. Отд. III и IV. Книга штатов к № 17840.
5. Там же. Т. XXVI. № 19502.
6. Там же. Т. XXVI. № 19671.
7. Там же. Т. XXVI. № 19785.
8. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.* Т. XII. № 10303. Санкт-Петербург : типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854.
9. Там же. Т. XXVI. № 25540.
10. Там же. Т. XXXVI. № 37348.

11. Там же. Т. LIV. № 60066.

12. *Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52, ч. V, ст. 7614.

А. В. Богданов

К вопросу об особенностях возникновения, становления и развития полицейских органов во Франции, США и Великобритании

Термин «politeia» имеет греческое происхождение и изначально аккумулировал в себе весь процесс государственного управления в древнегреческих городах-полисах. Впоследствии, с усложнением системы административных органов, задачи полиции значительно сузились, и полицейские органы стали выполнять лишь непосредственно правоохранные функции.

В эпоху феодализма, примерно с V в. по XV в., полицейские органы осуществляли свою деятельность автономно, в рамках соответствующего феода, независимо от центральной власти. С наступлением эпохи абсолютизма полицейская деятельность стала носить централизованный характер, обеспечивая правопорядок в масштабе государства. Этот процесс протекал в странах континентальной Европы (Австрии, Испании, Пруссии, Франции) и Англии практически одновременно, в течение XV–XVII вв., и был связан с попыткой реализации идеи построения полицейского государства, в котором полиция выступала карательным инструментом, применявшимся для обеспечения неукоснительного соблюдения подданными государства установленных правил, жестко регулирующих все сферы их жизнедеятельности с использованием разветвленного бюрократического аппарата [1, с. 231].

Замедлившееся экономическое и социальное развитие вследствие данных процессов послужило причиной для отказа от идеи полицейского государства, альтернативой которой стала идея правового государства, зародившаяся еще в античности и длительное время развивавшаяся передовыми учеными того периода. Ключевым различием между идеями по-

строения полицейского и правового государства является выставление приоритетов между потребностями личности и государства: в правовом государстве высшая ценность — человек, его права и свободы, а в полицейском — государственные интересы.

Импульс к реализации идеи создания правового государства дала Великая французская революция 1789 г., результатом которой стало принятие 26 августа 1789 г. Национальным учредительным собранием Декларации прав и свобод человека, провозгласившей концепцию равноправия и свободы каждого человека с момента его рождения [2, с. 37]. Деятельность полицейских органов стала утрачивать карательный характер и нацеливаться на обеспечение защиты граждан от противоправных посягательств, т. е. принципиально изменила свою направленность, что получило отражение в изменениях структур и видов полицейских органов.

Согласно национальному законодательству конца XVIII в. французская полиция по направлениям своей деятельности разделялась на государственную и муниципальную, которые находились в подчинении Министерства внутренних дел Французской Республики. Дирекция государственной полиции ведала делами государственной безопасности и выполняла функцию контрразведки в форме надзора за иностранцами, а также контроля за политической деятельностью. Полицейские органы возглавляли полицейские комиссары, на которых также возлагались судебные функции. Комиссары находились в подчинении глав муниципальных образований: префектов (в департаменте) и мэров (в общине).

Особенностью организации полицейской деятельности во Франции была особая структура полицейских органов в ее столице — Париже, которую возглавлял префект. Парижская полиция разделялась на внутреннюю и внешнюю службы. Внутренняя служба выполняла функции государственной полиции, она обеспечивала охрану Президента Республики, осуществляла надзор за иностранцами, а также имела судебные полномочия. В свою очередь, в компетенцию внешней службы (муниципальной полиции) входили охрана общественного порядка и публичной тишины в Париже, исполнение законов и ордонансов, надзор за проституцией и уличной торговлей, розыск преступников, выявление игорных домов и т. д. [3, с. 185–187].

Далее рассмотрим вопросы возникновения и становления полиции Великобритании, учитывая, что ее органы правопорядка также имеют одну из старейших в мире историю и уникальные особенности. В первую очередь они связаны с тем, что в Англии, Уэльсе, а позднее в Северной Ирландии и Шотландии не получила широкого распространения идея

полицейского государства в связи с интенсивным процессом развития и укрепления местного самоуправления, что послужило историческим фактором, обуславливающим определенную децентрализацию полицейской деятельности. С XIV в. контроль за состоянием правопорядка обеспечивала «мировая юстиция» в лице местных судей — представителей дворянского сословия. Заслуживает внимания факт возложения до начала XIX в. отдельных полицейских функций непосредственно на самих граждан, каждый из которых давал клятву в оказании содействия в розыске и наказании преступников, а также был обязан один год отслужить констеблем [4, с. 6].

Однако опыт функционирования подобной модели показал ее низкую эффективность, ввиду чего стала назреть потребность в создании полицейских органов, функционирующих на профессиональной основе. Создание регулярной полиции в Великобритании связывается с реформами Роберта Пиля, занимавшего должность министра внутренних дел в 1822–1827 и 1828–1930 гг.

Новые констебли имели униформу, существенно отличающуюся от военной, до 1984 г. офицеры носили шляпы для придания себе более гражданского вида. Данные меры были приняты Робертом Пилем, чтобы появившаяся централизованная полиция не воспринималась населением как деспотичная. Силами констеблей осуществлялось патрулирование улиц и иных общественных мест, при этом в обязанности последних, согласно инструкциям того времени, входило предотвращение преступлений, соблюдение вежливости и выдержанности при общении с людьми, особое внимание уделялось недопущению со стороны полицейских фактов злоупотребления своими полномочиями [5, с. 53].

19 июня 1829 г. английским парламентом был издан Акт о столичной полиции, согласно которому полиция Лондона до настоящего времени находится в прямом подчинении министра внутренних дел и ее деятельность не подлежит контролю со стороны администрации города. Территория города Лондона была поделена на дивизионы (divisions), каждый из которых возглавлял суперинтендант. Парламентские законы 1835 и 1856 гг. подчинили остальные полицейские органы, функционирующие в городах и графствах, органам местного самоуправления, избираемым населением, так называемым муниципалитетам, оставив лишь общий контроль за их деятельностью за Министерством внутренних дел страны.

Аналогичным образом была организована деятельность полиции в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, входящих в состав Соединенного Королевства.

Города и графства Великобритании финансировали свои полицейские органы за счет особого сбора, который покрывал три четвертых их бюджета, а оставшуюся четверть расходов на содержание стражи они получали из государственной казны.

Сравнивая задачи полиции Соединенного Королевства с задачами, стоявшими перед их континентальными коллегами, нельзя не отметить значительную разницу между ними в части определения сфер деятельности. Если полиция Великобритании выполняла задачи исключительно правоохранительного профиля (поддержание правопорядка, раскрытие преступлений и регулирование уличного движения), то круг задач полиции западноевропейских стран был значительно шире, ввиду многопрофильного характера ее административной деятельности. Например, в Пруссии на тот период существовали ветеринарное, охотничье, пожарное, рыболовное, страховое, строительное и ряд других специализированных полицейских подразделений [6, с. 17].

Особенностью полицейской системы Великобритании выступает ее направленность на максимальное вовлечение граждан в решение правоохранительных задач, что впоследствии привело к возникновению модели партнерских взаимоотношений между государством и органами правопорядка, получившей название *community policing* (общественная полиция).

Специфической характеристикой полицейской системы Соединенных Штатов Америки является значительно более поздний период их формирования, основа которого заложена передовым опытом организации правоохранительной деятельности континентальной Европы и Великобритании. Первые полицейские подразделения в США сформировались в XVI–XVII вв. и состояли из констеблей, дозоров, ночных сторожей, маршалов, рабовладельческих патрулей и шерифов. Институты констеблей и шерифов были заимствованы из английской правоохранительной системы, а маршалы, ночные сторожа, дозоры и рабовладельческие патрули возникли вследствие местных особенностей.

Шерифы и констебли организовывали работу дозоров, функции которых заключались в обеспечении охраны правопорядка, в том числе в ночное время [7, с. 71–72]. Большое значение отводилось предупреждению и пресечению пожаров, которые в то время могли уничтожить все поселение.

К 1860 г. в США насчитывалось около четырех миллионов рабов, контроль за которыми возлагался на рабовладельческие патрули. Их функции заключались в патрулировании дорог и досмотре рабов, проверке у них

документов, разрешающих оставлять территории плантаций, розыске беглых рабов, пресечении фактов отправления ими религиозных обрядов.

Ключевую роль в системе обеспечения правопорядка в США играет институт шерифов, назначаемых на должность губернаторами штатов либо избираемых населением. Шерифы осуществляли свою деятельность публично и имели широкие полномочия, которые не ограничивались полицейскими функциями, а дополнительно включали в себя также сбор налогов, общественную деятельность, надзор за исполнением законов, контроль за состоянием дорог, общественных сооружений, мостов и т. п. За счет поступающих средств от взыскания штрафов, а также налогов содержалась тюрьма графства и исполнялись судебные решения [8, с. 143].

Маршалы и констебли занимались правоохранительной деятельностью в дневное время, а ночью охрану общественного порядка осуществляли силами ночных сторожей — городских жителей, назначаемых в порядке очередности судом. Служба ночным сторожем была обязательной для каждого совершеннолетнего мужчины. Важно отметить также, что в это время из-за строгой расовой сегрегации полиция состояла из людей исключительно белой расы.

Вследствие отмены рабства в США произошли коренные изменения в структуре полицейской системы. В южных штатах упраздненные за ненадобностью рабовладельческие патрули стали ядром новых полицейских управлений. Прекращение процессов расовой сегрегации привело к привлечению на полицейскую службу лиц негроидной расы. Первые чернокожие полицейские были наняты в штате Алабама в 1867 г., в Техасе в 1870 г., в Новом Орлеане в 1870 г. [9, с. 62–72].

Во многих городах первые полицейские не имели форменной одежды, за исключением специальных головных уборов. Оснащались они только деревянными дубинками, обязательным ношение американскими полицейскими огнестрельного оружия стало лишь в 1800-х гг. Патрулирование было избирательным, отсутствовала система экстренной связи между самими полицейскими. Изложенное указывает на низкую эффективность полицейской службы в США того времени, характеризовавшуюся высоким уровнем коррупции [6, с. 35].

Данная ситуация отрицательно сказывалась на развитии социально-экономических и политических процессов в США, что послужило причиной дальнейшей реформации национальной полицейской системы. К началу XX в. была сформирована ее трехуровневая структура, предусматривающая как федеральную подчиненность полицейских подразделений, так и их подчиненность администрациям штатов и муниципалитетов

согласно компетентности. Полицейские силы США включали в себя полицейские организации в городах и поселках, шерифов и возглавляемые ими агентства, полицейские формирования штатов, а также полицейские организации федерального правительства, входящие в департаменты (министерства) юстиции, почт, казначейства, обороны и т. д. [10, с. 8].

В результате исследования можно сделать некоторые выводы.

1. Генезис системы полицейских органов Франции свидетельствует, что в основе ее последовательной трансформации стал переход от реализации идеи построения полицейского государства к реализации идеи построения правового государства, при котором полиция из карательного органа превратилась в инструмент государственной защиты граждан от противоправных посягательств.

2. Особенностью развития полицейских сил Великобритании является его направленность на активное вовлечение граждан в решение правоохранительных задач, выстраивание партнерской модели взаимоотношений между государством и органами правопорядка, впоследствии получившей наименование *community policing*.

3. Становление и развитие полиции в США происходило в более поздний период. В основу данного процесса лег передовой опыт организации полицейской деятельности в Великобритании и континентальной Европе. Полицейские органы США строились на основе реализации идеи правового государства и формирования партнерской модели взаимоотношений с населением. Неоднородный по своему национальному и расовому происхождению, религиозно-конфессиональной принадлежности состав американского населения, а также особенности государственного устройства США, характеризующегося высокой степенью автономности каждого штата, обусловили построение фрагментарной модели охраны правопорядка с высокой степенью децентрализации полицейского управления.

Список источников

1. Носаненко Г. Ю. Предпосылки становления полицейского государства в России // Теория и история государства и права. 2012. № 4.
2. Андреева И. А. Муниципальная полиция Франции: от «муниципальной революции» 1789 г. до «огосударствления» 1941 г. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 2(33).
3. Андреева И. А. Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015.

4. Крылов Б. С. Полиция Великобритании: основные черты организации и деятельности. М., 1974.
5. Важенина И. В. Органы охраны правопорядка Англии (от Нормандского завоевания до «брекзита») : монография. М., 2023.
6. Губанов А. В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М., 1999.
7. Нечай С. Л. Образование и становление муниципальной полиции штата Нью-Йорк в 1845–1857 гг. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2023. Вып. 13.
8. Жуланов А. В. Становление правоохранительной системы США в ранний период американской истории // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2(25).
9. Кикоть-Глухodedова Т. В. История возникновения, становления и развития полицейской системы США // Полицейская деятельность. 2011. № 6.
10. Яковлев К. Л., Яковлева Е. И., Яковлева О. Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран : монография. М., 2011.

О. А. Дизер

Защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность

В нашей стране вопросам организации правового регулирования государственной службы придается огромное значение, ввиду того что этот важнейший институт современной системы управления, реализуемый на профессиональной основе гражданами России, призван обеспечивать исполнение полномочий государственных органов. Поэтому немаловажным является вопрос, связанный с защитой государственного служащего от неправомерного вмешательства в его профессиональную служебную деятельность. Кроме того, в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее — ФЗ «О системе государственной службы РФ») законодателем обозначено, что порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы. Данный момент требует отдельного рассмотрения и грамотного урегулирования двух аспектов: во-первых, исполнения

государственным служащим полученного им неправомерного приказа, распоряжения или поручения руководителя (начальника); во-вторых, вмешательства в его законную деятельность лицами, прямо не уполномоченными на то федеральными законами. Тем не менее пути решения обозначенных проблем в ФЗ «О системе государственной службы РФ» намечены достаточно абстрактно и отсылают к соответствующим федеральным законам о виде государственной службы. Согласно ст. 2 ФЗ «О системе государственной службы РФ» система государственной службы включает в себя гражданскую, военную и иную государственную службу.

Анализируя нормативные правовые акты, регулирующие указанные виды службы, можно выделить следующие моменты, связанные с регламентацией в части обжалования при выявлении неправомерного приказа, распоряжения или поручения руководителя (начальника) либо установления факта вмешательства в законную деятельность государственного служащего не уполномоченными на то лицами.

Так, согласно п. 2 ст. 21 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» право на обжалование неправомерных решений и действий (бездействия) органов военного управления и командиров предоставляется «в порядке, предусмотренном федеральными законами, общевоинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». Вместе с тем Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 14956 [1] (далее — Устав), предусмотрено, что приказ должен соответствовать федеральным законам, общевоинским уставам и приказам вышестоящих командиров. В Уставе отмечено, что, отдавая приказ, командир не должен допускать превышения должностных полномочий или злоупотребления ими. Далее указывается, что командирам запрещается отдавать приказы, не имеющие отношения к исполнению обязанностей по военной службе или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации. В случае, если такой приказ был отдан, командир, отдавший его, привлекается к ответственности по законодательству Российской Федерации. Вместе с тем в п. 43 Устава говорится, что военнослужащий, не согласный с приказом, может обжаловать его только после выполнения.

Вполне логично предположить, что такой порядок обжалования установлен ввиду ограниченности времени в период вооруженных конфликтов, а также в условиях действия режимов военного и чрезвычай-

ного положения или в периоды проведения контртеррористической операции либо при чрезвычайной ситуации [2, с. 185]. Понятно, что командиры, отдавшие приказы, в которых явно превысили свои должностные полномочия или злоупотребили ими, должны нести ответственность по законодательству Российской Федерации.

Необходимо отметить, что должного освещения проблема, связанная с регламентацией исполнения государственным служащим полученного им неправомерного приказа или вмешательства в его законную деятельность лицами, прямо не уполномоченными на то федеральными законами, не нашла и в законодательстве, регулирующем вопросы прохождения государственной гражданской службы. В части 2 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» говорится, что гражданский служащий не вправе исполнять данное ему неправомерное поручение. Более того, в случае исполнения гражданским служащим неправомерного поручения гражданский служащий и давший это поручение руководитель несут ответственность, установленную федеральными законами. Поэтому при получении неправомерного приказа от руководителя гражданскому служащему необходимо представить в письменной форме обоснование незаконности данного поручения с отсылкой на законодательство Российской Федерации, которое может быть нарушено при исполнении такого поручения. Далее указывается, что надлежит получить от руководителя подтверждение этого поручения в письменной форме, а в случае его получения законодатель обязывает гражданского служащего отказаться от его исполнения.

Особого внимания заслуживает ст. 30 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции»), которая гарантирует государственную защиту сотруднику полиции, ввиду того что он является представителем государственной власти. При этом закреплено, что сотрудник полиции при выполнении служебных обязанностей должен подчиняться только непосредственному и другому прямому начальнику. При получении приказа или распоряжения, явно противоречащих закону, сотрудник полиции обязан руководствоваться законом.

В пункте 3 ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ») акцент сделан на том, что обязательным для сотрудника органов внутренних дел явля-

ется выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону.

При этом в ч. 4 ст. 6 ФЗ «О полиции» предусмотрено, что сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства.

Соглашаясь с точкой зрения В. А. Винокурова о необходимости выработки идентичных правовых норм, позволяющих грамотно поступать в ситуациях, возникающих при получении государственным служащим от своего руководителя неправомерного поручения [3, с. 58], отметим, что остро стоит проблема фиксации и алгоритма действий при получении неправомерных поручений, а также рассмотрения возникших отношений в рамках ст. 72 ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ», регламентирующей служебный спор, ввиду того что под служебным спором законодатель предлагает понимать разногласия между государственным служащими и работодателем (государственными органами) по вопросам прохождения службы, применения законодательства и нормативных актов, регулирующих государственную службу.

Как было отмечено выше, проблема заключается в неправомерности приказа (поручения) лица, прямо уполномоченного на то федеральным законом, а также во вмешательстве в законную деятельность сотрудника полиции. Законодательство о прохождении службы содержит прямой запрет на действия, которые могут быть выражены в принуждении государственного служащего к выполнению обязанностей, не предусмотренных федеральными законами. Другое дело, когда на государственного служащего вышестоящими должностными лицами оказывается давление в вопросах, касающихся личной заинтересованности [4].

Суммируя вышесказанное, констатируем, что назрела необходимость в четкой регламентации защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность со стороны как государственных органов, так и должностных лиц, а также в закреплении единых подходов в части создания правовых норм, позволяющих квалифицированно поступать в ситуациях, возникающих при получении государственным служащим неправомерного поручения от своего руководителя.

Список источников

1. *Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Дизер О. А.* О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5.

3. *Винокуров В. А.* Проблемы исполнения неправомерных поручений руководителей государственными служащими в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4.

4. *Дизер О. А.* Правовое регулирование конфликта интересов на государственной (гражданской) службе // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : сб. науч. тр. VII междунар. науч.-практ. конф. М., 2023.

А. С. Железкин, В. А. Москалева

Актуальные проблемы социального обеспечения сотрудников МВД России

Деятельность сотрудников МВД связана с высоким уровнем риска, ответственности и стресса. Поэтому для сохранения квалифицированных кадров, а также поддержания работоспособности очень важна эффективная система социальной поддержки сотрудников.

Под социальным обеспечением сотрудников правоохранительных органов понимается система государственных гарантий как материального, так и нематериального характера, которые принимаются государством для поддержки и социальной защиты, а также обеспечения необходимых условий для достойного уровня жизни сотрудника и членов его семьи [1, с. 42].

Актуальность проблемы социального обеспечения сотрудников МВД подтверждается такими факторами, как:

- высокий риск для жизни и здоровья. Сотрудники МВД ежедневно подвергают свою жизнь опасности при выполнении служебных задач;
- повышенный уровень стресса. Служба в правоохранительных органах связана с постоянным эмоциональным напряжением, а также

воздействием стрессовых ситуаций, что может привести к снижению работоспособности и профессиональному выгоранию;

- недостаточное количество кадров. Справедливое социальное обеспечение сотрудников МВД является важным для удержания квалифицированных специалистов, а также привлечения новых. Для организации благоприятных условий службы и мотивации сотрудников необходимо обеспечение их достойным денежным довольствием, предоставление возможности обучения, профессионального роста, а также различных льгот.

Учитывая специфику службы и потребности сотрудников МВД необходимо постоянно совершенствовать систему их социального обеспечения.

Невысокий уровень социальных гарантий сотрудников правоохранительных органов является проблемой, к решению которой необходимо приложить достаточно усилий для эффективности деятельности полиции [2, с. 68]. Существует множество причин низкого уровня социального обеспечения сотрудников МВД, требующих незамедлительного решения:

- финансирование МВД ограничено, что влияет на размер заработной платы, обеспечение жильем, медицинским обслуживанием и другие социальные гарантии. В свою очередь уровень индексации заработной платы, пособий и пенсий не соответствует инфляции, что приводит к значительному снижению реальных доходов;

- нерациональное использование бюджетных ресурсов внутри системы МВД отражается на эффективности программ социального обеспечения;

- коррупция в отрасли социального обеспечения сотрудников МВД подрывает доверие ко всей системе в целом и отрицательно влияет на моральное состояние сотрудников;

- небольшой престиж правоохранительных органов в обществе. В СМИ часто освещаются негативные стороны деятельности МВД, что деформирует представление граждан о работе полиции. Низкая раскрываемость некоторых видов преступлений и недостаточная прозрачность деятельности могут также вызывать недоверие общества.

В настоящее время деятельность сотрудников правоохранительных органов сильно обесценивается, и, для того чтобы повысить уровень их социального обеспечения, необходим комплексный подход, включающий в себя следующие меры:

- заработная плата сотрудников должна быть соразмерной уровню возложенной на них ответственности и рискам, которым ежеднев-

но приходится подвергаться полицейским в связи с их деятельностью. Кроме того, сотрудникам необходимо предоставить достойное социальное обеспечение, включая качественное медицинское обслуживание, льготы на жилье, образование и отдых. В связи с тем что в МВД внушительный некомплект личного состава, с предоставлением отпусков сотрудникам возникают серьезные проблемы, которые требуют решения;

— необходимы оптимизация штатной численности сотрудников и равномерное распределение обязанностей для снижения нагрузки на каждого сотрудника. Верное распределение обязанностей между сотрудниками позволит работать более эффективно, повысить профессионализм и направить усилия на выполнение ключевых задач. Дефицит сотрудников в МВД основательно затрудняет работу и не позволяет в полной мере обеспечивать безопасность граждан. Недостаточное количество кадров несет за собой тяжелые последствия, такие как рост преступности и снижение раскрываемости преступлений;

— важным аспектом оптимизации деятельности правоохранительных органов является создание благоприятных жилищных условий. Обеспечение сотрудников полиции жильем оставляет желать лучшего, бюджетное финансирование не удовлетворяет реальные потребности, что приводит к формированию очередей на улучшение жилищных условий. Оформление нужных документов — сложная и длительная процедура, которая затрудняет процесс получения жилья. В некоторых регионах для сотрудников МВД не хватает недвижимости, что связано с ее стоимостью, а также неравномерным распределением бюджета;

— следует отмечать достижения сотрудников по службе, формировать положительный образ полицейского в обществе, проводить информационные компании, освещать деятельность полиции. Сотрудники должны выходить на открытый контакт с гражданами, активно взаимодействовать со СМИ, проводить разъяснительную работу и информировать граждан об их правах и обязанностях, формировать правовую культуру, а также уважение к закону и правопорядку;

— создание результативной системы контроля в целях повышения эффективности выявления и пресечения проявлений коррупции в полиции. Возможно установление более строгих наказаний для коррупционеров. В свою очередь сотрудникам, сообщаящим о таких нарушениях, должны быть гарантированы конфиденциальность и безопасность;

— сотрудникам полиции должны предоставляться юридическая и психологическая помощь, защита от преследований и необоснован-

ных обвинений при возникновении конфликтов, связанных с добросовестным и законным исполнением служебных обязанностей, даже в том случае, если действия сотрудника привели к негативным последствиям, которые не могли быть предотвращены или предвидены.

Эффективное решение проблем социального обеспечения сотрудников полиции — это вклад в безопасность и устойчивость всего общества. Пренебрежение к данным проблемам влечет снижение продуктивной работы правоохранительных органов. Только комплексный подход, включающий в себя вышеизложенные факторы, позволит повысить как продуктивность полиции, так и уровень доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов, а также обеспечить правопорядок и безопасность в обществе.

Список источников

1. *Кустова Н. К.* Проблемы обеспечения социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Апробация. 2015. № 10.
2. *Порощук С. Д.* К вопросу социально-правовой защиты личности // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. М., 1994.

П. Н. Кобец

Актуальные вопросы взаимодействия полиции и граждан в сфере охраны общественного порядка (отечественный и зарубежный правоохранительный опыт)

Усиление различных негативных тенденций в сфере борьбы с преступностью, обусловленных экономическими, общественно-политическими и иными проявлениями, во многих странах мира свидетельствует о том, что только благодаря поддержке и контролю со стороны общества можно находить эффективные меры в сфере борьбы с противоправными проявлениями [1, с. 45]. В сложившейся ситуации полицейские подразделения должны воспользоваться педагогическими технологиями по взаимодействию с общественностью.

Об этом неоднократно указывалось в выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина. Так, еще в 2018 г. при оглашении послания Федеральному Собранию Российской Федерации отмечалось, что «без действительно партнерских отношений между государством и обще-

ством не может быть ни сильного государства, ни процветающего, благополучного общества» [2]. На заседании Совета безопасности Российской Федерации 5 апреля 2023 г. акцентировалось внимание на том, что «нужно активнее привлекать к охране правопорядка в новых регионах местных жителей, отлаживать систему своевременного информирования людей об основных угрозах безопасности, незамедлительно реагировать на обращения граждан и налаживать каналы постоянной так называемой обратной связи» [3].

Важно отметить, что сегодня в нашей стране гражданскими институтами и общественностью в процессе совместной деятельности не только осуществляется контроль за работой правоохранительных структур, но и оказывается активная поддержка по профилактике преступности [4, с. 36]. Среди перспективных направлений по совместному участию общественности и российских полицейских формирований можно указать консультирование по различным правовым вопросам граждан, которые стали жертвами преступников. В результате подобного подхода к борьбе с преступностью можно говорить об устранении основных ее проявлений, в первую очередь наркомании, домашнего насилия и др. Поэтому в новом тысячелетии в нашей стране становятся весьма актуальными различные усилия по налаживанию новых связей, выстраиванию взаимоотношений, установлению прочных контактов, расширению совместной деятельности полиции и населения.

Эффективность подобного подхода подтверждает многолетний положительный опыт многих государств, которые сумели наладить весьма неплохое партнерское взаимодействие между сотрудниками правопорядка и представителями общественности [5, с. 137]. Механизм, связанный с укреплением взаимодействия полицейских подразделений и общественности в сфере охраны правопорядка, широко распространен за рубежом [6, с. 160]. В частности, таким уникальным опытом обладает Япония. Опыт данной страны в сфере охраны правопорядка во многом интересен. Японские полицейские охраняют правопорядок и одновременно с этим заняты оказанием разнообразной помощи населению. Весьма полезной является информация об организации работы японских полицейских по взаимодействию с населением и участию граждан, а также общественных формирований в оказании помощи полиции. Данная форма сотрудничества японской полиции и населения существует в Стране восходящего солнца на протяжении многих десятилетий, пользуется большим успехом и перенимается рядом стран [7, с. 121].

В целях профилактического воздействия на граждан силами полиции и общественности ведется активная пропаганда законопослушания, которая сводится к следующему: запрещается любая деятельность, связанная с нарушением закона, поскольку закон принят для защиты тебя и твоей семьи; также его нельзя нарушать, поскольку такое поведение является позором не только твоим, но и твоей семьи, иной общности либо группы людей, членом которой ты являешься; при нарушении закона не уйти от ответственности. Профилактическая работа полиции при тесном взаимодействии с общественностью основывается не на строгости и массовости наказания, а на особенностях национального характера японского населения. В качестве объекта профилактического воздействия в Стране восходящего солнца выступает абсолютно все население страны, включая воспитанников детских садов [8, с. 203].

Сотрудники полиции регулярно посещают домашние хозяйства и офисы. Полиция содействует безопасному городскому планированию, учитывающему предупреждение преступности, с тем чтобы создать общество, в котором граждане могут чувствовать себя в безопасности и жить без страха стать жертвами преступлений [9, с. 97]. Например, эта акция включает в себя установку охранных фонарей, а также ландшафтный дизайн, который не препятствует видимости. В случае чрезвычайных ситуаций есть потенциал быстрого реагирования, он играет важную роль в разрешении инцидентов. Иногда для этого полиция задействует катера и вертолеты [10, с. 42]. Сегодня полицейские подразделения «предпринимают усилия по созданию общества, в котором преступления практически не совершаются, а также по предотвращению их совершения» [11, с. 131]. Довольно прочные связи с населением способствуют тому, что в работе японских правоохранителей существует установка, что даже малейшее правонарушение не должно быть упущено из виду, а помощь общественных формирований должна способствовать формированию законопослушного менталитета в обществе [12, с. 145].

В ряде стран, например в Португальской Республике, смогли разработать и внедрить оригинальную методику по оцениванию результативности взаимоотношений полиции и населения. При этом «в начале происходит оценка параметров, связанных с эффективностью анализа среды функционирования, для этого проводят сравнение различных полицейских подразделений, чтобы на первом этапе выявить эффективные методы, использование которых позволит улучшить деятельность остальных

полицейских подразделений, а в процессе второго этапа устанавливается зависимость между показателями эффективности и социально-экономическими проблемами и выявляются социальные условия, негативно влияющие на работу полицейских» [13, с. 101].

В Королевстве Норвегия (далее — Норвегия) взаимодействие полицейских структур и населения является примером особых взаимоотношений, основанных на полном консенсусе, поэтому подданными Норвегии полицейские структуры воспринимаются как некоррумпированные подразделения, заслуживающие полного доверия, поэтому общество предоставило правоохранителям неограниченные полномочия. При этом граждане уверены в том, что сотрудниками полиции будут выполняться возложенные на них обязанности, а защищая интересы, права и свободы всего населения, правоохранители не забудут о необходимости строгого соблюдения законности [14, с. 11].

Как отмечают отечественные эксперты, массовую профилактическую деятельность во многих зарубежных странах стараются подкреплять хорошим уровнем раскрытия преступлений и отсутствием коррупционных проявлений в полицейских подразделениях [15, с. 189]. Одновременно с этим в работе по предупреждению преступности подразделения полиции ряда зарубежных стран стремятся направлять все усилия на предупреждение основного причинного комплекса противоправных деяний. Для этого ими более тщательно осуществляется контроль станций метрополитена, электропоездов, автобусных остановок и др. [16, с. 125].

Следует признать, что границы научной публикации препятствуют более развернутому освещению особенностей, связанных с привлечением общественности к взаимодействию с зарубежными полицейскими органами. В то же время необходимо отметить, что подобные отличительные характеристики и зарубежная специфика правоохранительной практики в перспективе могут выступить в качестве предмета дальнейших научных исследований, которые способны гораздо шире осветить спектр рассматриваемых проблем, связанных с повышением результативности взаимодействия общественности и полиции.

В настоящее время полицейские подразделения относятся к тем правоохранительным структурам, деятельность которых основана на взаимосвязи с гражданами, поэтому рост поддержки полицейских со стороны общественности очевиден. В заключение можно отметить, что работу полицейских подразделений необходимо сфокусировать на осуществлении конструктивного сотрудничества между гражда-

нами и полицейскими. Данная деятельность должна основываться на результатах анализа соответствующего положительного зарубежного и отечественного опыта. Однако перенос зарубежного опыта в практику российских правоохранителей вместе с рядом достоинств обладает и недостатками. Поэтому важно проводить учет культурных различий, традиций, верований, обычаев нашей страны и зарубежных государств.

Список источников

1. Кобец П. Н., Кобозев А. А. Основы правового регулирования взаимодействия сотрудников МВД России и граждан в сфере охраны правопорядка и обучения безопасности: опыт и проблемы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2(66).

2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://duma.gov.ru/news/26458/> (дата обращения: 15.05.2025).

3. Путин призвал наладить обратную связь силовиков с жителями новых регионов. URL: <https://ria.ru/20230405/regiony-1863288952.html?ysclid=lv167jhw1d464541954> (дата обращения: 15.05.2025).

4. Кобец П. Н. Историко-правовой аспект участия общественных формирований и граждан в противодействии преступности // История государства и права. 2018. № 4.

5. Кобец П. Н. Правовые и организационные основы взаимодействия сотрудников народной полиции КНР и китайского общества в сфере совместной борьбы с преступностью // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 1(73).

6. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48).

7. Квашиш В. Е., Морозов Н. А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России. 2015. № 1.

8. Кобец П. Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности // Юрист-Правовед. 2021. № 2(97).

9. Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества:

опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35.

10. *Квашиш В. Е.* Преступность в Японии: вчера, сегодня и завтра // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(59).

11. *Иниаков С. М.* Особенности уголовной политики Японии в XX веке // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6.

12. *Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А. М. Воронов, С. И. Гирько, Д. В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3(51).*

13. *Гусев Р. Г.* Зарубежный опыт разработки критериев и механизмов оценки деятельности правоохранительных органов // Аграрное и земельное право. 2012. № 4(88).

14. *Васьков М. Ю.* Организационные и правовые аспекты деятельности полиции Королевства Норвегии и ее роль в обеспечении общественной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

15. *Кобец П. Н.* Использование зарубежного положительного опыта взаимодействия правоохранителей и общественности в охране правопорядка // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : мат-лы ежегодной межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 сентября 2024 года. СПб., 2024.

16. *Предупреждение преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Ю. Г. Касперович [и др.] ; под ред. проф. Ю. М. Антоняна. М., 2014.*

А. В. Краснопольский

Эффективность полицейской деятельности сквозь призму анализа российского законодательства

Деятельность полиции является основой обеспечения безопасности граждан и правопорядка в государстве. Качество работы сотрудников полиции напрямую зависит от того, насколько эффективно выстроена правовая база, регулирующая их деятельность. В последнее десятилетие в России были проведены значительные реформы, направленные на мо-

дернизацию работы полиции, о чем неоднократно упоминалось в научных трудах ученых-правоведов [1, с. 83; 2, с. 103].

Однако результаты этих реформ остаются неоднозначными. Важно выяснить, насколько современное российское законодательство соответствует требованиям настоящей действительности и способно обеспечить высокие показатели эффективности.

Ключевое значение для оценки эффективности работы полиции имеет четкое и прозрачное определение полномочий сотрудников. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» основные полномочия полиции включают защиту прав и свобод граждан, борьбу с преступностью, обеспечение безопасности и поддержание общественного порядка. К сожалению, на практике возникают ситуации, когда имеющиеся полномочия недостаточны для эффективного выполнения задач, стоящих перед полицией. Например, порядок применения физической силы и специальных средств иногда воспринимается сотрудниками как узкий коридор, не позволяющий эффективно противостоять агрессивным нарушителям. Отсюда следует необходимость пересмотра порядка применения физической силы и специальных средств, а также введение дополнительного контроля за исполнением данных полномочий.

Одно из ключевых направлений повышения эффективности работы полиции — качественное взаимодействие с гражданами. При этом российское законодательство не всегда плодотворно решает вопросы взаимодействия с населением. Существуют трудности при подаче жалоб на действия сотрудников полиции, отсутствует надлежащая информация о результатах рассмотрения обращений граждан.

Требуется создание удобных механизмов взаимодействия полиции с гражданами, упрощение порядка подачи жалоб и обращений, повышение прозрачности деятельности правоохранительных органов.

Отдельного внимания заслуживает проблема коррупции среди сотрудников полиции, которая наносит удар по репутации правоохранительных органов [3, с. 9–13]. Несмотря на наличие Уголовного кодекса и других нормативных актов, направленных на противодействие коррупции, борьба с ней остается недостаточно эффективной. Следует отметить, что чаще всего на скамье подсудимых оказываются высокопоставленные руководители органов внутренних дел [4; 5].

Необходимо уделять большее внимание прозрачности бюджетного процесса в полиции, внедрению электронных механизмов контроля за распределением средств, повышению ответственности за коррупци-

онные преступления, а также вопросу увеличения заработной платы сотрудников полиции [6].

Анализ российского законодательства [7–9], регулирующего деятельность полиции, показывает, что оно в целом удовлетворяет потребностям современного общества, однако содержит немало пробелов и недостатков.

Для того чтобы повысить эффективность работы полиции, необходимо осуществить ряд мер: 1) упростить порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, сократив при этом документооборот; 2) усовершенствовать процедуры оценки объективности принятого сотрудником полиции в сложившихся обстоятельствах решения о применении им физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; 3) ускорить порядок подачи жалоб и обращений граждан; 4) повысить прозрачность работы полиции, в том числе путем внедрения электронного документооборота и электронной отчетности; 5) снизить уровень коррупции в полиции путем увеличения прозрачности бюджетов и значительного повышения заработной платы сотрудников полиции и др.

Только последовательное и целенаправленное совершенствование законодательства способно повысить эффективность деятельности полиции и вернуть доверие граждан к правоохранительным органам.

Таким образом, целью исследования выступил общий анализ эффективности деятельности полиции в России. На основе изучения нормативной базы и практики ее применения дана оценка эффективности работы органов внутренних дел, предложены пути совершенствования правового регулирования, направленные на повышение качества и результативности работы полиции.

Список источников

1. *Герман Р. Б., Герман Р. С.* Современная реформа МВД России: исторический и политико-правовой анализ // Юрист-Правовед. 2013. № 1(56).
2. *Петров Д. Е.* Политико-ресурсные аспекты реформы органов внутренних дел в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2011. Т. 11. Вып. 4.
3. *Спиридонов А. П., Борков В. Н.* Квалификация коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3(58).

4. *Ответственность* сотрудников органов внутренних дел за коррупционные правонарушения и преступления. URL: <https://пфоут.мвд.рф/struktura> (дата обращения: 14.05.2025).

5. *Отчет* начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Подольяна Андрея Анатольевича перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания 30.03.2023. URL: <https://22.мвд.рф> (дата обращения: 12.05.2025).

6. *О перерасчете* размеров денежного довольствия сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://вси.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/41077694> (дата обращения: 13.05.2025).

7. *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Здесь и далее в статье доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *О службе* в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

9. *Об утверждении* Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44.

Ю. А. Кригер

Феномен «опасное вождение»: правовая неопределенность и перспективы законодательного регулирования

Феномен «опасное вождение» представляет собой сложную и многоаспектную проблему, находящуюся на стыке административного, уголовного и гражданского права. Определение правовой природы данного явления требует детального анализа как объективных, так и субъективных факторов, характеризующих поведение водителя за рулем.

С одной стороны, опасное вождение может рассматриваться как административное правонарушение, квалифицируемое по признакам создания угрозы безопасности дорожного движения. В этом контексте ключевым является нарушение Правил дорожного движения, повлекшее реальную опасность для жизни и здоровья граждан, а также для сохранности имущества.

С другой стороны, в случаях, когда опасное вождение приводит к тяжким последствиям, таким как причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, оно может квалифицироваться как уголовное пре-

ступление. Здесь важную роль играет наличие умысла или неосторожности в действиях водителя, а также причинно-следственная связь между опасным вождением и наступившими последствиями.

Кроме того, опасное вождение может влечь за собой гражданско-правовую ответственность за причиненный вред. В этом случае потерпевшие вправе требовать возмещения материального и морального ущерба с виновника дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, правовая природа феномена «опасное вождение» носит комплексный характер и определяется в зависимости от обстоятельств дела, степени общественной опасности содеянного и наступивших последствий. Дальнейшее исследование данного вопроса требует разработки четких критериев для квалификации опасного вождения и совершенствования законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Согласно дополнению, внесенному в п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 477 [1], в Правила дорожного движения включено понятие «опасное вождение» и введен прямой запрет на него.

В 2023 г. был внесен законопроект № 395967-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за умышленное опасное (агрессивное) вождение», который так и не был принят.

Таким образом, в п. 2.7 Правил дорожного движения указано, в каких действиях выражается опасное вождение, но ответственность за него предусмотрена лишь в случае, если оно приведет к негативным последствиям [2, с. 73–76].

Учитывая изложенное, законодателю предлагается не откладывать введение административной ответственности за все действия, составляющие опасное вождение, для пресечения более тяжких общественно опасных последствий, для укрепления культуры поведения на дорогах и для разрешения спорных вопросов в правоприменительной практике [3, с. 441–448].

Считаем, что комплексный подход к решению проблемы опасного вождения, включающий законодательные изменения, может значительно повысить уровень безопасности на дорогах и снизить количество дорожно-транспортных происшествий. Законодательство должно быть адаптировано к современным реалиям, чтобы эффективно реагировать на вызовы, связанные с безопасностью дорожного движения, и защищать жизнь и здоровье граждан. Вместе с тем безопасность на дорогах — это не только вопрос правовой ответственности, но и важный элемент

социальной ответственности каждого участника дорожного движения. Совместные усилия государства, организаций и общества в целом могут привести к значительному снижению числа аварий и повышению общей безопасности дорожного движения.

Список источников

1. *О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации* : постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 477 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 23, ст. 3325.

2. *Коваленко К. Е.* Понятие и признаки опасного вождения // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3(101).

3. *Егорочкин Е. В.* Административная ответственность за опасное вождение в Российской Федерации: проблемы правоприменительной практики // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф., посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024.

А. В. Куянова

«Учителя в погонах» (к 90-летию юбилею подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел)

31 мая 2025 г. исполнилось 90 лет со дня создания подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) в органах внутренних дел Российской Федерации. За этот период сформировалась уникальная система профилактики детской преступности, сочетающая правовые, педагогические и социальные методы работы.

Датой создания подразделений по делам несовершеннолетних считается 31 мая 1935 г., когда Совет Народных Комиссаров СССР (далее — СНК СССР) и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [1]. В структуре НКВД были организованы: детские приемники-распределители (ДПР); трудовые колонии для несовершеннолетних [2]; «детские комнаты» милиции.

Первые десятилетия деятельности ПДН (1935–1950 гг.) были связаны с ликвидацией массовой беспризорности после Гражданской и Великой Отечественной войн. В этот период преобладали методы

принудительного помещения детей в трудовые колонии, однако уже тогда стали зарождаться элементы индивидуальной профилактической работы.

В период 1960–1980-х гг. государство уделяло повышенное внимание семье и школе, профилактике асоциального поведения. Реформа МВД России 1967 г. была направлена на совершенствование деятельности органов внутренних дел и повышение их эффективности. Она включала в себя ряд изменений, касающихся организации работы, а также кадровой политики. Важным аспектом реформы стало перераспределение функций между различными подразделениями милиции, а также улучшение взаимодействия с другими государственными органами и общественностью. Появился институт школьных инспекторов, а также обязательный учет неблагополучных семей. Ключевым нововведением стал упор на раннюю профилактику.

Период 1990–2000-х гг. характеризовался ростом подростковой преступности в условиях рыночной экономики и социальных преобразований [3], а также созданием первых ювенальных судов (эксперимент в Ростовской области, 2004 г.) [4].

Подразделения по делам несовершеннолетних за это время стали не просто правоохранительной структурой, но и важным элементом системы воспитательной работы, направленной на формирование личности ребенка и предупреждение правонарушений. Миссия сотрудников ПДН не только обеспечивать законность и порядок, но и участвовать в формировании нравственно здоровой личности будущего гражданина.

Служба в подразделениях по делам несовершеннолетних требует от сотрудников не только профессиональных знаний в области права, но и педагогического мастерства, психологической устойчивости, высокой моральной культуры.

Ключевые направления деятельности сотрудников ПДН, которые позволяют рассматривать их как педагогических работников:

- выступления в школах и колледжах; участие в проведении классных часов, бесед и тренингов; объяснение последствий правонарушений и антиобщественного поведения;

- проведение воспитательной работы с родителями, привлечение их к ответственности в случае жестокого обращения с детьми или халатного отношения к воспитанию;

- наблюдение за несовершеннолетними, склонными к девиантному поведению; разработка индивидуальных программ реабилитации; совместная работа с комиссиями по делам несовершеннолетних;

— обучение детей основам безопасного поведения; формирование у подрастающего поколения уважения к закону и нормам общественной жизни.

Современный сотрудник ПДН — это не просто правоохранитель, но и педагог-психолог, умеющий найти общий язык с подростками, понять их проблемы и помочь сделать правильный выбор.

Анализ практики показывает, что своевременное вмешательство сотрудников ПДН может спасти жизнь, предотвратить преступление, сохранить семью и помочь ребенку вернуться в социальное русло.

Сегодня ПДН сталкиваются с новыми вызовами: цифровизацией подростковой преступности [5], трансформацией семейных институтов [6], распространением деструктивных субкультур [7] и необходимостью реабилитации подростков, попавших в сложные жизненные ситуации [8].

В ответ на эти угрозы ПДН развивает инновационные подходы.

Восстановительные технологии и медиация для разрешения конфликтов с участием всех сторон (подростка, родителей, потерпевших): в субъектах Российской Федерации создаются школьные службы примирения [9] и чат-боты правовой помощи [10].

В рамках межведомственного взаимодействия осуществляются совместные проекты с органами опеки, центрами психологической помощи, общественными организациями, например:

— проект «Равный-равному» — привлечение бывших правонарушителей к волонтерству [11];

— проект «Родительский патруль» — совместные рейды с активными родителями [12];

— использование VR-технологий для антинаркотической профилактики [13].

Важно отметить, что эффективность деятельности ПДН напрямую зависит от качества подготовки сотрудников, уровня взаимодействия с другими участниками образовательного процесса (школами, психологами, социальными педагогами), поддержки со стороны государства и общества.

Для выполнения возложенных на ПДН задач необходимо совершенствовать профессиональную подготовку сотрудников ПДН, включая курсы по психологии, педагогике и медиации; развивать межведомственное взаимодействие; интегрировать в работу новые технологии: информационные платформы, мобильные приложения онлайн-консультирования и др.

Безусловно, одной из главных задач остается укрепление доверия к сотрудникам ПДН со стороны детей, родителей и педагогов. Это возможно лишь при условии открытой, честной и чуткой работы.

Юбилей подразделений по делам несовершеннолетних — это повод не только для торжеств, но и для осмысления их значения в жизни общества. За 90 лет эти структуры прошли сложный путь от карательного подхода до воспитательного, от контроля до профилактики и сопровождения.

Сотрудники ПДН неслучайно носят звание «учителей в погонах», потому что их работа — это ежедневное участие в судьбах тысяч детей, их семей и будущего всей страны.

В условиях растущих социальных рисков и вызовов современности дальнейшая модернизация подразделений по делам несовершеннолетних должна быть направлена на повышение квалификации сотрудников, расширение взаимодействия с образовательными организациями, усиление профилактической и воспитательной составляющих их деятельности.

Список источников

1. *О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности* : постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. // Собрание законов СССР. 1935. № 32, ст. 252.

2. *Трудовые коммуны. Опыт Антона Макаренко*. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/trudovye-kommuny-opyt-antona-makarenko> (дата обращения: 01.06.2025).

3. *Краснов Д. А.* Детство в клетку. Преступность несовершеннолетних в Советской России. М., 2014.

4. *Косолапова Н. В.* Ювенальная юстиция: от практического опыта к концептуальной модели. URL: <https://vestnik.mednet.ru/content/view/43/3/lang,ru/> (дата обращения: 01.06.2025).

5. *В РФ число совершенных детьми IT-преступлений выросло в 74 раза за 4 года*. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20626725> (дата обращения: 01.06.2025).

6. *Большинство подростков, осужденных за преступления, росли в неполных семьях*. URL: <https://ria.ru/20250610/prestupleniya-2021913041.html> (дата обращения: 01.06.2025).

7. *Профилактика вовлечения подростков в деструктивные сообщества*. URL: <https://mdsil.ru/25998/> (дата обращения: 01.06.2025).

8. *Чат психологической помощи тем, кому...* URL: <https://1221.chat/about> (дата обращения: 01.06.2025).

9. *Коновалов А.* Школьные службы примирения. URL: <https://www.8-926-145-87-01.ru/> (дата обращения: 01.06.2025).

10. *Чат-бот, посвященный защите прав молодежи, начал работу*. URL: <https://upch.admtymen.ru/upch/news/more.htm?id=12070806@egNews> (дата обращения: 01.06.2025).

11. URL: <https://удмуртия.гранты.пф/public/application/> (дата обращения: 01.06.2025).

12. URL: <https://vostochnaya-r45.gosuslugi.ru/roditelyam-i-uchenikam/> (дата обращения: 01.06.2025).

13. *Первую социальную VR-игру для профилактики наркомании разработали в ИрГУПС.* URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/> (дата обращения: 01.06.2025).

А. В. Лапшин, А. Д. Майле

Краткий очерк имперского надзора

Анализ трехсотлетнего периода надзорной деятельности российских прокуроров, исходя из особенностей государственного режима, форм правления и политического устройства, позволяет условно выделить в нем три этапа: имперский, советский и современный.

Петр Великий, создавая Правительствующий Сенат, наделил его особой компетенцией. В отличие от Боярской Думы, политико-социальная роль которой зиждилась на основах стародавнего обычного права, Сенату надлежало править государством на основе закона. Сенат должен был быть, как говорит один из указов Петра, «управительным», т. е. ему предугазывалась власть не только исполнительная, но и распорядительная, в отличие от Боярской Думы, которая была исключительно законодательным учреждением [1, с. 55].

Учреждая должности Сената, Петр Великий указал, что «Сенат всегда имеет о монаршеской и государственной пользе неусыпное попечение, на все доброе простирать и что может быть вредно, всемерно отвращать» [2].

Посещая заседания Сената, Государь пристально всматривался в деяния сенаторов, других сотрудников, но не мог искоренить их вражды между собой, вредившей ходу дел, а также казнокрадства, взяточничества и пр. Он сознавал, что помочь делу может лишь организация постоянного надзора за деятельностью лиц и учреждений, не исключая и самого Сената [1, с. 204]. Поэтому во время длительных зарубежных путешествий, так называемого Великого посольства 1697–1698 гг., второго путешествия 1716–1718 гг. он знакомился с государственным устройством Германии, Франции, Голландии, Швеции.

Учреждению должности прокурора предшествовал указ от 12 января 1722 г., в котором впервые говорилось том, что, кроме генерал-прокурора

и обер-прокурора, при Сенате надлежит быть и должности рекетмейстера (или генерал-рекетмейстера, мастера прошений). Поэтому в осуществлении надзора за Правительствующим Сенатом, наряду с прокурором, участвовали рекетмейстер и герольдмейстер [1, с. 203].

27 апреля 1722 г. была обнародована знаменитая «Должность генерал-прокурора», к разработке которой Петр Великий приложил немало собственных усилий [3]. Содержание Должности устанавливает права и обязанности генерал-прокурора.

Так, «генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил, и во всех делах, которые к сенатскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потери времени, по регламентам и указам отправлял»... Конечно, Сенат мог иметь законные основания для промедления, поэтому генерал-прокурор обязан был занести их в свой журнал, выяснив причины («невозможность ли какая помешала, или по какой страсти, или за леностью, и о том немедленно Сенату предлагать должен»). Затем на другой половине журнала записывать, «когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего, и прочие обстоятельства нужные вносить». Если генерал-прокурор усмотрит, что Сенат не поступает в своем звании «правильно и нелицемерно», т. е. в сущности, если он «не хранит своей должности», «тогда в тот же час повинен (он) предлагать Сенату явно, с полным изъяснением, в чем они, или некоторые из них, не так делают, как надлежит, дабы исправили; а ежели не послушают, то должен в тот час протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донести Государю, если весьма нужное, а о прочих, помесечно, или понедельно, как указ иметь будет».

Предписывая генерал-прокурору подачу в указанных выше случаях «явных доношений», закон требует, чтоб он поступал при этом «осторожно и осмотрительно, дабы напрасно кому бесчестья не учинить». Требуя явного и своевременного доношения, закон, однако, предостерегает генерал-прокурора, что «ежели (он) какое неправое доношение учинит по какой страсти, то будет сам наказан, по важности дела» [1, с. 213–217].

5 февраля 1722 г. Петр Великий обнародует «Наказ генерал-рекетмейстеру» (далее — Наказ). Предисловие к Наказу гласит: «Его Величество, соболезнуя о подданных своих, дабы им каждому по их делам во всем суд праведный и непродолжительный, через многие и несносные труды свои, учреждал губернии, канцелярии, коллегии и многие указы и инструкции и регламенты, чтоб судьи дела скоро и справедливо ре-

шили, а челобитчики под жестоким запретом не дерзали Его Величеству мимо суда и Сената прошения свои подавать». Мотивами к установлению должности рекетмейстера являлись, с одной стороны, «немалые волокиты» и несправедливые решения судей, не прекратившиеся и по учреждению коллегий и канцелярий, а с другой — невозможное положение, в которое ставили Государя челобитчики, «не давая нигде покою», всюду подавая Ему свои прошения и не обращая никакого внимания на установленные инстанции.

Наказ установил полномочия рекетмейстера по приему и разрешению челобитных «в многовременных волокитах» в коллегиях и канцеляриях. «И буде по свидетельству, против того челобитья, такие волокиты явятся: и ему тех коллегий президентам говорить, дабы они оное дело решили, по Регламенту, в указанные сроки не отменно; если в указанные числа того дела не решать, то доносить ему Сенату, и требовать на оное решение».

Далее рекетмейстер должен изложить в челобитных, в чем состояли «неправость и противность» указам, на которые челобитчики жалуются. Если челобитчики не рассказали, в чем дело решено «неправо и противно указам», то рекетмейстер не возвращает челобитные, а пишет на них, чтоб «они о том писали подлинно», т. е. «надоумливать их», а при обращении их непосредственно к рекетмейстеру, «не бив челом» в коллегиях, не только говорить им об этом, но и указывать те коллегии, «к которым они присутственны» [1, с. 234–236].

Кроме того, Петр Великий возлагал на рекетмейстера особый род задач, обусловленных государственной заботой о торговле и промышленности. Так, в соответствии с Указом от 19 апреля 1722 г. «О рудах» генерал-рекетмейстер был обязан уделять особое внимание лицам, которым «в сыскании руд, или заводов, или мануфактур обиды, налоги или препятствия чинят». При этом рекетмейстер не мог только направить прошение, но должен был принять активное участие в положительном разрешении дела, возмещении вреда, а также в привлечении лиц, виновных в препятствовании, к наказанию [4].

В. М. Грибовский, изучая правовое регулирование и организацию деятельности Высшего суда и надзора в России, резюмировал, что Петр Великий для осуществления общего надзора за законностью в Сенате учредил должности рекетмейстера и прокурора. Каждый в отдельности осуществлял частное наблюдение за исполнением со стороны Сената его особой специальной апелляционной функции, но при обращении к высшей власти они составляли неразрывные части целого [5].

Применительно к нашему исследованию обращение в порядке надзора уполномоченных должностных лиц в органы законодательной власти вызвано взаимовлиянием разных направлений (элементов) в праве — законодательстве и правоприменении и объективно необходимо для совершенствования правовой системы.

Теоретик права С. С. Алексеев указывал, что именно юридическая практика через механизм обратной связи обуславливает дальнейшее развитие содержания правового регулирования [6, с. 88].

К. Винер, основоположник кибернетики, определял обратную связь как свойство системы, позволяющее регулировать будущее поведение прошлым выполнением приказов, либо как метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач [7]. Такая связь может иметь как положительный, так и отрицательный характер воздействия. Положительная обратная связь способствует увеличению объема и скорости принимаемых решений, отрицательная препятствует совершению действий и принятию решений, не соответствующих поставленным задачам.

Правильная организация государственного управления в Российской империи имела необходимое, но не главное значение. Государство, образованное Петром Великим, представляло собой «вавилонское столпотворение» ввиду многочисленных народов и народностей, вероисповеданий и обширных территорий. Жажда социальных преобразований, политических перемен порождала революционные настроения в обществе.

1 марта 1881 г. было совершено убийство Российского Императора Александра II. Царь был смертельно ранен в результате нападения, осуществленного несколькими членами террористической организации «Народная воля» в Санкт-Петербурге на набережной Екатерининского канала с помощью самодельных метательных снарядов.

3 апреля 1881 г. А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич, Т. Михайлов и Н. Рысаков были повешены на плацу Семеновского полка. Все они впоследствии вошли в историю как первомайтовцы, их казнь оказалась последним публичным исполнением смертного приговора в дореволюционной России [8].

14 августа 1881 г. в связи с реальной опасностью для государственного порядка Комитетом министров было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [9].

При разработке и принятии Положения исходили из того, что государство обязано, когда оно находится в опасности, принять самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Ког-

да государственный организм потрясен до корней, тогда правительство должно иметь право приостанавливать течение закона. В состоянии необходимой обороны правительство должно иметь полномочия приостанавливать все нормы права.

В марте 1882 г. принято «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» [10].

В соответствии с пп. 32–36 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» решения об установлении за лицами полицейского надзора принимали в канцеляриях министра внутренних дел, губернаторов и генерал-губернаторов.

В. М. Гессен, изучая положения губернаторского надзора, полагал, что формы и способы осуществления губернаторского надзора не могут быть однообразными. «Одни дела подлежат утверждению губернатора, другие *ex officio* заблаговременно представляются для рассмотрения его, третьи — могут быть затребованы губернатором на основании поступивших жалоб или следствии результатов ревизии. Губернаторское *veto* имеет характер в одних случаях абсолютный, в других относительный; в случаях относительного *veto* решение по делу, остановленного губернатором, зависит от решения либо судебно-административных мест, либо начальства того присутствия, коего решение губернатором остановлено.

Только одна форма надзора (*quasi*-надзора) не может и не должна быть предоставлена губернатору: это так называемый надзор с правом исправления; применяться не может, так как такой надзор ничем не отличается от активного управления и, во всяком случае, легко переходит в него» [11].

Разработанные В. М. Гессеном предложения по совершенствованию административного законодательства сохранили актуальность в настоящее время. В частности, он указывал на невозможность установления законности в управлении без надлежащего устройства административной юстиции, правильной постановки в законе вопросов самоуправления, изменения судопроизводственных правил о предании чиновников суду за преступления по должности и т. д. [11].

Совершенствование законодательства в сфере административной юстиции обусловило внимание ученых к правовому положению уполномоченных по правам человека.

М. С. Матейкович, И. С. Романчук, рассматривая деятельность уполномоченных, отмечают, что институт омбудсмена появился в 1809 г. в Швеции и до Первой мировой войны не имел аналогов. В 1919 г. этот институт был скопирован Финляндией, а во второй половине XX в. получил широкое распространение во всем мире. В начале текущего столетия

омбудсмены работали в 120 странах, отмечается тенденция к расширению географии данного института и усилению его роли [12, с. 46].

Отметим, что в Российской Федерации институт уполномоченных возобновил свою деятельность после выхода России из состава Советского Союза. В настоящее время реализация процессуальных прав уполномоченного осуществляется в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

Список источников

1. *История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг.* Т. 1-5. Санкт-Петербург. 1911. / сост. А. Н. Филиппов. 1911. URL: <https://www.prilib.ru/item/416862> (дата обращения: 25.05.2025).

2. *Указ 27 апреля 1722 г. «О должности Сената».* Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. URL: <https://constitution.garant.ru/history> (дата обращения: 25.05.2025).

3. *Инструкция о должности генерал-прокурора Сената, высочайше утвержденная императором Петром I. 27 января 1722 г.* URL: <https://www.prilib.ru/item/413709> (дата обращения: 25.05.2025).

4. *Указ от 19 апреля 1722 г. «О рудах».* URL: <https://rusneb.ru/catalog> (дата обращения: 25.05.2025).

5. *Грибовский В. М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй : ист.-юрид. исслед. 1901. URL: <https://www.prilib.ru> (дата обращения: 25.05.2025).

6. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

7. *Винер Н.* Человек управляющий. СПб., 2001. URL: <http://grachev62.narod.ru/wiener/the> (дата обращения: 25.05.2025).

8. *Процесс 1 марта 1881 г.* URL: <https://www.prilib.ru/item/441109> (дата обращения: 25.05.2025).

9. *Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.* Утверждено Комитетом министров 14 августа 1881 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13672> (дата обращения: 25.05.2025).

10. *Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей.* Высочайше утверждено 12 марта 1882 г. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes> (дата обращения: 25.05.2025).

11. *Гессен В. М.* Губернатор, как орган надзора. СПб., 1912. URL: <https://www.prilib.ru> (дата обращения: 25.05.2025).

12. *Матейкович М. С., Романчук И. С.* Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод // Журнал российского права. 2020. № 11.

Актуальные вопросы организации приема граждан участковыми уполномоченными полиции

Участковый уполномоченный полиции является ключевым звеном в системе органов внутренних дел, обеспечивающим непосредственное взаимодействие с населением. Организация приема граждан данной категорией сотрудников — важнейший элемент обеспечения доступности и открытости деятельности полиции, эффективной профилактики правонарушений и повышения доверия граждан к правоохранительным органам. В соответствии с приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке» и «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») участковый уполномоченный полиции ведет прием граждан, рассматривает обращения, проявляя вежливое, внимательное, тактичное и корректное отношение к гражданам. Вместе с тем в современной практике существует ряд проблем, требующих внимания научного сообщества, и их решения. Рассмотрим аспекты, которые следует учитывать при организации приема граждан.

Коммуникативные аспекты:

- навыки общения (умение устанавливать контакт с гражданами, выслушивать их проблемы, проявлять эмпатию и понимание);
- язык общения (использование понятного и доступного языка, избегание профессионального жаргона);
- конфликтное разрешение (способность участкового эффективно разрешать конфликтные ситуации, возникающие во время приема);
- культура общения (вежливость, корректность, уважительное отношение к гражданам).

Организационные аспекты:

- график работы (разработка удобного для граждан графика приема, с учетом особенностей района обслуживания);
- предварительная запись (возможность избежать длительного ожидания);
- информирование граждан о графике приема участковыми уполномоченными полиции, контактных данных участкового, порядке обращения;
- очередь и порядок приема (организация эффективной системы управления очередью, обеспечение комфортных условий ожидания);

— техническое оснащение (обеспечение участковых пунктов полиции необходимой офисной техникой и средствами связи).

Правовые аспекты:

— соблюдение законодательства (строгое соблюдение участковыми уполномоченными полиции действующего законодательства при рассмотрении обращений граждан и принятии решений);

— защита персональных данных (обеспечение конфиденциальности информации, полученной от граждан и ставшей известной в ходе выполнения служебных обязанностей);

— регистрация обращений (надлежащая регистрация всех видов обращений граждан, их рассмотрение и принятие законных и обоснованных решений).

Аналитические аспекты:

— анализ обращений граждан для выявления типичных проблем и выработка мер по их профилактике;

— оценка эффективности результатов работы участковых уполномоченных полиции по приему граждан, выявление положительных и негативных аспектов;

— отчет перед населением один раз в год о результатах проделанной работы на обслуживаемом административном участке.

Социально-психологические аспекты:

— доверие населения к участковым уполномоченным полиции;

— психологическая помощь (оказание психологической поддержки гражданам);

— работа с уязвимыми группами населения (с пожилыми людьми, инвалидами, несовершеннолетними и др.).

Технические аспекты:

— использование информационных систем и связи в повседневной служебной деятельности, достижений науки и техники, а также современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры учета и обработки обращений граждан;

— видеофиксация (возможность видеозаписи в процессе приема граждан для открытости и публичности, а также предотвращения провокационных ситуаций).

Необходимо обратить внимание и на существующие проблемы организации приема граждан, о которых фрагментарно упоминали в одной из своих работ Э. В. Маркина и Ю. Н. Сосновская:

— ограниченная доступность, т. е. не всегда график приема граждан удобен для работающего населения. Возникают сложности с доступом к участковому уполномоченному полиции лицам с огра-

ниченными возможностями, пожилым людям и жителям отдаленных районов;

- формальный подход (обращения рассматриваются поверхностно, не принимаются должные меры для решения проблем);

- недостаточная информированность граждан (не все граждане осведомлены о графике приема, контактных данных участкового, порядке подачи обращений);

- отсутствие обратной связи (граждане не всегда получают информацию о результатах рассмотрения их обращений, что снижает эффективность взаимодействия с полицией);

- недостаточное техническое оснащение: не все участковые пункты полиции оборудованы необходимой техникой (компьютеры, интернет, средства связи), что затрудняет работу с обращениями граждан;

- высокая нагрузка на участковых: большой объем работы, связанной с рассмотрением обращений, проведением профилактических мероприятий [1, с. 154].

Рассмотрев проблемные аспекты организации приема граждан участковыми уполномоченными полиции, мы предлагаем следующие пути оптимизации этого процесса:

- разработка гибкого графика приема граждан, учитывающего потребности различных категорий населения, включая вечерние часы и выходные дни;

- использование современных технологий: внедрение электронных сервисов, мобильных приложений и т. д. позволит упростить процедуру обращения к участковому, обеспечить оперативную обработку заявлений и предоставление обратной связи;

- повышение квалификации участковых уполномоченных полиции (необходимо проводить регулярное обучение сотрудников данного подразделения, развивать их навыки эффективного общения с гражданами, знакомить с методами разрешения конфликтов и основами психологии);

- улучшение материально-технического обеспечения (оснастить участковые пункты полиции современным оборудованием, необходимым для эффективной работы с обращениями граждан);

- развитие системы информирования населения о графике приема, контактных данных участкового, порядке подачи обращений и других важных аспектах взаимодействия с полицией;

- внедрение механизмов оценки качества приема граждан, регулярный мониторинг и анализ обращений граждан, проведение социологических опросов, позволяющих определить эффективность работы участковых.

Решение существующих проблем и реализация предложенных рекомендаций позволят оптимизировать процесс взаимодействия полиции с гражданами и работу участковых уполномоченных полиции. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению правопорядка и повышению уровня общественной безопасности.

Список источников

1. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Проблемные вопросы, связанные с организацией деятельности участкового уполномоченного полиции по рассмотрению и разрешению обращений граждан // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2.

С. А. Мамышев, У. Э. Осмонов

К вопросу планирования и организации профилактики правонарушений в Киргизской Республике

Планирование и организация профилактики правонарушений являются основными задачами и функциями в повседневной деятельности органов внутренних дел. От системного планирования зависит качество проведения мероприятий, направленных на улучшение и повышение уровня защищенности граждан, снижение уровня правонарушений и преступности.

Планирование и организация профилактики правонарушений входят в деятельность органов внутренних дел, объединяя сам план предполагаемых задач, улучшение состояния, обеспечение согласованности работы подразделений органов внутренних дел и субъектов профилактики. По завершении работы выявляются результаты и анализируется уровень достижения поставленных задач. Планирование и организация профилактики правонарушений являются менеджерской задачей руководства и каждого сотрудника милиции, а также уполномоченных органов. Процесс планирования состоит: 1) из анализа текущего состояния профилактики правонарушений в целом по республике и в отдельно взятом районе; 2) определения наиболее эффективных и требующих улучшения сфер деятельности; 3) уточнения имеющихся и необходимых ресурсов.

Учитывая вышеизложенное, можно установить цели на перспективу: определение реалистичных целей при имеющихся ресурсах; поиск показателей, на основе которых оценивается деятельность органов вну-

тренних дел с точки зрения стратегии; разработка списка приоритетных задач, которые решаются в данном случае; разработка гибкой методики планирования и организации. Эффективное планирование является ключевым условием прогресса для всех развивающихся стран [1].

В Киргизской Республике проводилось немало мероприятий, направленных на профилактику правонарушений: законодательное закрепление норм, обязательное планирование организации профилактики правонарушений.

К сожалению, все эти работы носили поверхностный характер, конкретного, четко определенного, систематизированного подхода не имелось. Казалось, что субъекты профилактики правонарушений самоустранились от ее осуществления, а органы внутренних дел, сами испытывая некоторые трудности (например, отток высококвалифицированных сотрудников, слабая материально-техническая база, внутренняя и внешняя миграция), в одиночку организовывали профилактические мероприятия.

Планирование и организация профилактики правонарушений входят в обязанности сотрудников милиции. В то время как другие субъекты либо не знают, что делать, либо вообще этого не хотят, поэтому многие аспекты профилактики правонарушений остаются неохваченными, а доминируют силовые методы решения проблем.

Осознавая, что профилактика правонарушений является одной из основ благополучия населения, нам необходимо определить задачи и цели, которые позволят государству, сообществам и местному самоуправлению в Киргизской Республике принимать непосредственное участие в создании безопасной среды в стране.

В настоящее время планирование профилактики правонарушений осуществляется на различных государственных уровнях. В подтверждение вышесказанного хотелось упомянуть, что в 2021 г. была принята новая редакция Конституции Киргизской Республики, которая изменила подход государственных органов к профилактике правонарушений. В статье 66 Конституции указано, что Президент Киргизской Республики является главой государства, высшим должностным лицом и возглавляет исполнительную власть. Данная норма существенно преобразила функции исполнительной власти и должностных лиц государственных органов по планированию и осуществлению профилактики правонарушений.

Осуществление профилактики правонарушений и преступлений было включено в «Национальную стратегию развития Киргизской Республики на 2018–2040 годы» под названием Стратегия «40 шагов». В ней

определено, что к 2040 г. Кыргызстан должен стать страной с безопасной средой для жизнедеятельности человека, обеспечивающей состояние физической защищенности общества, основанной на принципах раннего предупреждения рисков и угроз для человека, общества и государства. Это будет достигнуто путем повышения доверия граждан к правоохранительным органам, в том числе и органам внутренних дел. Доверие граждан станет ключевым критерием оценки их деятельности, а первоочередным государственным приоритетом в деятельности правоохранительных органов будет профилактика правонарушений с внедрением технической модернизации средств обеспечения безопасности [2].

Как известно, в 2021 г., наряду с Конституцией Кыргызской Республики, был введен в действие Закон Кыргызской Республики «Об основах профилактики правонарушений в Кыргызской Республике» [3]. В этом законе четко определены государственная политика, цели, задачи и полномочия субъектов профилактики правонарушений. Профилактика правонарушений была систематизирована, а также определены ее следующие виды:

1. Общая профилактика правонарушений.
2. Специальная профилактика правонарушений.
3. Пробационный надзор.
4. Виктимологическая профилактика правонарушений.

Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 23 августа 2022 г. № 469 утверждена «Концепция государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022–2028 годы» [4]. Концепция представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности государства в сфере профилактики правонарушений, определяет ее компоненты и направления деятельности по профилактике правонарушений на 2022–2028 гг.

В целях эффективной реализации концепции государственной политики по профилактике правонарушений 4 декабря 2023 г. № 748-р Кабинетом Министров Кыргызской Республики утвержден Национальный план действий по реализации Концепции государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022–2028 гг. [5].

В органах местного самоуправления создаются общественные организации в виде общественно-профилактических центров, структуру которых составляют Совет аксакалов, Совет женщин и Совет молодежи, а на местах — суды аксакалов, которые играют основную роль в организации профилактики правонарушений, так как их основные задачи и функции — содействие укреплению законности, обеспечение правопорядка

и предупреждение правонарушений, а также погашение социальных конфликтов на начальном этапе их возникновения [6].

В общеобразовательных организациях формируются отряды «Юные друзья милиции» и «Юные инспектора дорожного движения» [7; 8], создаются кабинеты профилактики правонарушений, которые вносят существенный вклад в осуществление профилактики правонарушений.

Несмотря на сформулированные понятия и цели, задачи и функции всех субъектов профилактики правонарушений, конкретных сдвигов в этом направлении до сих пор не прослеживается. Хотя предпринимались многочисленные попытки анализа причин и условий совершения правонарушений и преступлений, на наш взгляд, эффективность профилактической деятельности существенно снижается из-за отсутствия системных совместных планов. Именно такие планы могли бы вовлекать общественность, органы местного самоуправления и представителей бизнеса в поддержание правопорядка, а также способствовать устранению условий, порождающих правонарушения. Кроме того, совместное планирование наладило бы полноценное сотрудничество милиции со всеми субъектами профилактики.

Годовые, полугодовые, квартальные, ежемесячные, в некоторых случаях еженедельные и даже ежесуточные планы составляются шаблонно. Реализация их осуществляется не на должном уровне, не охватываются все слои населения, а мероприятия имеют разовый характер, тогда как профилактика правонарушений требует систематического, постоянного и целенаправленного подхода. Проведенный анализ и опрос среди населения, сотрудников государственных учреждений, органов местного самоуправления и самих сотрудников милиции показывает, что полноценной работе препятствуют социально-экономическое положение, незнание, недобросовестное отношение к своим обязанностям должностных лиц, исполнение несвойственных им функций, материальная составляющая.

Планирование в этом случае остается только объектом исследования для разработки наиболее рациональных форм и методов проведения профилактических мероприятий, а также ряда теоретических положений и практических рекомендаций. Нужно отметить, что сегодняшний опыт теоретических и методических разработок не столь широк и велик. Все это актуализирует проблему планирования профилактики правонарушений.

Для решения проблем необходимо систематически обучать всех заинтересованных лиц, провести инвентаризацию имеющихся нор-

мативно-правовых актов на наличие норм, предусматривающих планирование и организацию профилактики правонарушений, усилить контроль за деятельностью подразделений, где решаются конкретные задачи планирования, борьбы и предупреждения преступлений и иных правонарушений. При определении или оценке деятельности субъектов профилактики критически важно учитывать организацию профилактической работы. Этого можно достичь, внедрив стимулирующие и мотивирующие методы:

- оценка эффективности и публичное признание разработанных и реализованных планов профилактики [9]. Подразделения или сотрудники, демонстрирующие высокие показатели в планировании и достижении результатов, могут быть отмечены грамотами, благодарностями, поощрительными премиями или повышением в должности. Например, можно ввести ежегодный конкурс «Лучший профилактический план» среди районных отделов с последующим освещением мероприятия в СМИ и ведомственных изданиях;

- система грантов и финансирования. Для органов местного самоуправления и общественных организаций, активно участвующих в профилактике, могут быть предусмотрены целевые гранты или дополнительное финансирование на реализацию наиболее продуманных и эффективных планов [10];

- обучение и повышение квалификации путем предоставления доступа к современным образовательным программам, семинарам и тренингам по стратегическому планированию, проектному менеджменту и межведомственному взаимодействию. Это не только повышает профессиональный уровень, но и служит мотивацией. Например, пройти курсы в ведущих академиях МВД или международных центрах;

- включение показателей планирования в систему ключевых показателей эффективности: интеграция качественных и количественных показателей планирования профилактической работы для сотрудников и руководителей всех уровней, ответственных за профилактику [11].

Для повышения качества планирования необходимо также детально проанализировать, кто и как принимает решения по подготовке и разработке определенного плана, а также с кем они взаимодействуют и на каких условиях.

С учетом теоретических и практических проблем планирования профилактики правонарушений в органах внутренних дел на современном этапе, на наш взгляд, необходимо выделить следующие задачи:

— рассмотреть понятие, сущность и принципы планирования профилактики правонарушений в органах внутренних дел, базируясь на национальном и международном опыте и методических рекомендациях;

— четко определить виды планов профилактики правонарушений в органах внутренних дел и требования практики;

— исследовать современный процесс принятия планов профилактики правонарушений в органах внутренних дел и его структуру;

— разработать комплекс общих и специальных проблем планирования профилактики правонарушений на примере деятельности практических подразделений органов внутренних дел.

Планирование и организацию профилактики правонарушений необходимо рассматривать как циклический и непрерывный процесс, включающий в себя следующие стадии: анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории; выявление проблем планирования и организации профилактики правонарушений; определение видов плана профилактики; разработку и выбор альтернативного плана; его согласование; контроль за реализацией; контроль и оценку результатов планирования; выявление недостатков.

В связи с этим есть необходимость пересмотра нормативно-правовых актов МВД, касающихся планирования и организации профилактики правонарушений, с учетом современных вызовов (например, рост киберпреступности, преступлений, связанных с миграцией, или правонарушений в сфере информационных технологий); разработки новых форм сообщений о совершенных правонарушениях, более адаптированных к цифровой среде и удобных для граждан, что позволит повысить оперативность реагирования и полноту поступающей информации; создания современной схемы анализа правонарушений, совершенных на обслуживаемой органом внутренних дел территории; расширения и диверсификации мер воздействия на правонарушителей, ориентированных на профилактику рецидива и социальную реинтеграцию. Предлагаются также следующие направления:

— развитие и внедрение восстановительного правосудия: применение медиации и примирительных процедур по делам о менее тяжких правонарушениях, что позволяет возместить вред потерпевшему, способствует осознанию правонарушителем последствий своих действий и снижает вероятность повторного совершения проступка (например, пилотные проекты в рамках судов аксакалов или специализированных центров);

— расширение применения альтернативных видов наказаний: активное использование общественных работ, штрафов, а также обязатель-

ных образовательных и коррекционных программ (например, курсов по управлению гневом, программ по профилактике зависимости) вместо или в качестве дополнения к лишению свободы за определенные категории правонарушений;

— индивидуализированные программы пробации и реабилитации: создание персонализированных программ для лиц, освобожденных из мест лишения свободы или находящихся под пробационным надзором. Эти программы должны включать психологическую поддержку, помощь в трудоустройстве и получении образования, социальное сопровождение для минимизации рисков рецидива (необходимо уточнить, кто будет разрабатывать и контролировать эти программы, возможно, это потребует расширения штата пробационной службы или привлечения неправительственных организаций);

— применение современных технологий в контроле и мониторинге: использование электронных браслетов для лиц, находящихся под пробацией, или осужденных к ограничению свободы. Внедрение систем дистанционного надзора и уведомлений для профилактики нарушения условий наказания (это требует инвестиций в технологии и обучение персонала);

— введение мер воздействия на ранних стадиях девиантного поведения: для несовершеннолетних или лиц, впервые совершивших незначительные правонарушения, предлагается система предупредительных мер, включающая обязательные беседы с психологами, социальными работниками, участие в воспитательных мероприятиях, направленных на формирование правосознания и социально ответственного поведения.

Список источников

1. *Как организовать* планирование деятельности предприятия (Блог компании 1С:БИТ). URL: <https://www.1cbit.ru/blog/kak-organizovat> (дата обращения: 01.06.2025).

2. *Национальная стратегия развития* Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. URL: <https://mineconom.gov.kg/storage> (дата обращения: 01.06.2025).

3. *Об основах профилактики правонарушений* в Кыргызской Республике : закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. № 60. URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 01.06.2025).

4. *Концепция государственной политики в сфере профилактики правонарушений* на 2022–2028 годы : постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 23 августа 2022 г. № 469. URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 01.06.2025).

5. *Об утверждении* Национального плана действий по реализации Концепции государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022–2028 годы : распоряжение Кабинета Министров Киргизской Республики от 4 декабря 2023 г. № 748-р. URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 01.06.2025).

6. *О судах аксакалов* : закон Киргизской Республики от 19 февраля 2024 г. № 52. URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 01.06.2025).

7. *Об утверждении* типового положения отрядов «Юный друг милиции (ЮДМ)» в общеобразовательных организациях Киргизской Республики : приказ Министерства внутренних дел Киргизской Республики от 4 марта 2013 г. № 177 и Министерства образования и науки Киргизской Республики от 4 марта 2013 г. № 92/1. URL: <https://42.edubish.kg/wp-content/uploads/sites> (дата обращения: 01.06.2025).

8. *Положение* об отрядах юных инспекторов движения (ЮИДД), школа-гимназия № 2 им. Ж. Касымбаевой. URL: <https://kasymbaeva.mektebim.kg/polozhenie> (дата обращения: 01.06.2025).

9. ОБСЕ. Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/c/32548> (дата обращения: 01.06.2025).

10. *Об организации* финансирования проектов местных сообществ, направленных на развитие города Бишкек, за счет стимулирующих (долевых) грантов : постановление Бишкекского городского кенеша от 2 декабря 2009 г. № 114. URL: <https://www.gorkenesh.kg/ru/the-rulings-of-the-bgk/25-sozyv> (дата обращения: 01.06.2025).

11. Полтарыхин А. Л., Великороссов В. В., Козлов В. А., Озеров С. Л., Мельников А. С. Особенности применения и пути формирования новой системы ключевых показателей эффективности (KPI) в условиях кризиса // Индустриальная экономика. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-i-puti-formirovaniya-novoy-sistemy-klyuchevyh-pokazateley-effektivnosti-kpi-v-usloviyah-krizisa> (дата обращения: 01.06.2025).

А. С. Поправко, Н. А. Манамс

Некоторые особенности производства по делам об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Производство по делам об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в части передачи либо попытки передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) или в местах содержания под стражей, представляет собой специфический институт административного процесса, требующий строжайшего соблюдения процессуальных норм, единообразия процедур и высокой степени межведомственной координации.

Передача запрещенных предметов осужденным и арестованным лицам квалифицируется как административное правонарушение, если отсутствует состав преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. К запрещенным предметам относятся мобильные телефоны, средства связи, предметы, которые могут быть использованы в качестве оружия, алкоголь, наркотические вещества, а также устройства, позволяющие осуществлять скрытную передачу информации.

Производство начинается с выявления факта передачи или попытки передачи. На практике это осуществляется в ходе досмотровых мероприятий при самой передаче, личного досмотра посетителя или проверки содержимого вещей с помощью технических средств. При обнаружении подозрительного предмета сотрудник учреждения УИС составляет акт обнаружения и изъятия запрещенного предмета, который подписывается двумя понятыми, сотрудником, проводившим досмотр, и (по возможности) лицом, передающим предмет.

После этого лицо, допустившее противоправное действие, привлекается для предоставления письменных объяснений, в которых он может изложить свое видение событий. Отказ от дачи объяснений фиксируется соответствующей отметкой. Кроме того, оформляется уведомление о праве на защиту, в котором разъясняется право привлекаемого лица на юридическую помощь.

Следующий этап — составление протокола об административном правонарушении по ст. 28.2 КоАП РФ. Протокол заполняется уполномоченным должностным лицом — сотрудником учреждений УИС или

Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД). Документ должен содержать полные данные о лице, времени и месте правонарушения, описание запрещенного предмета, обстоятельства изъятия, показания понятых, а также сведения о приложенных материалах (фото, видео, акты).

Протокол и сопутствующие материалы направляются в мировой суд по месту совершения правонарушения. Согласно ст. 23.1 КоАП РФ дела по ст. 19.12 рассматриваются мировыми судьями. На это отводится 15 дней, суд вправе запросить дополнительные доказательства, вызвать свидетелей, провести допрос должностных лиц и изучить видеозаписи. В итоге суд выносит постановление о наложении штрафа или прекращении дела.

Практика показывает, что ключевым доказательством умысла является способ сокрытия предмета. В постановлении Тюменского областного суда от 3 марта 2021 г. № 5-110/2021 указано, что размещение телефона в пакете с продуктами с предварительной маскировкой свидетельствует о прямом умысле [1]. В другом случае — дело № 12-147/2022 Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону — сим-карта была спрятана в книге, снабженной запиской, адресованной конкретному осужденному [2].

Важными являются вопросы информирования и инструктажа посетителей. В учреждениях УИС реализуются профилактические меры: на входе размещаются стенды с перечнем запрещенных предметов, проводятся устные разъяснения, а также выдаются памятки посетителям. Однако исследование, проведенное в 2022 г. Институтом проблем исполнения наказаний, показало, что около 27% посетителей не ознакомлены с перечнем запрещенных предметов, что увеличивает риск нарушений [3].

Для предупреждения правонарушений необходимо, на наш взгляд, внедрение цифровых технологий: создание электронной базы передачи запрещенных предметов (централизованного реестра попыток передачи запрещенных предметов, куда сотрудники учреждений заносят информацию обо всех случаях с указанием даты, данных лица, описания предмета и итога рассмотрения). Такая база позволит:

- отслеживать рецидивистов;
- осуществлять автоматическое уведомление МВД о повторных нарушениях;
- контролировать исполнение решений судов.

Кроме того, перспективным является использование видеofиксации всех досмотров. Согласно рекомендациям Федеральной служ-

бы исполнения наказаний (далее — ФСИН) учреждения должны быть оснащены портативными и стационарными видеорегистраторами. Однако в 34% исправительных учреждений (по данным Генеральной прокуратуры РФ) подобное оборудование отсутствует или не используется [4, с. 41–47].

Ключевой элемент — взаимодействие между ФСИН и МВД. В соответствии с ведомственными соглашениями при наличии признаков правонарушения сотрудники УИС обязаны:

- незамедлительно уведомить дежурную часть МВД;
- передать материалы (акт, протокол, объяснения, фото и видео);
- при необходимости обеспечить охрану места происшествия до прибытия полиции.

Существует проблема отсутствия унифицированных форм документов. Например, акты об изъятии могут отличаться по содержанию в разных регионах. Решением может стать утверждение единого пакета типовых форм на федеральном уровне, с последующей интеграцией в электронный документооборот.

Важно отметить мнение специалистов. Так, профессор А. С. Алексеев указывает, что в ряде случаев сотрудники учреждений не осведомлены обо всех признаках состава административного правонарушения, что приводит к ненадлежащей квалификации действий граждан [5, с. 41–47]. Он предлагает разработать методические рекомендации для ФСИН по выявлению, фиксации и квалификации подобных деяний.

Таким образом, совершенствование производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.12 КоАП РФ в части передачи запрещенных предметов, требует системной работы:

- технического переоснащения учреждений;
- цифровизации документооборота;
- унификации подходов и процедур;
- обучения персонала;
- правовой просветительской работы с гражданами.

Список источников

1. *Постановление* Тюменского областного суда от 3 марта 2021 г. № 5-110/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. *Дело № 12-147/2022* Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Отчет* Института проблем исполнения наказаний: Анализ эффективности профилактики административных правонарушений в УИС. М., 2022.

4. *Отчет* Генеральной прокуратуры РФ о состоянии законности в учреждениях УИС. 2023 // Официальный сайт Генпрокуратуры РФ. URL: <https://epp.genroc.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2025).

5. *Алексеев А. С.* Методика выявления административных правонарушений в пенитенциарной системе // Журнал административного права. 2023. № 1.

К. А. Попова

Общественное мнение как один из базовых принципов деятельности полиции и критерий его официальной оценки

Общественное мнение играет ключевую роль в функционировании любого демократического общества. В контексте правоохранительной деятельности общественное мнение становится не просто индикатором удовлетворенности граждан, но и важным инструментом, влияющим на эффективность работы полиции.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» устанавливает одним из принципов деятельности полиции общественное доверие и поддержку граждан. В соответствии с п. 6 ст. 9 закона «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции» и служит важным фактором, поскольку влияет на уровень доверия к правоохранительным органам, а также на эффективность их работы. Общественное мнение также играет значимую роль в оценке легитимности действий полиции. Если граждане считают действия полиции справедливыми и законными, это способствует укреплению авторитета правоохранительных органов и повышению их эффективности. Напротив, если действия полиции воспринимаются как несправедливые, это может привести к снижению доверия и ухудшению отношений между полицией и обществом.

Общественное мнение о деятельности полиции изучается несколькими структурами: социологическими исследовательскими организациями (Фондом общественного мнения (ФОМ), Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ), Российским государственным социальным университетом (далее — РГСУ), Федеральной службой охраны Российской Федерации (далее — ФСО России), Территориальными органами МВД России на региональном уровне (ТО МВД России), Общественными советами при органах вну-

тренних дел). Результаты этих исследований ежегодно аккумулируются Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России (далее — ВНИИ МВД России) и публикуются на официальном сайте Министерства внутренних дел [1], а также в иных источниках [2]. Каждое исследование имеет строгую методологию, репрезентативную выборку и структурированные опросники.

МВД осуществляет также опрос посетителей своего официального сайта посредством анкетирования. В выборку данного исследования входят посетители официального сайта МВД России, самостоятельно решившие принять участие в анкетировании. Их количество и репрезентативные признаки не регламентируются. Участвуют в интернет-опросе все желающие.

Остановимся подробнее на ежегодном мониторинге общественного мнения, инициируемом ВНИИ МВД России [1]. Начиная с 2016 г. он включает в себя измерение таких показателей, как защищенность, доверие, эффективность, защищенность на транспорте.

Анализ имеющихся статистических данных позволяет выделить общие тренды в изменении общественного мнения о деятельности полиции.

Первый тренд заключается в росте положительных значений по каждому из показателей. Так, с 2016 г. по 2024 г. показатель «Уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств» увеличился на 21,7%, показатель «Уровень доверия к органам внутренних дел в обеспечении их личной и имущественной безопасности» — на 15,7%, показатель «Оценка эффективности деятельности органа внутренних дел как государственного органа по защите интересов граждан» вырос на 16,5%, а показатель «Уверенность граждан в защищенности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта» — на 21,5% (табл.). При этом наибольший рост в процентном отношении по всем показателям относится к 2022 г.

Таблица. Динамика исследуемых показателей, %

Показатель	Годы									Динамика с 2016 г. по 2024 г.
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Защищенность	38,4	38,0 (−0,4)	42,2 (+4,2)	45,7 (+3,5)	51,1 (+5,4)	52,1 (+1)	58,5 (+6,4)	59,0 (+0,5)	60,1 (+1,1)	+21,7
Доверие	39,1	38,3 (−0,8)	39,4 (+1,1)	41,9 (+2,5)	44,9 (+3)	45,4 (+0,5)	51,7 (+5,7)	53,3 (+1,6)	54,8 (+1,5)	+15,7
Эффективность	36,7	35,3 (−1,4)	38,2 (+2,9)	40,0 (+1,8)	43,8 (+3,8)	44,4 (+0,6)	49,2 (+4,8)	51,3 (+2,1)	53,2 (+1,9)	+16,5
Защищенность на транспорте	37,8	36,9 (−0,9)	41,9 (+5,0)	45,2 (+3,3)	51,6 (+6,4)	52,3 (+0,7)	56,7 (+4,4)	57,9 (+1,2)	59,3 (+1,4)	+21,5

Второй тренд демонстрирует устойчиво низкий показатель оценки эффективности деятельности полиции. Данный показатель регулярно занимает последнее место среди всех остальных. В 2016 г. он составлял всего 36,7%, в 2017 г. — 35,3%. В 2023 г. этот показатель впервые преодолел порог в 50%, однако все равно он устойчиво низкий (36,7% — 2016 г.; 35,3 — 2017 г.; 38,2 — 2018 г.; 40,0 — 2019 г.; 43,8 — 2020 г.; 44,4 — 2021 г.; 49,2 — 2022 г.; 51,3 — 2023 г.; 53,2 — 2024 г.).

Следующий показатель, имеющий невысокую оценку среди опрошенных, отражает уровень доверия. Он на несколько пунктов опережает показатель эффективности, но также является проблемным. В частности, в 2016 г. среди респондентов лишь 39,1%, а в 2017 г. только 38,3% выказали доверие полиции. В 2024 г. показатель укрепился и достиг значения 54,8%, что, безусловно, позволяет вести речь о впечатляющей положительной динамике.

Показатели защищенности и защищенности на транспорте устойчиво лидируют, конкурируя из года в год за первенство между собой.

Следует сделать акцент на том, что изучение общественного мнения ориентировано на субъективность и может быть только дополнением к другим критериям оценки деятельности полиции. «Общественное мнение следует понимать как мнения, суждения, оценки по тому или иному поводу, распространенные в социуме. Мнения основываются на эмоционально-чувственно окрашенных представлениях» [3, с. 78]. Эта субъективность требует уточнений. Во-первых, необходимо понимать, на основе какой информации население оценивает деятельность полиции. Что для них является источником информации (личный опыт, СМИ, социальные сети и т. д.). Очевидно, что образ полиции будет зависеть от контента в разных источниках информации.

Результаты этого же мониторинга свидетельствуют о том, что личный опыт общения с полицией служит источником информации о ее деятельности лишь в редких случаях. Среди опрошенных 9,9% преступным посягательствам подвергались лично в 2016 г.; 9,1% — в 2017 г.; 8,2 — в 2018 г.; 8,5 — в 2019 г.; 8,8 — в 2020 г.; 8,8 — в 2021 г.; 8,0 — в 2022 г.; 9,2 — в 2023 г.; 9,4% — в 2024 г. [1].

С одной стороны, отсюда следует, что количество преступлений изменяется незначительно. С другой — мы можем сделать вывод, что только около 8,0–9,5% опрошенных имели личный опыт взаимодействия с сотрудниками МВД по вопросам преступлений, а значит, представление об эффективности работы полиции у большинства респондентов формируется, скорее всего, не на основе личного опыта, а из других источников.

Понятие эффективности может по-разному интерпретироваться респондентами. Для одних эффективность может означать количество раскрытых преступлений и правонарушений, для других — результаты профилактической работы и снижение уровня преступности и правонарушений, а для третьих — чувство собственной безопасности и защищенности.

Вышеперечисленное свидетельствует о необходимости комплексного и более детального подхода к восстановлению доверия общества, который должен включать в себя улучшение качественных показателей в работе сотрудников МВД и особую государственную политику, направленную на формирование позитивного имиджа сотрудников правоохранительных органов. Очевидно, что эти направления должны дополнять друг друга.

Кроме того, можно выделить и несколько особенностей, связанных с оценкой деятельности полиции населением. Первая из них связана с характеристикой положительной и отрицательной динамики показателей. Среди пиковых периодов с положительной динамикой можно выделить 2020 г. и 2022 г. Среднее значение роста по указанным показателям составило +4,6 и +5,3% соответственно. В 2024 г. оно равняется только +1,5%. По другим периодам положительная динамика более умеренная. Среди прочего можно выделить 2017 г.: в это время динамика была отрицательной по всем анализируемым показателям. Эти тенденции требуют более детального анализа причинно-следственных связей.

Второй особенностью является зависимость измеряемых показателей от методологии исследования. Данные разных исследовательских организаций общественного мнения значительно отличаются друг от друга, хотя общий тренд положительной динамики в оценке населением деятельности полиции чаще всего сохраняется. Так, в 2015 г. уровень доверия к сотрудникам полиции среди населения, по данным ВЦИОМ, оценивается в 46%, а по данным РГСУ — в 67%. Вместе с тем следует учитывать разницу в количестве респондентов (1600 человек и 48 800 человек соответственно) и методике исследования. Эту же проблему выделяют и ученые. В частности, Ю. В. Латова с соавторами отмечает отсутствие связи между оценками ФСО России и МВД России, что негативно сказывается на доверии к подобного рода опросам [4, с. 194–206]. Аналогичную проблему выявляет и С. А. Тимко: «Чтобы исключить тенденциозность, „подгонку“ ответов под желаемые результаты, исследования общественного мнения должны проводиться независимыми службами (как это делалось в последние годы). У МВД России уже был неудачный опыт мониторинга собственными силами (в конце 1990-х — начале 2000-х гг.), когда положи-

тельные оценки деятельности тогда еще милиции в 2–2,5 раза превышали реальные показатели» [5, с. 70–75].

В этом ракурсе положительным является стремление МВД интегрировать данные разных исследований. В частности, интересным представляется опрос общественного мнения, приуроченный ко Дню сотрудника органов внутренних дел и посвященный общественному восприятию профессии полицейского. Так, в 2023 г. уровень доверия россиян полицейским достиг своего максимума и составил 66%. Как отмечает ВЦИОМ, «всего за пять лет, с 2012 по 2018 г., доля доверяющих выросла в 1,6 раза — с 35% до 57%». В 2023 г. (данных за 2024 г. нет) «престижность и доходность профессии полицейского россияне в среднем оценивают на „тройку с плюсом“ — 3,48 и 3,29 балла из пяти возможных» [2].

Вместе с тем анализ данных социологических исследований о деятельности полиции позволяет сделать ряд выводов.

1. Отмечается общая устойчивая тенденция к положительной оценке деятельности полиции обществом. Это заметно по каждому из анализируемых показателей.

2. Выявляется необходимость профессионального и внимательного подхода к изучению общественного мнения, так как ряд исследований демонстрирует значительные расхождения в аналогичных показателях. Работа по актуализации методик для изучения общественного мнения о деятельности полиции ведется, например, А. Р. Каспаровым, который подробно описывает современные социологические методики в этом направлении [6, с. 138–145].

3. Существует необходимость более детального изучения мнения общества о деятельности полиции, конкретной формулировки критериев (скорость реагирования на вызовы, качество предоставляемых услуг и уровень профессионализма сотрудников, борьба с преступностью, защита прав и свобод граждан и соблюдение законности) для выявления сильных и слабых сторон в деятельности полиции и разработки конкретных шагов для ее совершенствования.

Таким образом, общественное мнение является неотъемлемым элементом, определяющим эффективность деятельности полиции. Оно выступает не только как индикатор общественного доверия и удовлетворенности, но и как важный инструмент обратной связи, позволяющий корректировать стратегию и тактику правоохранительной деятельности. Объективная оценка общественного мнения должна стать неотъемлемой частью системы управления полицией, обеспечивая прозрачность и подотчетность перед обществом. Внедрение механизмов регулярного

мониторинга и анализа общественного мнения представляется необходимым и важным аспектом, позволяющим укрепить доверие общества к правоохранительной системе. Для того чтобы эффективно использовать общественное мнение в своей деятельности, полиция должна иметь четкие критерии его официальной оценки. Эти критерии должны быть объективными, измеримыми и прозрачными, чтобы обеспечить достоверность и надежность полученных данных.

Список источников

1. *Всероссийский* научно-исследовательский институт МВД России : официальный сайт. URL: <https://mgimo.ru/library/scientific> (дата обращения: 29.05.2025).

2. *Всероссийский* центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : «Профессия: полицейский». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii> (дата обращения: 25.05.2025).

3. *Зубарев Д. Ю.* Общественное мнение: дискуссии о дефиниции // *Армия и общество*. 2014. № 3(40).

4. *Латов Ю. В., Ситковский А. Л., Костин С. Г.* Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // *Труды Академии управления МВД России*. 2021. № 2(58).

5. *Тимко С. А.* Новая процедура мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: критический взгляд // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2017. № 2(27).

6. *Каспаров А. Р., Савина С. В.* Современные методики изучения общественного мнения о деятельности полиции // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4(269).

Синь И Цинь

Дилеммы, с которыми сталкивается полиция, и стратегии их решения

内蒙古警察职业学院 武静 邢轶清

警察权力面临的困境及应对策略

Полицейская власть, являясь ключевым инструментом государства для поддержания общественного порядка, обладает принудительностью и законностью. Однако ее применение сталкивается с следующими вызовами: размытые границы полномочий, недостаточная стандартизация правоприменения, технологические изменения и новые виды преступности. Для решения этих проблем международное сообщество принимает меры, совершенствуя правовые системы, усиливая надзор и подотчетность, развивая полицейские технологии, оптимизируя распределение полицейских ресурсов и углубляя международное сотрудничество. Китай, опираясь на международный опыт и учитывая национальные особенности, построил систему управления полицией, ориентированную на человека, повышая эффективность правоприменения посредством правового регулирования, технологического обеспечения и руководства со стороны партии. Цель данной статьи — предоставить теоретическую основу для нормализации, модернизации и интернационализации полицейской власти, способствуя построению более справедливой, эффективной и прозрачной полицейской системы, что в конечном итоге обеспечит двойную гарантию общественной безопасности и гражданских прав.

Ключевые слова: полицейская власть, полицейская система, полицейское управление, проблемы правоприменения, стратегии преодоления проблем

摘要: 警察权力作为国家维护社会秩序的核心工具，具有强制性、法定性等特征，但其行使也面临权力界限模糊、执法规范化不足、技术变革与新型犯罪等挑战。针对这些问题，国际社会通过完善法律体系、强化监督问责、推动警务科技、优化警力配置及深化国际合作等路径加以应对。中国在借鉴国际经验的基础上，结合国情构建了以“人民为中心”的警察管理体系，通过法治化、科技赋能和党建引领提升执法效能。本文旨在为警察权力的规范化、现代化与国际化提供理论参考，推动构建更加公正、高效、透明的警务体系，最终实现社会安全与公民权利的双重保障。

关键词: 警察权力；困境；治理；路径；

警察权力作为国家治理体系的重要组成部分，既是维护社会秩序、保障公共安全的必要手段，也是平衡公权力与公民权利的关键环节。然而，随着社会变革、技术发展和公民法治意识的提升，警察权力在实践中的边界模糊、执法规范化不足、新型犯罪挑战等问题日益凸显，引发了关于权力制约、执法透明与人权保障的广泛讨论。如何在法治框架下优化警察权力运行机制，提升执法公信力，成为各国警务改革的核心议题。警察权力面临的困境是法律、社会、技术、资源与国际因素交织结果，未来需要在法治框架、公众信任、技术治理和国际合作等方面综合施

策，以平衡公权力与公民权利，保障社会公平正义。

一、警察权力维度解析

警察作为国家公职人员，在保障公民权利、维护社会稳定方面发挥着至关重要的作用，警察权力是实现这些目标的必要手段。警察权力，是指警察在履行职务过程中，依照法律法规的规定，对犯罪行为、违法行为以及危害公共安全、破坏社会秩序的事物采取强制性措施、进行检查、追捕、强制传唤、强制扣押、强制拘留、行政拘留等的一种特殊权力，具有强制性、专属性、法定性和有限性等特征。警察权力既是国家用以治理社会的重要依赖，同时也是国家治理的重要对象。警察权力是警察的基本职权，也是警察区别于其他国家机关工作人员的主要标志。警察权力包括行政警察权、刑事警察权、服务性权力、特殊状态下的警察权力。警察权力的核心要素是法律授权性，必须由法律明文规定，禁止“法外执法”。同时具有公共管理和强制执行力属性。警察权力是国家治理的核心工具，但其行使必须严格遵循法治原则、人权保障和社会监督，否则可能异化为暴力或滥权的工具。但近年来，警察权力面临的一系列困境逐渐凸显，引起了国际社会的广泛关注。从滥用职权、暴力执法到公众对警察执法的不信任等问题，不仅影响到警民关系的和谐，也对社会秩序的稳定构成了潜在威胁。不同国家在解决这些问题上积累了丰富的经验，形成了各自的应对策略。如何有效应对这些困境，平衡警察权力与公民权利之间的关系，成为国际社会共同面临的重大课题。

二、警察权力困境剖析

（一）部分权力界限的不清晰

警察权力的范围有界定，但是实践案例不可能都是教科书式的范式呈现，导致警察执法权限边界模糊，在实际执法过程中存在权力滥用的可能。一方面，警察在处理各种事务时，对于一些边缘性和交叉性的情况，难以准确判断自身权力的边界，容易出现越权执法的问题。例如，在处理一些民事纠纷时，警察可能会过度介入，超出调解的范畴，引发公众对警察权力越界的质疑。另一方面，随着社会的发展和新型犯罪的出现，警察的权力范围需要不断调整和界定，但由于法律法规的更新滞后，导致权力界限模糊的问题更加突出。

（二）执法规范化的挑战

部分警察在执法过程中未能严格遵循执法程序和规范，存在程序违法、不文明执法等现象。这可能导致执法结果的不公，引发当事人的不满和对抗。一些警察在执法时缺乏证据意识，对证据的收集、保存和使用不规范，影响案件的公正处理。此外，执法语言和行为的不文明也容易引起当事人的反感，导致执法公信力危机、社会信任困境。

（三）世情国情变化带来的新问题

在全球化和信息技术快速发展的背景下，警察面临着许多前所未有的新挑战。跨国犯罪、网络犯罪等新型犯罪形式不断涌现，涉及跨境执

法权限争议、司法主权冲突等问题，要求警察具备更强的专业能力和执法水平。同时，新时代公众对警察执法的期望和要求也在不断提高，不仅要求维护社会秩序，还关注警察执法的公正性、透明度和人性化程度。人工智能快速发展使警察面临数字执法能力不足、数据隐私保护冲突、智能技术伦理争议等技术应用困境考验。这些新问题给警察权力的运行带来了巨大的压力和困境。

三、警察权力治理路径

（一）完善法律与制度保障

规范警察权力运行的基础性工作必须完善修订法律和制度规范。许多国家都建立了完善的警察法律体系，明确规定警察的职责、权力和执法程序，建立一系列配套制度，通过立法明确界定警察的职责权限和执法程序，并配套建立了警察问责、内部监督等制度机制，为警察权力的规范行使提供了制度保障。中国已经建立了系统完备的警察法律体系，仍要进一步完善。探讨将警察权力同公民权利的诸多交叉剥离开来，细化各警种执法权限清单，为一线执法提供清晰的法律指引，使警察在执法过程中有更明确的法律依据，从源头上防范权力滥用风险。同时，建立健全警察执法的法律保障机制，确保警察在依法履行职责时的人身安全和合法权益。

（二）强化执法监督机制

为了加强对警察权力的监督，国际上普遍建立了多元化的监督机制。内部监督方面，一些国家通过设立独立的警察监督机构，负责对警察的执法行为进行审查和监督，确保监督的独立性和客观性。外部监督方面，公众可以通过投诉渠道对警察的不当行为进行举报，媒体通过报道引起社会关注，推动问题的解决，司法系统则负责对警察的违法犯罪行为进行审判和制裁。中国进一步构建更加全面、有效的执法人员监督体系，加强公安机关内部监督机制的建设和完善，确保监督工作的专业性和独立性。同时，充分利用现代科技手段，拓宽公众监督和媒体监督的渠道，让警察执法在阳光下进行，加强司法机关对警察执法案件的审查和监督，严格执行对违法犯罪警察的惩处措施，维护执法的公正性和严肃性。

（三）推动警务科技赋能

随着信息技术的飞速发展，各国警队纷纷利用科技手段提高执法效率和透明度。例如，建立智能化的报警系统，快速响应案件；利用监控摄像头、大数据分析等技术手段，辅助案件侦查和证据收集；推行电子执法记录仪的使用，实时记录执法现场情况，为执法过程提供有力证据，防止权力滥用。同时，通过信息化平台向公众公开执法信息，接受社会监督，增强执法的公信力。推动“智能警务”而非“无限监控”，确保法治原则不被侵蚀。充分借鉴国外利用科技手段提升执法效率和透明度的经验，加大在警察队伍建设中科技应用投入。推广应用大数据、

人工智能等技术，辅助案件侦查和预警决策，加强警用装备的科技化水平，提高警察在应对紧急情况和处理复杂案件时的实战能力，以科技赋能实现执法效能和水平的提升。

（四）强化专业化和职业化建设

注重警察队伍的专业素质和职业道德培养是国际社会的普遍共识。各国普遍通过建立定期培训机制，系统提升警察的法律素养、执法技能和沟通能力，以确保其能够更加专业地履行职责。与此同时，各国都高度重视警察职业道德教育，着力培养执法人员的责任感、正义感和人权意识。在这一方面，中国警察始终秉持“以人民为中心”的执法理念，在具体执法实践中，特别注重保护公民合法权益，积极回应群众诉求，致力于构建和谐互信的警民关系。通过将中国共产党的领导与依法治警有机结合，中国不断完善相关法律法规，规范警察权力运行机制，逐步形成了具有中国特色的警察管理体系。这一体系包括多警种协同配合的组织架构，以及涵盖招录、晋升、任免等环节的严格人事管理制度。此外，中国还建立了完善的警察荣誉制度，通过授予勋章、证书等表彰形式，激励广大民警忠诚履职，为维护社会秩序和国家安全提供了坚实的制度保障。

（五）持续深化国际警务合作

在全球面对犯罪形势日益复杂化的背景下，中国公安机关积极推进国际警务合作机制建设，着力构建更加完善的跨国执法协作网络。为有效应对跨境电信诈骗、网络犯罪、恐怖主义等新型犯罪威胁，中国警方与多个国家和地区建立了长期稳定的执法合作关系，不断提升跨境执法效能。在具体实践中，中国警方特别注重科技创新在执法领域的应用，持续加强大数据分析、人工智能等前沿技术在犯罪侦查和预防中的运用，显著提升了打击新型犯罪的能力和效率。以跨境电信网络诈骗犯罪为例，中国警方与东南亚、欧洲等多个国家和地区开展系列联合执法行动，成功破获多起重大跨国犯罪案件。中国公安机关通过积极参与国际警务合作，既提升了自身应对新型犯罪的专业能力，也为完善全球安全治理体系贡献了中国智慧和方案，充分展现了中国在维护国际安全秩序中的担当与作为。

四、结论

警察权力的运行直接关系到社会的稳定和公民的权益。当前，警察权力面临着权力边界模糊、执法规范化不足、新型犯罪挑战等多重困境，这些问题的解决需要法律、技术、监督和国际合作等多维度的综合治理。通过完善法律体系与制度保障，能够为警察权力运行提供明确的规范框架；强化执法监督机制则有助于确保权力行使的透明与公正；推动警务科技赋能不仅可以提升执法效能，更能实现权力运行的规范化与可视化；而加强警察队伍的专业化和职业化建设，则是提升执法质量、构建和谐警民关系的关键所在；在国际层面，深化警务合作已成为应对

跨国犯罪的必然选择。中国通过积极参与国际执法协作，不仅提升了自身打击新型犯罪的能力，也为全球安全治理贡献了重要力量。实践证明，警察权力的规范运行需要在法治框架下平衡效率与公平、权力与权利、国内需求与国际协作等多重关系。警察权力的规范运行和困境应对是一个全球性的课题，需要各国共同努力，未来，各国应继续探索警察权力改革的创新路径，通过制度完善、技术赋能和理念革新，构建更加公正、高效、透明的现代警务体系，最终实现社会安全与公民权利保障的有机统一。

中国将继续深化警察体制改革，不断完善各项制度机制，提升警察执法水平，为维护国家和社会稳定作出更大贡献。同时，相信通过国际间的交流与合作，各国将共同探索出一套更加科学、有效的应对策略，推动全球警务工作的发展与进步。

参考文献

[1]卢建军.以权力关系的视角解析警察权—兼论适应国家治理现代化要求的警察权力关系.中国人民公安大学学报(社会科学版), 2015.4.

[2]雷虹.关于警察权力制约的几点思考.青海师范大学学报(哲学社会科学版), 2016.11.

[3]李温.权力和权力之间的妥协与制衡.北京人民警察学院学报, 2008.5.

[4]陈九阳.我国警察权与公民权的边界研究.湖北警官学院学报, 2016.8.

[5]刘菲.警察权力研究综述.山西警察学院学报, 2020.1.

С. Н. Шарипов

Милиция Таджикистана: историко-правовой аспект

Формирование и развитие милиции Таджикистана представляет собой сложный историко-правовой процесс, тесно связанный с социально-политическими изменениями в регионе. Органы правопорядка в Таджикистане прошли через несколько этапов трансформации (с дореволюционного периода через советскую эпоху к периоду независимости). Данное исследование направлено на комплексный анализ эволюции правоохранительных органов Таджикистана с особым акцентом на нормативно-правовое регулирование их деятельности. Прежде чем анализировать становление милиции как таковой, необходимо обратиться к историческим предпосылкам формирования правоохранительных институтов на территории современного Таджикистана. До включения в состав Российской империи на территориях

Средней Азии функции поддержания правопорядка выполняли традиционные институты, основанные на нормах шариата и местных обычаях (адатах). В Бухарском эмирате и Кокандском ханстве, где проживала значительная часть таджикского населения, правоохранительные функции выполняли:

- миршабы (начальники ночной стражи);
- райсы (блюстители исполнения норм шариата);
- мирзы (чиновники при правителях, выполнявшие в том числе и судебные функции).

После присоединения Северного Таджикистана к Российской империи во второй половине XIX в. на этих территориях началось внедрение российской модели охраны правопорядка. В Туркестанском генерал-губернаторстве была создана полицейская служба, которая действовала согласно общеимперскому законодательству с учетом местной специфики.

После Октябрьской революции 1917 г. на территории бывшей Российской империи начался процесс формирования новых органов охраны правопорядка. Декретом НКВД РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции» были заложены основы создания советской милиции. В Туркестанской АССР, в состав которой вошли северные районы современного Таджикистана, формирование советской милиции началось в 1918 г. Южные районы, входившие в состав Бухарского эмирата, были включены в этот процесс после свержения эмира и создания Бухарской Народной Советской Республики в 1920 г. [1; 2].

Правовую основу организации и деятельности милиции в этот период составляли:

- декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции»;
- положение о Народном комиссариате внутренних дел Туркестанской АССР 1922 г.;
- нормативные акты Бухарской Народной Советской Республики по вопросам организации правоохранительных органов.

Особенностью данного периода было параллельное существование элементов традиционной системы поддержания правопорядка и новых советских институтов, что создавало определенную двойственность в правоприменительной практике. В октябре 1924 г. в результате национально-территориального размежевания Средней Азии была образована Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Узбекской ССР. Этот период характеризовался формированием собственных органов управления, включая органы внутренних дел. В соответствии с Положением о Народном комиссариате внутренних дел

Таджикской АССР 1925 г. была определена структура НКВД республики, включавшая главное управление милиции и уголовного розыска. Задачи милиции в этот период включали:

- охрану революционного порядка;
- борьбу с басмачеством;
- защиту имущества граждан и государства;
- содействие органам власти в осуществлении их решений.

Нормативно-правовая база деятельности милиции Таджикской АССР охватывала как общесоюзные акты, так и местные нормативные документы:

- положение о рабоче-крестьянской милиции СССР 1925 г.;
- инструкцию о порядке несения службы милицией Таджикской АССР;
- приказы НКВД Таджикской АССР по вопросам организации работы милиции.

В октябре 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику. Это событие стало важным этапом в развитии государственности таджикского народа и оказало существенное влияние на дальнейшее развитие органов внутренних дел. В этот период была сформирована базовая структура органов милиции республики, включавшая республиканское, областные, городские и районные управления милиции. Основными нормативными актами, регулировавшими деятельность милиции, являлись:

- положение о рабоче-крестьянской милиции 1931 г.;
- Конституция Таджикской ССР 1931 г.;
- ведомственные нормативные акты НКВД СССР и Таджикской ССР.

Особое внимание уделялось подготовке кадров из представителей местных национальностей, что нашло отражение в ряде нормативных документов того периода. В годы Великой Отечественной войны задачи таджикской милиции существенно расширились и включали:

- борьбу с дезертирством и уклонением от мобилизации;
- противодействие распространению ложных слухов;
- борьбу со спекуляцией и хищениями;
- обеспечение режима светомаскировки и комендантского часа.

Правовое регулирование деятельности милиции осуществлялось с учетом военного положения, что отражалось в соответствующих нормативных актах военного времени. После окончания войны произошла определенная реорганизация органов внутренних дел. В 1949 г. было принято новое Положение о милиции СССР, на основе которого раз-

рабатывались республиканские нормативные акты. В 1956 г. МВД Таджикской ССР было преобразовано в Министерство охраны общественного порядка (МООП). В этот период произошло дальнейшее развитие организационно-правовых основ деятельности милиции. Были приняты важные нормативные акты:

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»;

- Закон Таджикской ССР от 1990 г. «О милиции».

В этот период активно развивались специализированные службы милиции: БХСС, паспортно-визовая служба, госавтоинспекция, отделы по борьбе с наркотиками и др. После распада СССР и обретения Таджикистаном независимости в 1991 г. начался новый этап в истории милиции республики [3]. Этот период характеризовался:

- формированием национального законодательства о милиции;
- сохранением преемственности в структуре и организации органов внутренних дел;
- началом гражданской войны, что существенно осложнило деятельность правоохранительных органов.

В 1993 г. был принят Закон Республики Таджикистан «О милиции», ставший основным нормативным актом, регулирующим деятельность органов внутренних дел в этот период. После подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (1997 г.) началось восстановление и реформирование системы органов внутренних дел. В этот период были приняты важные нормативные акты:

- новый Закон Республики Таджикистан 2004 г. «О милиции»;
- Указ Президента Республики Таджикистан 2005 г. «О мерах по реформированию органов внутренних дел»;
- различные программы и концепции реформирования правоохранительных органов.

Особенностью данного периода было интенсивное международное сотрудничество в сфере подготовки кадров и технического оснащения органов внутренних дел. С 2010 г. в Республике Таджикистан началась дискуссия о необходимости комплексной реформы правоохранительных органов, включая возможность перехода от милиции к полиции по примеру России и некоторых других постсоветских государств. В 2015 г. была утверждена Стратегия реформы милиции на 2013–2020 гг., предусматривающая поэтапное преобразование милиции в современную полицейскую службу [4]. Основные направления реформы включают:

- усиление защиты прав человека;

- повышение прозрачности и подотчетности;
- внедрение современных технологий.

Таким образом, историко-правовой анализ развития милиции Таджикистана демонстрирует сложный путь трансформации от традиционных институтов поддержания правопорядка до современных правоохранительных органов. Этот процесс характеризовался как периодами эволюционного развития, так и революционными изменениями, связанными с кардинальными политическими и социальными преобразованиями. Нормативно-правовое регулирование деятельности милиции отражало специфику каждого исторического периода, сочетая общесоюзные нормы и республиканское законодательство. Особенностью таджикской милиции является сохранение определенной преемственности правовых и организационных основ деятельности при адаптации к национальной специфике и современным вызовам. Текущий этап реформирования милиции Таджикистана направлен на создание эффективной правоохранительной системы, отвечающей международным стандартам и способной обеспечить безопасность граждан и государства в условиях новых угроз и вызовов.

Список источников

1. Абдулхаков М. М. История становления и развития органов милиции Таджикистана (1917–1945 гг.). Душанбе, 2005.
2. Розикзода А. Ш. Становление милиции Таджикистана. Душанбе, 2011.
3. Назаров Н. Д. Организационно-правовые основы деятельности милиции Таджикистана (1917–2006 гг.): историко-правовое исследование. Душанбе, 2007.
4. Рахимов Р. Х. Стратегия реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан: проблемы и перспективы. Душанбе, 2016.

РАЗДЕЛ II.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. А. Амелина

Совершенствование административного законодательства в целях обеспечения принципа справедливости при назначении наказания

В юридической литературе исследование проблем административного права увязывается не только с происходящей в России правовой и административной реформами, но и с реформами в области судебной системы, которые, безусловно, отражаются на содержании такой многогранной публичной отрасли права, как административное право [1, с. 23].

При этом административное право охватывает административно-правовые институты и находит в них свое отражение, а также в большом количестве подотраслей права. В последние годы все чаще возникает вопрос о восстановлении полицейского права как вполне закрепившем себя в системе современного административного права.

В рамках полицейского права, развивая его новые традиции, необходимо исходить из главных социальных ценностей, на основе которых строится современная доктрина российского административного права, а именно интересов обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В такой защите детства и общечеловеческих правах в настоящее время нуждаются несовершеннолетние, являющиеся жертвами семейных конфликтов.

В рамках данной статьи будут представлены пути оптимального развития и совершенствования административного законодательства через аргументированное внесение необходимых изменений в положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а именно ст. 4.2 «Обстоятельства, смягчающие адми-

нистративную ответственность» и ст. 4.3 «Обстоятельства, отягчающие административную ответственность». Представленный шаг позволит обеспечить права несовершеннолетних, а также не допустить злоупотребления правом на смягчение административной ответственности.

Привлечение к административной ответственности в юридическом контексте предполагает установление наказания лицу, совершившему административное правонарушение, в соответствии с нормами действующего КоАП РФ.

Целью административного наказания (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ) является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Кроме того, мы понимаем, что одновременно с этим оказывается воспитательное воздействие на правонарушителя, привлеченного к ответственности, благодаря чему законодатель предоставляет ему возможность оценить свой поступок и в последующем воздержаться от совершения противоправных действий.

Назначение наказания осуществляется на основании установленных законом критериев и обстоятельств дела об административном правонарушении. Суд или должностное лицо, в чьи обязанности входит вынесение решения по делу об административном правонарушении при назначении наказания, подводит итог всего разбирательства и определяет, какой вид и размер наказания будет достаточен для достижения целей наказания. Решение выносится на основании общих начал назначения наказания.

Общие начала назначения наказания — это те основополагающие требования, которыми в обязательном порядке руководствуется суд при назначении административного наказания. Они позволяют судить о размере и характере причиненного вреда, личности виновного, обстоятельствах происшедшего и тем самым индивидуализировать наказание по каждому конкретному правонарушению; указывают также на необходимость учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [2, с. 329].

Учет этих обстоятельств в административно-юрисдикционной деятельности позволяет дифференцированно подойти к применению административных наказаний, сбалансировать публичные и частные интересы при их назначении [3, с. 229].

При изучении судебной практики по делам об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, особое внимание было уделено тому, каким образом применяются положения ст. 4.2 и ст. 4.3 КоАП РФ.

Интерес обоснован тем, что на протяжении нескольких лет отмечается высокий уровень в общем объеме административных правонарушений деликтов, сопряженных с применением насилия (ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои»).

Так, в 2022 г. рассмотрено 170 608 дел об административном правонарушении, описанном в ст. 6.1.1 КоАП РФ, 2023 г. — 146 702 дела [4]. Вопросы, требующие особого внимания, находятся на поверхности. Немалая часть данных правонарушений совершается в семейно-бытовой сфере (в отношении близких лиц или родственников). При этом, назначая справедливое наказание для виновного, суд должен, если для этого имеются соответствующие основания, принимать решение о целесообразности применения смягчающего обстоятельства, указанного в п. 10 ст. 4.2 «Обстоятельства, смягчающие административную ответственность», — совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребенка.

С учетом характера и степени опасности деяния (причинение побоев и иных насильственных действий) в судебной практике встречаются случаи, когда побои причиняются женщиной в присутствии малолетнего ребенка.

Считаем важным изучить данный вопрос более детально, с тем чтобы представленные события получили судебную оценку не с точки зрения смягчающего обстоятельства, а отягчающего, поскольку негативный пример поведения родителя исключительно деструктивно влияет на психику малолетнего ребенка.

Иными словами, нормы, утверждающие перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, требуют дополнений в виде соответствующих примечаний, что позволит вынести справедливое наказание для виновного лица.

Указанная проблематика требует проведения исследования на более глубинном уровне, однако очевидным видится то, что административное законодательство нуждается в реформе.

Список источников

1. Побежимова Н. И. К вопросу о полицейском праве в контексте дальнейшего развития административного права // Полицейское право. 2005. № 3(3).

2. Хохлова Н. С. Понятие смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (проблемные аспекты) // Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты : мат-лы всерос. науч.-практ. конф., Тула, 28 февраля 2023 года. Тула, 2023.

3. Хадисов Г. Х. Совершенствование института смягчающих обстоятельств в административном праве: законодательные и правоприменительные аспекты // Полиция и общество: пути сотрудничества (к 300-летию российской полиции) : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., 7 февраля 2018 года. Воронеж, 2018.

4. Судебная практика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 20.04.2025).

А. Б. Будникова

О некоторых аспектах привлечения иностранных граждан к административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача

Проблема наркомании является одной из наиболее острых социальных угроз, стоящих перед современным обществом. Эта проблема носит трансграничный характер и затрагивает все страны мира, включая Российскую Федерацию. В контексте глобализации и увеличения миграционных потоков особое внимание следует уделять вопросам привлечения к ответственности иностранных граждан, совершающих административные правонарушения, связанные с потреблением наркотиков в немедицинских целях.

В соответствии с п. 18 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане, целью прибытия которых выступает трудовая деятельность, обязаны пройти медицинское освидетельствование на предмет употребления наркотиков или психотропных веществ в течение 30 календарных дней с момента въезда в Россию. Для иностранцев, прибывших с иными целями на срок более 90 календарных дней, срок для прохождения медицинского освидетельствования составляет 90 дней со дня въезда. При выявлении в результате проведения медицинского освидетельствования фактов незаконного употребления иностранными гражданами наркотиков данная информация медицинскими организациями направляется в органы внутренних дел для решения вопроса о дальнейшем пребывании иностранца на территории РФ.

В настоящее время деятельность полиции по данному направлению осуществляется в соответствии с инструктивным письмом Главного

управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России от 13 февраля 2025 г. № 8/7-1540 «О принятии решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков». Согласно данному письму при поступлении в органы внутренних дел указанной информации из медицинских организаций сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков должны быть приняты меры по установлению места нахождения лица и направлению его на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». При наличии положительного результата сотрудниками общественной наблюдательной комиссии должен решаться вопрос о возбуждении в отношении иностранного гражданина дела об административном правонарушении по ст. 6.9 КоАП РФ.

Вместе с тем при привлечении иностранного гражданина к административной ответственности за употребление наркотиков без назначения врача возникают проблемы в определении места совершения административного правонарушения, особенно в ситуации, когда иностранный гражданин сообщает о том, что потребил наркотики на территории иного государства.

Поиск решения данной проблемы осложняется также тем, что действующая процедура медицинского освидетельствования не позволяет достоверно установить давность потребления лицом наркотика [1, с. 19], а в некоторых случаях при систематическом употреблении определенных видов наркотических средств они накапливаются в организме и могут давать положительный результат даже спустя длительное время (несколько недель) с момента последнего приема [2, с. 47].

Одним из способов опровержения показаний иностранного гражданина о том, что он употребил наркотики на территории иностранного государства, может выступать установление у лица состояния опьянения, которое характеризуется рядом физиологических признаков, выражающихся в нарушении координации движений, внимания, речи и т. д., что обязательно должно быть отражено в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Длительность наркотического опьянения зависит от вида потребленного вещества и в среднем составляет от 2 до 24 часов[3].

Таким образом, если на момент медицинского освидетельствования, проводимого в отношении иностранного гражданина, у последнего выявляются признаки наркотического опьянения, можно утверждать, что факт употребления наркотиков был не более одних суток назад. Соот-

ветственно, когда иностранный гражданин въехал на территорию России более суток назад, обоснованным будет вывод о потреблении им наркотиков на территории РФ.

В иных случаях опровергнуть показания привлекаемого к административной ответственности лица о том, что он употребил наркотики на территории иностранного государства, будет крайне затруднительно, в связи с отсутствием нормативно закреплённой общей универсальной методики, содержащей усреднённые данные о периодах выведения наркотических средств и психотропных веществ из организма человека.

Список источников

1. Будникова А. Б. Административная ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача и роль полиции в ее применении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2025.

2. Будникова А. Б. К вопросу о содержании понятия «опьянение» применительно к статье 12.8 КоАП РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXI междунар. науч.-практ. конф. (5–6 апреля 2018 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2018.

3. *Наркотическое опьянение: факты, последствия и превентивные меры.* URL: <https://panacea.clinic/blog/zavisimosti/> (дата обращения: 15.05.2025).

М. Ю. Водяная

Современные административно-правовые инструменты противодействия незаконной миграции

Современная миграция представляет собой сложный социально-экономический процесс, затрагивающий интересы различных государств и международных организаций. Нарушения миграционного законодательства являются серьёзной проблемой, способствующей возникновению негативных последствий, включая экономическое давление на принимающие страны, социальную напряжённость и рост преступности.

Следует признать, что в последние годы наше государство сталкивается все с большим количеством проблем в области миграции. На это оказывает влияние ситуация на международной арене, а также внутригосударственные проблемы [1, с. 99–101]. При этом сложившиеся в по-

следние годы миграционные потоки сохраняют свою динамику. Так, в 2024 г. в Российскую Федерацию въехало более 9,5 млн иностранных граждан (+4,4%), выехало за ее пределы 9,3 млн (+13,2%). Это порождает ряд проблем, связанных с определением правового статуса иностранцев, требующих урегулирования посредством внесения изменений в действующее законодательство.

Остаются стабильно высокими показатели преступности с участием иностранцев. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства в 2024 г. на территории Российской Федерации совершено 38,6 тыс. преступлений, что на 0,9% меньше, чем за январь–декабрь 2023 г., в том числе гражданами государств — участников СНГ — 32,7 тыс. преступлений (+0,6%), их удельный вес составил 84,8% [2].

Согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации в настоящее время незаконно находится более 739 тыс. мигрантов.

Все эти аспекты оказывают значительное влияние на состояние защищенности прав и свобод личности, общества и государства. В последние годы усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции [3]. Только в 2024 г. принято 16 федеральных законов в сфере миграции, 7 указов Президента Российской Федерации, 22 постановления и 39 распоряжений Правительства Российской Федерации.

В качестве основных федеральных законов, определяющих правовой статус иностранцев и значительно модернизированных в настоящее время, можно отметить Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Федеральный закон от 15 августа 1996 г. 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Незаконная миграция представляет собой перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности. Таким образом, незаконная миграция проявляется в трех основных аспектах: незаконном въезде на территорию Российской Федерации (а также нарушении порядка выезда), незаконном пребывании на территории РФ и незаконном осуществлении трудовой деятельности [4].

Важнейшее значение в противодействии этим противоправным явлениям имеют административно-правовые меры, применяемые органами исполнительной власти, в первую очередь органами внутренних дел.

Самой распространенной формой государственного реагирования на нарушения миграционного законодательства выступает административная ответственность. Она представляет собой установленную государством меру наказания, применяемую в результате совершения административного правонарушения. Целью таких мер являются защита национальных интересов и обеспечение общественной безопасности, что соответствует как нормам внутреннего законодательства, так и международным обязательствам Российской Федерации.

Каждый год от трех до пяти миллионов иностранных граждан занимаются трудовой деятельностью вне рамок официально разрешенных процедур. Нелегальная миграция способствует развитию теневых экономических сегментов и служит одной из ключевых предпосылок роста негативных настроений среди отдельных слоев российского общества относительно мигрантов. В целях поддержания законности, защиты прав и свобод российских граждан государство предпринимает комплекс мероприятий принудительного характера, ориентированных на ограничение нахождения на территории страны лиц, пребывающих там незаконно. Среди таких мер выделяются следующие: сокращение срока временного пребывания или проживания; отказ в предоставлении или аннулирование разрешения на временное проживание (вида на жительство); принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации; принятие решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию; реализация процедуры реадмиссии; депортация; административное выдворение. Предусмотрены также иные процессуальные меры, регулирующие содержание иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях перед их выдворением.

Следует отметить, что к административной ответственности за нарушения миграционного законодательства в России привлекаются не только иностранцы, но и работодатели, заказчики работ (услуг), приглашающая сторона и принимающая сторона, поскольку указанные субъекты несут ответственность за соблюдение миграционного и иного законодательства приглашенными по их инициативе иностранными гражданами и лицами без гражданства [5, с. 61–64].

Сотрудниками подразделений по вопросам миграции планомерно ведется разъяснительная работа с юридическими лицами, привлекаю-

щими иностранную рабочую силу, о последствиях и ответственности за нарушения миграционного законодательства Российской Федерации в части фиктивности постановки иностранных граждан на учет по месту пребывания по адресу организации. Такие профилактические меры представляются весьма эффективными. По данным ГУВМ МВД России, проводимые в этом направлении мероприятия позволили снизить количество таких фактов на 37% (с 1,7 млн до 1,2 млн).

Повышению эффективности работы по выявлению и удалению за пределы Российской Федерации иностранных граждан, нарушающих требования российского законодательства, способствует вступление с 5 февраля 2025 г. в силу федеральных законов от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которыми полиция наделена полномочиями по назначению административного выдворения и применению новых форм контроля в сфере миграции, включая ведение реестра контролируемых лиц, а также возможность установления местонахождения незаконно находящихся в России лиц с использованием современных технологических решений (в частности, данных геолокации, средств фото- и видеофиксации).

В целях контроля за временно и постоянно проживающими иностранными гражданами осуществляется мониторинг подачи ими уведомлений о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Российское законодательство стремится адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и угрозам, связанным с незаконной миграцией. В ноябре 2024 г. были приняты два федеральных закона, существенно повлиявших на регулирование миграционных процессов внутри страны.

Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 385-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» вводит механизм внесудебной блокировки веб-сайтов, предоставляющих информацию о незаконных услугах в сфере миграции и способах организации нелегального въезда и проживания на территории Российской Федерации. Этот закон направлен на защиту национальных интересов государства и предотвращение злоупотреблений, вызванных противоправной деятельностью в сети Интернет.

Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в статьи 15.1 и 15.2 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“» ограничивает участие

коммерческих организаций в процессе тестирования мигрантов на предмет знания русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации. Проведение соответствующих испытаний теперь возможно исключительно государственными структурами, входящими в специальный реестр, утверждаемый Правительством Российской Федерации. Правом выдавать соответствующий сертификат будут обладать только государственные учреждения, включенные в перечень, установленный Правительством Российской Федерации. Таким образом обеспечивается высокий уровень качества проверки знаний мигрантов и сокращается вероятность нарушений прав соискателей гражданства [6, с. 15–17].

Необходимо также отметить принятие постановления Правительства РФ от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». Постановка эксперимента подразумевает введение принципиально новой административной процедуры, связанной с формированием цифровых профилей иностранных граждан и лиц без гражданства. Процедура направлена на сбор, обработку и хранение персональной информации, полученной от самих иностранных граждан, а также официальных источников. Это предполагает упрощение идентификации иностранных граждан при пересечении границы и пребывании на территории России, облегчение отслеживания передвижений и предоставления оснований для оценки риска возможных нарушений. Сбор биологической информации для добровольной государственной геномной регистрации расширяет инструменты контроля и повышает точность идентификации.

Таким образом, создается база данных, содержащая широкий спектр сведений, необходимых для миграционного контроля и обеспечения безопасности.

Рассматриваемые нормативные правовые акты направлены на обеспечение стабильности внутренней ситуации в стране и повышение эффективности управления миграционными потоками. Они способствуют укреплению национальной безопасности, улучшению качества интеграционных мероприятий и повышению доверия граждан к органам власти.

Вместе с тем существуют потенциальные проблемы реализации новелл, связанные с недостаточной подготовленностью отдельных регионов к внедрению нововведений и возможному увеличению нагрузки на государственные структуры.

Подводя итог, следует отметить, что незаконная миграция представляет собой одну из наиболее острых проблем современного мира, затрагивает вопросы экономической стабильности, общественной безопасности и демографической структуры государств. Борьба с ней в административно-правовой плоскости охватывает широкий спектр мер, направленных на профилактику, выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства.

Государство прилагает значительные усилия для эффективного противодействия этому явлению и вводит высокоэффективный правовой инструментарий, однако необходимо продолжать работу по совершенствованию нормативной правовой базы. В качестве действенных инструментов противодействия незаконной миграции следует рассматривать также использование института административной ответственности, ограничение возможности реализации противоправных намерений, применение специализированных контрольно-разрешительных процедур и проведение профилактических кампаний.

Список источников

1. *Исраилов И. С., Хаджиев У. К.* К вопросу о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в РФ // Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования : сб. науч. тр. по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф. М., 2024.

2. *Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года* // ГИАЦ МВД России. М., 2025. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 24.05.2025).

3. *Водяная М. Ю., Старостин А. А.* Запрет на въезд на территорию Российской Федерации: основания и принятие решений // Законодательство и практика. 2023. № 1(50).

4. *Андриченко Л. В., Плюгина И. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : монография. М., 2019.

5. *Столярова З. Н.* О совершенствовании института административной ответственности в сфере миграции // Административное право и процесс. 2020. № 9.

6. *Мельников Е. А.* Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2025. № 1.

Н. М. Карамшоев

Административно-правовые механизмы противодействия терроризму в Таджикистане

Терроризм — это явление, проникающее в глубины общества, разрушающее его основы и наносящее непоправимый ущерб физическому, моральному и психологическому благополучию людей. Он представляет собой инструмент, используемый для установления контроля, влияния на принятие политических решений и дестабилизации общества. Терроризм во всех его формах, будь то государственный или негосударственный, создает атмосферу страха и неопределенности, нарушает законность и угрожает правам человека [1, с. 7].

В условиях глобализации и роста международного терроризма Таджикистан, находящийся на пересечении важных торговых и транспортных путей и обладающий уникальными историческими и социальными особенностями, сталкивается с необходимостью разработки эффективных мер противодействия этой угрозе.

Административно-правовой механизм — это совокупность организационно-правовых, институциональных и процессуальных средств, реализуемых в рамках административного права для достижения целей государственного управления. В контексте борьбы с терроризмом такой механизм охватывает деятельность государственных органов, правовые нормы, формы и методы администрирования, направленные на предупреждение, выявление и пресечение террористических угроз.

Административно-правовые механизмы деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия терроризма в Таджикистане включают комплекс законодательных, организационных и международных мер, направленных на предотвращение, пресечение и минимизацию последствий террористической деятельности. Основные аспекты системы противодействия терроризму предусмотрены в Конституции Республики Таджикистан, закрепляющей обязанность государства обеспечивать безопасность своих граждан; Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях (КоАП РТ) [1], содержащем нормы, устанавливающие ответственность за административные деяния, способствующие террористической деятельности; Законе Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом» [2], закрепляющем ключевые понятия, цели, задачи, меры ответственности за террористическую деятельность, регулирующем превентивные меры, порядок ликвидации последствий терактов и взаимодействие государственных органов. Дополняют эту базу Закон Республики Таджикистан

от 20 марта 2008 г. № 362 «О национальной безопасности», определяющий стратегические приоритеты защиты государства, и Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2013 г. № 1038 «О борьбе с организованной преступностью», направленный на противодействие структурам, которые могут поддерживать терроризм. Однако для повышения эффективности законодательство требует актуализации, особенно в контексте современных киберугроз и международных стандартов.

Реализация антитеррористической политики обеспечивается специализированными государственными органами. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан координирует оперативные мероприятия, Комитет по национальной безопасности занимается сбором разведданных и пресечением деятельности экстремистских групп, а финансовая разведка противодействует незаконному финансированию терроризма. Эти структуры проводят мониторинг угроз, оперативно-розыскные мероприятия и профилактику радикализации населения. Государственный комитет по делам религий и образования контролирует деятельность мечетей и религиозных школ, отвечает за регистрацию религиозных объединений. Задача этих ведомств — выявлять и пресекать попытки радикализации через религиозные структуры. Тем не менее слабая межведомственная координация остается проблемой, приводящей к дублированию функций и нерациональному использованию ресурсов.

Важным элементом стратегии Таджикистана является международное сотрудничество. Страна активно взаимодействует с Организацией Объединенных Наций, участвуя в глобальных антитеррористических программах, с Шанхайской организацией сотрудничества в рамках совместных учений, таких как «Мирная миссия», и с ОБСЕ, которая поддерживает обучение специалистов и укрепление границ. Это сотрудничество позволяет внедрять современные технологии, обмениваться данными и усиливать региональную безопасность. Однако для повышения эффективности Таджикистану необходимо активнее интегрироваться в международные системы обмена разведданными.

Административно-правовые механизмы Таджикистана в сфере противодействия с терроризмом демонстрируют прогресс, но нуждаются в совершенствовании.

Приоритетные меры:

- усиление межведомственной координации через создание единого антитеррористического центра;
- увеличение финансирования правоохранительной системы и модернизация ее технической базы;

— развитие социальных программ для снижения уровня бедности и интеграции молодежи;

— расширение международного сотрудничества, включая доступ к передовым технологиям анализа угроз.

Для решения этих проблем требуется комплексный подход: усиление межведомственной координации через создание единого антитеррористического центра, увеличение бюджетных ассигнований на модернизацию правоохранительной системы, реализация социальных программ по сокращению бедности и образовательных проектов для молодежи.

Таким образом, административно-правовые механизмы Таджикистана в борьбе с терроризмом демонстрируют определенные успехи, но их эффективность зависит от устранения внутренних противоречий и адаптации к динамично меняющимся угрозам. Ключевыми направлениями должны стать совершенствование законодательства, укрепление международного партнерства и социально-экономическое развитие, направленное на устранение коренных причин терроризма.

Только сочетание правовых, административных и социальных мер позволит минимизировать угрозу терроризма и обеспечить стабильность в Таджикистане.

Список источников

1. *Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (КоАП РТ)*: принят 31 декабря 2008 г., актуальная редакция : закон № 2170 от 14 мая 2025 г. URL: <https://tajtrade.tj> (дата обращения: 01.05.2024).

2. *О борьбе с терроризмом* : закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom> (дата обращения: 01.05.2024).

И. А. Косицин

Добровольное признание правонарушения как основание административной ответственности

Использование искусственного интеллекта в юриспруденции уже активно обсуждается в научной литературе [1, с. 303–308; 2, с. 115–122]. Вопрос возможности делегирования искусственному интеллекту полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях не такой уж простой. Одновременно с этим нужно решить, можно ли

признавать искусственный интеллект субъектом (квазисубъектом) права, а также определить его место в иерархии субъектов, имеющих право рассматривать дела об административных правонарушениях и назначать наказания.

Вопрос возможности применения мер административного принуждения искусственным интеллектом тоже актуален.

Делегировать принятие юридически значимого решения информационной системе не является новой идеей. Законодатель наделил искусственный интеллект правом принимать юридически значимые решения в управленческой деятельности в ходе реализации полномочий административного органа, не связанных с применением мер административного принуждения. Например, таможенное законодательство уже использует возможности совокупности алгоритмов информационной системы таможенного органа не только в целях автоматической регистрации электронной таможенной декларации, но также и автоматического выпуска товара, в отношении которого подана названная декларация [3]. В качестве другого примера можно привести использование фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, которая является основой для привлечения к административной ответственности.

Такой вид передачи полномочий информационной системе обусловлен высокой степенью однозначности ситуации.

Информационная система таможенного органа перед принятием решения использует систему управления рисками, устанавливает отсутствие признаков несоответствия сведений, исключает необходимость проведения таможенного контроля. Таким образом, информационная система таможенного органа устанавливает добросовестность поведения декларанта и отсутствие в его действиях признаков противоправного поведения.

В делах об административных правонарушениях, которые были выявлены автоматически действующими фото- и видеокамерами, субъекту — собственнику транспортного средства вменяется вина в совершении административного правонарушения и предоставляется возможность предъявить информацию о своей невиновности. По этим делам постановления выносят должностные лица на основе информации, собранной средствами автоматической фиксации правонарушений. По этой категории дел не предусмотрено составления протокола об административном правонарушении. Возможность предоставления информации о своей невиновности может быть реализована собственником транспортного средства лишь в форме обжалования постановления по делу.

Должностное лицо, уполномоченное рассматривать дела об административных правонарушениях, информация о которых зафиксирована работающими в автоматическом режиме техническими средствами, выносит постановление по делу и направляет его собственнику транспортного средства. При этом, в силу отсутствия общения должностного лица с лицом, привлекаемым к административной ответственности, объективно не учитываются многие обстоятельства. Не выясняются и не устанавливаются обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность, свидетельствующие о состоянии крайней необходимости. Не работает принцип презумпции невиновности, потому что должностное лицо не устанавливает вину лица, в отношении которого выносит постановление о привлечении к административной ответственности. Исключение из принципа презумпции невиновности сделано в примечании к ст. 1.5 КоАП РФ, которое перекладывает обязанность доказывания виновности (невиновности) с должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, на лицо, привлекаемое к административной ответственности.

И в тех случаях, когда собственник транспортного средства, получив постановление по делу об административном правонарушении, оплачивает назначенный ему штраф за правонарушение, совершенное иным лицом, которому он доверил управление транспортным средством, реальным основанием административной ответственности является лишь его добровольное признание собственной вины в совершении этого правонарушения.

В приведенном примере совокупность признаков административного правонарушения, именуемая составом административного правонарушения, интересует правоприменителя лишь частично. Выясняются и отражаются в постановлении об административном правонарушении объективные признаки. Субъектом правонарушения признается собственник транспортного средства без установления факта совершения им этого правонарушения. Субъективная сторона должностным лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении, не исследуется вообще, наличие вины и ее форма не определяются.

Для лица, привлеченного к административной ответственности согласно описанной процедуре, совокупность признаков правонарушения, фактически имеющих место, сокращается до признания им собственной вины в совершении административного правонарушения.

Закрепленная пунктом 3 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ норма о добровольном сообщении правонарушителем о своем правонарушении в уполномоченный орган не регулирует данные правоотношения. Так, указанная норма смягчает ответственность лица, добровольно, самостоятельно и инициа-

тивно сообщившего о своем правонарушении. Такое действие сопряжено с раскаянием и осознанием своего противоправного поведения.

Добровольное признание необязательно связано с положительными процессами в сознании лица, привлекаемого к ответственности, поэтому не является основанием, смягчающим ответственность.

До наделения каких-либо систем искусственного интеллекта статусом субъекта права и тем более правомочиями рассмотрения дел об административных правонарушениях, без сомнений, еще далеко [4, с. 115–122]. Но использование возможностей алгоритмов для выявления и фиксации административных правонарушений можно реализовать уже в настоящее время. Постановление по делу об административном правонарушении, сформированное и направленное лицу, привлекаемому к административной ответственности, искусственным интеллектом (информационной системой, работающей в автоматическом режиме), будет реализовываться точно так же, как реализуются сейчас постановления, направленные должностным лицом. При добровольном признании административного правонарушения правонарушитель будет оплачивать штраф, при несогласии — обжаловать постановление.

Полагаем, введение в теорию и законодательство об административных правонарушениях института добровольного признания вины в совершенном административном правонарушении для правонарушений, на которые не распространяется действие ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, снимет или облегчит вопросы, поставленные в начале статьи.

Список источников

1. *Добробаба М. Б.* Искусственный интеллект: объект или субъект права? // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : мат-лы конф. в рамках X Московской юридической недели : в 5 ч. М., 2021. Ч. 1.

2. *Кравчук Н. В.* Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1.

3. *О некоторых вопросах, связанных с выпуском товаров* : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 декабря 2017 г. № 188. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/315/3378/> (дата обращения: 30.05.2025).

4. *Чаннов С. Е.* Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12.

А. А. Кузнецов

Подготовка к назначению судебной экспертизы по делам об административных правонарушениях

Производство экспертных исследований предполагает использование определенным лицом специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла для дачи заключения, которое в свою очередь будет являться доказательством и использоваться для принятия законного и обоснованного решения. Это не означает, что заключение эксперта предопределяет доказательственное значение отдельного факта, оно должно быть оценено в совокупности с имеющимися по делу материалами.

Речь идет о тех случаях, когда по делу об административном правонарушении невозможно принять обоснованное решение без знаний специалиста.

Правоохранительной практикой накоплен достаточно большой опыт как назначения экспертиз, так и использования полученных результатов в принятии решений. В то же время следует констатировать существование ошибок и недоработок в данном направлении со стороны лиц, выносящих определение о назначении экспертизы. Эксперты также нередко выходят за пределы своих полномочий. В системе МВД экспертизы по делам об административных правонарушениях назначаются не так часто. Сотрудники криминалистических подразделений решают задачи, связанные с раскрытием, расследованием преступлений. Отсюда можно наблюдать нарушения в методах и методиках исследований или решении специалистами правовых вопросов при проведении исследований. Для эксперта проведение исследований как в уголовном, так и в гражданском, административном, арбитражном производстве основано на требованиях федерального закона о государственной экспертной деятельности.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О ГСЭД») являются документами одного уровня, они не должны противоречить друг другу, взаимодополняться. Сотрудники правоохранительных органов обязаны правильно интерпретировать отдельные положения. Так, в литературе можно встретить справедливое упоминание о различии в терминах: в КоАП РФ говорится о назначении экспертизы, а в ФЗ «О ГСЭД» — о проведении судебной экспертизы [1, с. 78]. Думается, что никаких трудностей в понимании данных терминов нет, ведь ФЗ «О ГСЭД» является кодифицирующим нормативным правовым актом в области судебной экспертизы. По нашему

мнению, при назначении исследований по делам об административных правонарушениях правильнее вести речь о судебной экспертизе, но это непринципиально. Другое дело, что в названном законе достаточно подробно излагается об организации (порядке) назначения и проведения экспертиз как в государственных, так и в негосударственных учреждениях. И в этом отношении положения ФЗ «О ГСЭД» только способствуют правильному пониманию порядка назначения экспертиз по делам об административных правонарушениях.

Подготовке к назначению судебной экспертизы в юридической литературе уделяется достаточно внимания [2, с. 378; 3, с. 70]. В то же время специфика назначения экспертиз в рамках административного расследования позволяет обратить внимание на некий алгоритм (порядок) действий лица, выносящего определение о проведении исследований.

1. Сначала рассматриваются основания для назначения судебной экспертизы. Подобный факт должен быть установлен исходя из имеющихся материалов административного расследования. Здесь же выделяются виды специальных знаний, которые могут быть востребованы при проведении экспертизы.

2. В соответствии со ст. 26.4 КоАП судья, орган, должностное лицо выносят определение о назначении экспертизы. Закон специально оговаривает положение о том, что экспертизу назначает лицо, в производстве которого находится дело. При этом внимательно следует отнестись к содержанию такого определения [4, с. 248].

3. Выбор экспертного учреждения. Как показывает практика, наибольшее количество судебных экспертиз проводится в государственных судебно-экспертных учреждениях (в основном судебно-медицинские, автотехнические, криминалистические). Ввиду большой их загруженности производство экспертиз иногда поручается частным экспертам или сотрудникам негосударственных экспертных учреждений. Такие специалисты должны иметь аккредитацию и опыт работы по направлениям предстоящего исследования. В последнее время широкое распространение, в частности в Интернете, получила реклама о производстве экспертиз для оспаривания заключений государственных судебных экспертов. Часто лица, в отношении которых ведется дело об административном правонарушении, или их защитники привлекают подобных специалистов для получения заключения по отдельным вопросам, требующим специальных знаний, и в последующем представляют такие документы должностному лицу или в суд. Исходя из положения ч. 1 ст. 26.4 КоАП, экспертиза может быть назначена по определению суда, должностного лица. Иное

противоречит закону, а значит, не может быть использовано в качестве доказательства. Поэтому, если суд или должностное лицо посчитают, что представленные документы содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, они могут быть приобщены к материалам административного расследования в порядке ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ как иные документы.

4. Формулировка вопросов в логической последовательности, которые надлежит поставить перед экспертом.

5. Проведение консультации со специалистом о предмете и объектах исследования.

6. Подбор материалов для исследования, получение образцов, проб для сравнительного исследования. При их изъятии в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ должен быть составлен протокол. Если применялась фото- или видеозапись, то перед назначением экспертизы следует сравнить их содержание с протоколом. От качества и полноты материалов для исследования будут зависеть результаты экспертизы.

7. В процессе подготовки к назначению судебной экспертизы судья, должностное лицо, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, обязаны ознакомить заинтересованных лиц с определением, решить иные вопросы процессуального характера. При этом факт разъяснения эксперту прав и обязанностей и предупреждение об административной ответственности (ст. 17.9 КоАП РФ) должны быть оформлены письменно в тексте определения. При назначении экспертизы в государственном экспертном учреждении решение этого вопроса лучше доверить руководителю данного экспертного учреждения. При назначении исследования независимому эксперту такую процедуру проводит лицо, которое выносит определение.

В зависимости от обстоятельств, требующих установления при использовании специальных знаний, в подготовку к назначению экспертизы могут включаться и иные вопросы, как правило, носящие частный характер. Предлагаемый алгоритм позволит объективно оценить полученное заключение эксперта и использовать его в качестве доказательства при разрешении дела по существу.

Список источников

1. Булыжкин А. В., Баканов А. С., Власов В. В. Проблемные вопросы правового регулирования назначения и проведения экспертиз в рамках производства по делам об административных правонарушениях // Научный портал МВД России. 2016. № 3(35).

2. *Криминалистика* (общие положения, техника, тактика) : учебник для вузов / М. М. Горшков [и др.] ; под ред. А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. М., 2022.

3. *Понятие, виды и назначение судебных экспертиз в Российской Федерации* : учеб. пособие / под ред. проф. А. А. Кузнецова и доц. А. Р. Сысенко. 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2024.

4. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы* : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2009.

Ли Хайтао

Исследование осуществления права полиции на досмотр и пути его оптимизации

李海涛

警察盘查权的行使及路径优化研究

В условиях развития общества и прогресса науки и техники осуществление права полиции на досмотр сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Право на допрос как полномочие полиции является важной составляющей современной системы правоохранительной деятельности в Китае. Право полиции на допрос представляет собой публичную власть, которую сотрудники органов общественной безопасности осуществляют в соответствии с законом в отношении лиц, подозреваемых в совершении противоправных или преступных действий, путем проведения опроса и проверки на месте в целях поддержания общественного порядка. Современные сотрудники органов общественной безопасности должны использовать возможности развития стандартизации правоохранительной деятельности для повышения психологического и поведенческого признания права полиции на допрос со стороны общественности, чтобы обеспечить законность, справедливость и эффективность его применения.

Ключевые слова: полиция, полномочия полиции, общественный порядок, общественная безопасность, право полиции на допрос

摘 要: 社会的发展和科技的进步, 警察盘查权的行使也面临新的挑战 and 机遇。盘查权作为警察的职权行为, 是我国现代执法体系中的重要组成部分。警察盘查权是一种公权力, 是公安机关人民警察为维护社会治安秩序而依法对有违法犯罪嫌疑的人员当场进行的盘问、检查行为。新时代, 公安机关人民警察应以执法规范化建设为契机, 提升社会公众对警察盘查权的心理认同和行为认可, 以实现盘查权的合法性、公正性和有效性。

关键词: 警察; 盘查权; 行使; 路径优化

维护国家安全和社会治安秩序, 保护公民的人身安全、合法财产不受侵犯, 预防、制止和惩治违法犯罪活动是人民警察的职责。警察盘查

活动是确保社会稳定、预防和打击犯罪不可或缺的一部分，对于提升执法效能，保障公民权利具有重要意义。警察盘查权通常指警察在执行职务过程中，对可疑人员进行询问、检查等行为。随着社会的发展和科技的进步，盘查与执法规范面临着新的挑战和机遇。盘查权的行使必须在法律框架内进行，以保障公民的合法权益。因此，研究警察盘查权的行使及路径优化具有重要的理论和现实意义。

一、警察盘查权的基本理论

（一）盘查的内涵特征

警察盘查权，是公安机关人民警察在执行职务过程中行使权力。关于盘查，我国法律法规作出了明确的规定。《人民警察法》第9条规定：“为维护社会治安秩序，公安机关的人民警察对有违法犯罪嫌疑的人员，经出示相应证件，可以当场盘问、检查。”盘查通常包括盘问和检查。根据《公安机关人民警察盘查规范》的规定，盘查是指公安机关人民警察在执行勤务过程中，为维护公共安全，预防、发现、控制违法犯罪活动而依法采取的盘问、检查等行为。盘问，主要是指对被盘问人的姓名、职业、从哪里来、到哪里去、是否有违法犯罪行为、所携带物品等可能与违法犯罪有关的情况进行询问。检查，是对与被盘问人有关物品进行的检验、核查。盘查是指公安机关人民警察在执行职务过程中，依法对可能具有违法或犯罪行为的嫌疑人进行盘问和检查，以发现或确认其是否有违法、犯罪或者辨别是否为重大犯罪嫌疑人身份的警务活动。在治安管理活动中，盘查运用得比较广泛，是人民警察在治安秩序管理活动中预防和打击违法犯罪最重要的一种专业手段。

（二）实施盘查的主体要件

实施盘查的主体必须是公安机关的人民警察。根据《中华人民共和国人民警察法》的规定，我国的人民警察包括公安机关、国家安全机关、监狱的人民警察和人民法院、人民检察院的司法警察。只有公安机关的人民警察才具有盘查权。《人民警察法》是规范人民警察职责与权力的重要法律，为实施盘查的主体要件提供了明确的法律依据。根据该法第九条规定，公安机关的人民警察有权对有违法犯罪嫌疑的人员进行盘问、检查。这明确了实施盘查的主体必须是公安机关的人民警察，其他人员无权随意实施盘查，确保了盘查行为的合法性与权威性。盘查的目的在于预防、发现和打击违法犯罪活动。这一规定限制了盘查的随意性，要求人民警察必须基于合理的怀疑和明确的执法目的才能实施盘查，避免滥用职权对公民合法权益造成不必要的侵犯。

（三）实施盘查的目的。

实施盘查是判断、排除、发现违法犯罪行为，维护社会治安秩序。公安部在《关于公安机关执行〈中华人民共和国人民警察法〉有关问题的解释》中指出：“公安机关的人民警察在执行追捕逃犯、侦查案件、巡逻执勤、维护公共场所治安秩序、现场调查等职务行为中，经出示表

明自己人民警察身份的工作证件，即可以对形迹可疑、有违法犯罪嫌疑的人员进行盘问、检查。”公安机关的人民警察实施盘查权，必须是在执行上述职务行为过程中，否则，公安机关的人民警察就不得实施盘查权。

（四）实施盘查的对象。必须是形迹可疑、有违法犯罪嫌疑的人。在实施盘查前，公安机关人民警察必须有合理的理由说明盘查对象具有违法犯罪的嫌疑，即有证据证明这种嫌疑的存在：已预谋违法犯罪，正在赶赴作案现场；在实施违法犯罪的过程中；已经完成违法犯罪行为，正在逃离作案现场或者携带赃物的途中；通缉的违法犯罪嫌疑人；其他有违法犯罪嫌疑的人员。

（五）实施盘查的法律程序。在实施盘查前，必须“出示表明自己人民警察身份的工作证件”。未经出示相关证件，公民有权拒绝接受盘查。并应当告知公民，盘查是法律赋予人民警察的权力，公民应予以配合，否则要承担法律责任。这一程序性规定旨在保障公民的知情权，增强执法的透明度和公信力，使公民能够清楚地了解盘查行为的合法性基础，从而更好地配合执法工作。人民警察实施当场盘查必须符合两个条件：其一，盘查的目的是为了维护社会治安，履行警察的职责。除此之外，不得以任何理由盘查有关公民；其二，当场盘查的对象只能是有违法犯罪嫌疑的人员，对其他公民不得进行盘查。

二、警察盘查权行使中存在的问题

（一）法律依据略显不足

目前我国关于警察盘查权的法律体系存在着法律层级不高、程序规定不够详细、权利义务不明确等问题，导致执法人员在行使盘查权时缺乏明确的法律依据和操作规程，容易引发执法不规范、侵犯公民权益等问题。警察盘查权的行使必须严格遵循法律法规，才能确保其合法性和有效性。

1. 法律层级不高。目前，关于警察盘查权的法律规定主要散见于《人民警察法》等行政法规和部门规章中，缺乏统一的上位法进行规范。这种分散式的立法模式，导致执法人员在行使盘查权时难以找到明确的法律依据，容易造成执法尺度不统一、执法标准不明确等问题。

2. 程序规定不够详细。虽然《人民警察法》等法律法规对警察盘查权的使用作了原则性规定，但缺乏具体的操作流程、要求等方面的详细说明。例如，法律法规没有明确规定盘查的适用范围、盘查的步骤、盘查的时间限制、盘查的方式、盘查的场所等，导致执法人员在行使盘查权时难以准确把握尺度，容易出现滥用职权、违反程序等问题。

3. 权利义务还需进一步明确。现行法律法规主要规定了执法人员行使盘查权的目的是职责，但对于被盘查人的权利和义务缺乏明确的界定。这种权利义务关系的不明确，容易导致在盘查过程中，双方对自身权益的认识存在偏差，进而引发矛盾和冲突，影响执法效果和社会信任。

度。被盘查人也可能不清楚自己需要履行哪些义务，这种模糊的权利义务关系，不仅损害了被盘查人的合法权益，也影响了公安机关的执法效率和社会公信力。

（二）各部门之间协调不畅

警察盘查权的有效行使需要各个部门的密切配合和协同作战，然而，目前公安机关内部以及公安机关与其他部门之间存在着信息共享不足、职责划分不清、跨部门合作困难等问题，严重影响了盘查工作的效率和效果，甚至可能侵犯公民的合法权益。

1. 职责划分不明确。各部门在盘查权行使过程中的职责边界模糊，容易出现推诿扯皮现象。例如，在对流动人口进行盘查时，治安部门、刑侦部门和基层派出所之间对于盘查对象的后续处理职责划分不清，导致部分盘查对象未得到及时有效的管控，存在安全隐患。

2. 信息共享不足。由于组织结构不够完善，各部门之间的横向联系和沟通不足，缺乏有效的信息共享机制，导致信息传递不及时、不准确，无法为盘查工作提供及时、准确的信息支持，影响了盘查工作的准确性和效率。其次，职责划分不清。由于制度建设不足，缺乏明确的法律法规对各部门的职责进行界定和规范，不同部门在警察盘查工作中的职责划分不够明确，容易出现推诿、扯皮现象。这不仅影响了工作效率，还可能导致公民权利受到侵犯时，各部门之间相互推卸责任，无法及时有效地维护公民的合法权益。

3. 协作配合不紧密。警察盘查工作一般涉及多个部门，如交通、治安、刑侦等，需要各部门之间密切配合和协同作战。缺乏统一协调和指挥。例如，在开展大规模治安清查行动时，各部门之间行动不同步，缺乏有效的沟通和衔接，导致盘查工作出现漏洞，无法形成打击违法犯罪的合力。由于执法人员的素质不高，缺乏跨部门合作的意识和能力，难以与其他部门建立良好的合作关系，导致工作难以协调，甚至出现冲突，影响了盘查工作的顺利进行。

（三）监督机制不完善

警察盘查权在行使过程中还存在着监督机制不完善的问题，主要体现在内部监督不足、社会监督缺失、外部制约不强等问题。

1. 内部监督不足。警察盘查工作需要接受内部监督机构的检查和评估。但是，一些内部监督机构存在监督不力、不及时等问题，导致对警察盘查工作的监督不够全面和深入。其原因主要是由于内部监督机制不够完善，缺乏明确的规章制度和操作规程，导致监督效果不佳。此外，一些执法人员可能存在违规行为，如滥用职权、违法执法等，但由于内部监督不到位，这些行为难以被及时发现和处理。这不仅损害了公民的合法权益，也影响了警察队伍的形象和声誉。

2. 社会监督缺失。社会公众对警察盘查权的行使也具有一定的监督权利。但是，一些地区的社会监督渠道不畅、反馈机制不完善，导致社

会公众的监督作用难以得到充分发挥。其原因主要是由于宣传教育不到位，社会公众对警察盘查权的认知和理解不足，影响了其参与和监督的积极性。同时，一些执法人员的违规行为也可能对社会公众造成不良影响，但社会公众无法及时了解情况并进行有效监督。

3. 外部制约不强。警察盘查权在一定程度上受到外部因素的制约，如司法机关、立法机关等。但是，这些制约机制一般较为薄弱，难以对警察盘查权形成有效的制约和约束。其原因主要是由于外部制约机制不够健全，缺乏明确的法律规定和制度安排，导致外部制约乏力。在实际操作中，警察盘查权的行使往往面临一些困境，如程序不规范、滥用职权等问题。这些问题的存在不仅影响了盘查的效果，也可能对公民的合法权益造成损害。对警察盘查权行使，提出相应的对策和建议，对于提高警察工作效率、保障公民权利具有重要的意义。

三、优化警察盘查权的有效路径

（一）完善法律法规

警察盘查程序的规范化程度，是衡量执法公信力和公民权利保障水平的重要指标，其执行质量直接关系到公众对执法机关的信任度以及公民合法权益的有效维护。规范化的盘查程序，不仅能够确保执法行为的合法性和透明度，还能有效减少执法过程中的争议和纠纷，从而提升执法效率和公信力。

1. 加强立法工作。制定专门的法律来规范警察盘查行为，明确执法人员的职责和权限，同时细化程序规则和要求，使执法人员在行使警察盘查权时有章可循。

2. 提高执法人员的素质和能力。公安机关应该加强对执法人员的培训和教育，提高其业务技能和职业道德水平，使其能够更好地履行职责，保障公民的权利和利益。

3. 增强公众参与和社会监督意识。公众可以通过投诉、举报等方式对警察盘查行为进行监督和评价，促进执法透明度和公信力；媒体也应该发挥舆论监督的作用，及时曝光违法违规行为并进行报道和批评。为了保障公民的权利和利益，维护社会稳定和公共安全，必须重视警察盘查权行使中的问题，通过加强立法工作、提高执法人员素质、健全监督机制以及增强公众参与和社会监督意识等措施，推动警察盘查权的规范化行使。

（二）提升部门协调水平

加强公安机关内部各部门之间的协作配合，形成打击违法犯罪的合力。在开展盘查行动前，由指挥中心统一协调，明确各部门的任务分工和协作要求，确保行动的统一性和协调性。在盘查过程中，各部门要密切配合，相互支持，充分发挥各自的优势，共同应对各类违法犯罪行为。在盘查结束后，各部门要及时总结经验教训，完善协作机制，不断提升协作配合的水平和效能。

1. 加强信息共享。建立健全的信息共享机制，促进不同部门之间的信息共享和传递。可以通过建立信息共享平台、定期召开联席会议等方式，确保信息及时、准确地传递到各个部门。要加强对信息安全的保护和管理，防止信息泄露或滥用。

2. 明确职责划分。制定详细的规章制度和操作规程，明确不同部门的职责和权限。对于涉及到多个部门的盘查任务，应该指定牵头部门负责协调和统筹，其他部门配合协作。要加强监督和管理，确保各部门认真履行职责，避免出现推诿、扯皮的现象。

3. 提高人员素质。加强对执法人员的培训和教育，提高其跨部门合作的意识和能力。可以通过开展培训课程、经验交流等活动，帮助执法人员了解其他部门的职责和工作方式，提高其沟通和协调能力。同时，要注重培养执法人员的法律意识和服务意识，使其能够更好地履行职责，保障公民的权利和利益。

4. 优化组织结构。改革组织结构，加强各部门之间的横向联系和沟通。可以采用扁平化的管理结构或者设立专门的协调机构来负责不同部门之间的协调和合作。通过加强组织内部的沟通和协作，可以提高工作效率和质量，减少不必要的矛盾和冲突。

（三）优化监督机制

为确保警察盘查权的正确行使和被盘查人的合法权益不受侵犯，建立有效的监督和管理机制至关重要。公安机关内部需要建立完善的监督机制，对盘查过程进行全程监督和管理，可以通过录音录像等方式记录盘查过程，并定期进行审查，以确保盘查行为符合法律法规的要求。上级公安机关和社会公众也可以对公安机关的盘查行为进行监督和评价，可以通过举报投诉、社会舆论监督等方式，及时发现和纠正盘查过程中的问题。对于滥用职权、违反程序等行为，相关部门需要依法进行处理和惩处，可以对责任人进行行政处分、追究刑事责任，以维护法律的严肃性和权威性，并警示其他警察规范行使盘查权。

1. 加强内部监督。建立健全的内部监督机制，明确各部门的职责和权限，加强对警察盘查工作的检查和评估。同时，要注重提高执法人员的素质和能力水平，加强职业道德教育和纪律作风建设，确保其严格遵守法律法规和操作规程。

2. 建立完善的责任追究制度和奖惩机制。对于违规行为进行严肃处理并追究到人，激励执法人员依法履职、规范执法。再者是拓展社会监督。建立和完善社会监督渠道，鼓励社会公众积极参与和监督警察盘查工作。可以通过公开透明的方式向社会公布相关信息，增加透明度和公信力；建立投诉举报平台，鼓励群众举报违法行为和不公正待遇；定期开展民意调查和满意度测评等活动，及时回应社会关切并改进工作方式方法。

3. 引入第三方监督。邀请第三方机构或专业人士参与对盘查权的

监督。可以聘请律师、法学专家、社会监督员等组成监督小组,对盘查行为进行定期检查和评估。第三方监督能够提供更加客观、公正的监督意见,有助于发现和解决盘查权行使中存在的问题。据某市公安机关与第三方监督小组合作的经验,通过第三方监督,发现并纠正了多起盘查过程中的不规范行为,有效提升了执法公信力。完善监督反馈机制:建立完善的监督反馈机制,对监督结果进行及时反馈和处理。对于公民投诉和媒体曝光的问题,公安机关应在规定时间内进行调查处理,并将处理结果反馈给投诉人或媒体。同时,应定期向社会公布盘查权监督的情况,接受社会公众的监督 and 评价。通过这些举措可以使社会公众更好地参与到警务工作中来,增强社会信任感和满意度。

四、结论

执法规范化是公安机关履行职责、维护社会公平正义的重要保障。警察盘查权的行使,是公安机关执法规范化建设的重要组成部分,对于维护社会稳定、保障人民生命财产安全具有重要意义。警察盘查权在现代法治社会中的不可或缺性,在行使盘查权过程中需要平衡好执法效率与公民权利保护之间的关系,以实现法律价值的最大化。公安机关应持续推动执法规范化建设,不断提升公安机关执法公信力,增强人民群众安全感和满意度。

参考文献:

- [1] 官志刚,王占军.治安勤务[M].武汉大学出版社,2020.
- [2] 李海涛,孙彦军.边境派出所工作实务[M].中国人民公安大学出版社,2021.
- [3] 樊必成.论我国人民警察盘查权的规范行使[D].广西大学,2022.
- [4] 张赛.警察当场盘查规范化研究[D].中国人民公安大学,2021.
- [5] 罗云方.警察盘查问题研究[D].中国政法大学,2011.
- [6] 郭旨龙.警察盘查权行使条件的法治化[J].中国政法大学学报, 2021, (02):204-215.
- [7] 陈慧君,李浩.我国盘查权规范化路径的反思与再选择[J].中国人民公安大学学报(社会科学版),2019,35(01):110-122.

В. Г. Лупырь, О. Ю. Филиппов

Об эволюции нормативного регулирования применения сотрудниками правоохранительных органов России огнестрельного оружия

На Руси первое упоминание о применении огнестрельного оружия относится к 1399 г. Применение органами власти огнестрельного оружия являлось прерогативой армейских подразделений, органы правопорядка обхо-

дились холодным оружием. И только в середине XIX в. столичная полиция была частично вооружена ружьями, которые затем заменили на двустольные шпилечные револьверы Лефоше. В 1878 г. была юридически закреплена полицейская должность урядников, которые были вооружены пашками драгунского образца. Помимо казенного холодного оружия, разрешалось иметь и собственное огнестрельное оружие для самозащиты полицейского чина. Учитывая, что такое оружие предполагалось использовать для самозащиты, регламентации его применения не последовало [1, с. 46].

Централизованное вооружение полицейских чиновников короткоствольным огнестрельным оружием типа револьвер началось с 1879 г. С этого момента, как отмечают специалисты [2, с. 99; 3, с. 40], берет свое начало отечественное правовое регулирование применения оружия сотрудниками царской полиции. Комиссия, образованная Председателем Совета министров П. А. Столыпиным, разработала проект «Устава полицейского», в котором были даны законодательные рекомендации по «употреблению чинами полиции в дело оружия». При этом ориентиром служили одноименные правила, изложенные в приложении к ст. 688 Общего Учреждения Губернского от 10 октября 1879 г. «Об употреблении полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия» [4, с. 230–235]. Рекомендации содержали правила применения оружия полицейскими, действующими как самостоятельно, так и в составе служебных команд.

Действующий вне команды полицейский чин мог применять оружие в следующих случаях:

- а) для отражения всякого вооруженного на него нападения;
- б) для отражения нападения хотя бы и невооруженного, но совершенного несколькими лицами или даже одним лицом, но при таких обстоятельствах и условиях, когда никакое иное средство защиты не было возможно;
- в) для обороны других лиц от застигнутого полицейским или жандармским чином нападения, угрожающего жизни, здоровью или неприкосновенности тех лиц;
- г) при задержании преступника, когда он будет препятствовать сему указанными выше насильственными действиями (пп. «а» и «б») или когда невозможно будет преследовать или настичь убегающего;
- д) для преследования арестанта, бежавшего из тюрьмы или из-под стражи, когда невозможно настичь его или когда он противится задержанию предусмотренными выше насильственными действиями.

Верно указывает А. В. Данчевская: «В случае призыва жандармских и полицейских команд для восстановления порядка, использовать оружие им

можно было только по приказу начальствующего лица, которое было обязательно трижды и громко предупредить неповинующихся о применении оружия, при отсутствии других способов прекращения беспорядка» [2, с. 99–109].

Как видно, основанием для применения оружия полицейскими командами были лишь массовые беспорядки. Правила 1879 г. содержали норму о применении оружия полицейскими в составе команд без предупреждения в крайней необходимости, когда произойдет нападение на команду или когда необходимо быстрыми действиями спасти жизнь людей, подвергшихся нападению со стороны возмущившихся лиц.

Отметим, что указанные положения действовали до 17 апреля 1917 г., когда Временным Правительством России было утверждено «Временное положение о милиции», а 14 июня того же года была издана Инструкция об употреблении оружия служащими в милиции при исполнении служебных обязанностей, которая без изменений воспроизводила норму Правил 1879 г. об употреблении оружия полицейскими и жандармскими чинами, действующими вне состава команды.

После свершения Октябрьской революции 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР 28 октября 1917 г. (по старому стилю) принял постановление «О рабочей милиции» [5]. Согласно данному постановлению военные и гражданские власти были обязаны содействовать вооружению рабочей милиции казенным оружием. Анализ правового регулирования вопросов применения оружия милицией в первые годы после революции показывает простоту подходов в их разрешении. Например, Инструкция милиционерам всенародной милиции, принятая Кронштадтским Советом Рабочих и Солдатских депутатов в декабре 1917 г., содержит единственное основание применения оружия: «...лишь в случае необходимой самообороны» [об этом см.: 3, с. 40].

По окончании Гражданской войны органы советской власти стали разрабатывать первые нормативные акты, регламентирующие деятельность милиции. Так, в «Инструкции участковому надзирателю», изданной в 1923 г., очень подробно были расписаны условия применения оружия. Согласно этой Инструкции надзиратель должен быть вооружен и имел право на применение оружия. Данные основания дублировали те, которые были указаны в законе 1879 г., но были дополнены тремя новыми положениями.

Необходимо отметить, что Инструкция 1923 г. действовала и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В соответствии с законами военного времени определялось и правовое положение милиции.

В послевоенный период принятый в 1952 г. Устав постовой и патрульной службы милиции содержал отдельную главу о порядке при-

менения оружия. Кроме того, впервые поясняется, что применение оружия является крайней мерой принуждения, а также уточняется, что при отражении нападения на сотрудника милиции угроза его жизни должна быть «явной» [6, с. 46]. Сравнительный анализ показал, что положения Устава о применении огнестрельного оружия по сравнению с нормами Инструкции 1923 г. значительно ухудшили правовую защищенность как граждан, так и сотрудников милиции, неконкретность отдельных формулировок затрудняла на практике применение данной меры пресечения.

Устав патрульно-постовой службы 1963 г. дополнил основания применения огнестрельного оружия нормой «при задержании лица, застигнутого в момент совершения лишь особо опасного преступления». Кроме того, был установлен запрет на применение оружия в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, административно арестованных и некоторых других лиц.

Единым законом для сотрудников милиции стал закон Российской Федерации «О милиции», принятый 18 апреля 1991 г. [7]. Данный закон предусматривал девять оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции.

Сегодня применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия регламентируется главой 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. [8] «О полиции». Количество оснований применения оружия в этом законе увеличилось до шестнадцати.

В эволюционном развитии нормативной регламентации важно то, что в применении оружия сотрудниками органов внутренних дел России прослеживается четкая преемственность. При этом характерной чертой периода 1917–1960 гг. является отсутствие системности в регламентации такого важного вопроса деятельности органов внутренних дел.

Список источников

1. Грачев А. А., Гуляков А. Д., Свечников Н. И. История органов внутренних дел России : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. В. Гошуляка. Пенза, 2021.
2. Данчевская А. В. Эволюция правовых оснований применения оружия сотрудниками органов внутренних дел в России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2(12).
3. Князьков А. С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998.

4. Шурухнов Н. Г. Употребление чинами полиции в дело оружия: предложения межведомственной Комиссии «По преобразованию полиции в Империи» (1906–1911) // Криминологический журнал. 2023. № 3.

5. О *рабочей* милиции : постановление Народного комиссариата внутренних дел РСФСР от 28 октября 1917 г. URL: <https://diletant.media/articles> (дата обращения: 11.05.2025).

6. Устав постовой и патрульной службы милиции. М., 1952.

7. О *милиции* : закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О *полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. Д. Майле

Выдворение как полицейская мера в деятельности правоохранительных органов Германии

Согласно официальным данным, в 2024 г. в Германии было зарегистрировано 5837445 преступлений, что свидетельствует о снижении общего уровня преступности на 1,7% по сравнению с 2023 г. Основным фактором, повлиявшим на данную динамику, стала частичная декриминализация хранения и выращивания каннабиса. Исключение соответствующих составов из уголовной статистики формально снизило общие показатели преступности. При этом уровень раскрываемости преступлений остался стабильным и составил 58%, что эквивалентно 3385919 раскрытым случаям и соответствует среднему значению за последнее десятилетие [1].

Тем не менее структурный анализ криминогенной обстановки свидетельствует о наличии ряда тревожных тенденций. В частности, зафиксировано увеличение количества насильственных преступлений на 1,5% (до 217277 зарегистрированных случаев), что представляет собой наивысший показатель с 2007 г. Особую обеспокоенность вызывает рост преступности среди иностранных граждан: численность лиц, подозреваемых в совершении тяжких преступлений, увеличилась на 7,5% и составила 85012 человек. Кроме того, зафиксировано увеличение числа сексуальных преступлений, совершенных представителями данной категории, на 9,3% по сравнению с предыдущим отчетным периодом.

Особенно заметным является рост числа преступлений с применением холодного оружия, в частности ножей: в 2024 г. было зарегистрировано 29014 подобных инцидентов, что на 10,8% превышает показатели 2023 г.

Из общего числа таких правонарушений 54,3% составили деяния, квалифицируемые как насильственные преступления, 43,3% — преступления, связанные с угрозами причинения вреда, а оставшиеся 2,4% — иные противоправные действия, включая применение насилия в отношении должностных лиц и 2 сотрудников правоохранительных органов¹.

Согласно статистическим данным, среди 2 184 834 лиц, подозреваемых в совершении преступлений, 913 196 не обладали гражданством Федеративной Республики Германия, что составляет 40,7% от общего числа. По сравнению с предыдущим годом этот показатель увеличился на 17,8%, что свидетельствует о значительной динамике вовлеченности иностранных граждан в криминальную активность. В численном выражении наибольшее количество подозреваемых среди иностранных граждан составляют выходцы из Сирии, Турции, Румынии, Украины и Афганистана. Особенно заметным является рост числа противоправных деяний, совершенных лицами, находящимися на территории Германии в статусе просителей убежища. В этой категории преобладают граждане Турции, Египта, Украины и Пакистана, тогда как в абсолютных показателях лидируют граждане Сирии.

Рост числа правонарушений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, фокусирует внимание не только на прикладных вопросах миграционной политики, но и вскрывает структурное противоречие между концепцией открытого, либерального общества и растущим общественным запросом на обеспечение внутренней безопасности.

Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, международно-правовые обязательства и гуманитарные стандарты существенно ограничивают допустимость произвольного применения репрессивных мер в отношении иностранных граждан; с другой — возрастающее социальное и политическое давление вынуждает государство к расширению административно-правовых механизмов, направленных на усиление превентивного контроля и обеспечение общественного порядка и безопасности [2, с. 165].

Наблюдаемая тенденция, выражающаяся, в частности, в росте уровня преступности среди мигрантов, способствует усилению институцио-

¹ В соответствии с установленными статистическими критериями категория «нападение с применением ножа» охватывает исключительно те случаи, в которых холодное оружие использовалось в целях причинения физического вреда другому лицу либо в контексте явной угрозы его немедленного применения. Ношение ножа без признаков агрессивного поведения и демонстрация намерения его использования не учитываются в рамках данной категории.

нальных и нормативных вызовов в сфере миграционного регулирования. Указанные процессы актуализируют необходимость всестороннего пересмотра действующих правовых механизмов, определяющих правовой статус иностранных граждан. В данном контексте особую значимость приобретают юридические инструменты, направленные на правомерное ограничение либо прекращение права пребывания иностранных граждан на территории государства. Реализация таких мер требует соблюдения принципов соразмерности, правовой определенности, а также безусловного следования международным обязательствам в области прав человека и защиты беженцев².

Следует отметить, что к настоящему времени в Федеративной Республике Германия как одной из ведущих участников общеевропейской миграционной системы сформировалась всесторонне развитая нормативно-правовая база, регулирующая порядок въезда, пребывания, выдворения и высылки иностранных граждан. Центральное место в данной системе занимает Закон о пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранцев в ФРГ (далее — Закон о пребывании), который представляет собой основной правовой акт, определяющий порядок правового положения иностранцев на территории государства [3].

Анализ правового регулирования института выдворения в ФРГ представляет собой предмет научного интереса как в рамках сравнительно-правовых исследований, так и в контексте изучения механизмов обеспечения баланса между суверенным правом государства на управление миграционными процессами и международно-правовыми обязательствами в сфере защиты прав человека. Исследование данного института позволяет выявить специфические черты германского подхода к соотношению мер государственного принуждения и принципов правовой защищенности иностранцев, находящихся на территории государства.

В данном контексте особое значение приобретает институт выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — институт

² В 2024 г. количество политически мотивированных преступлений, направленных против мест первичного размещения беженцев в Германии, достигло наивысшего показателя с 2017 г. Согласно официальным данным, предоставленным федеральным правительством, в течение прошедшего года было зарегистрировано 218 таких преступлений, что значительно превышает показатель 2023 г. — 167 случаев. Из общего числа инцидентов 28 были квалифицированы как насильственные преступления, в результате которых пострадали 14 человек, включая одного ребенка (ZEIT ONLINE vom 2. Februar 2025. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025-02/gefluechtetenunterkunft-anschlaege-anstieg-straftaten-2024>? (дата обращения: 15.05.2025)).

выдворения), пребывание которых на территории государства признано нежелательным в связи с наличием угрозы национальной безопасности либо иным охраняемым интересам государства. Указанный институт представляет собой один из центральных инструментов реализации суверенных полномочий государства в сфере миграционной политики, обеспечивая нормативно закрепленные основания для удаления с территории страны лиц, чье пребывание противоречит интересам общественной безопасности и правопорядка³.

По состоянию на 31 декабря 2024 г. на территории ФРГ находилось 220 808 лиц, обязанных покинуть страну [4]. В течение отчетного года было депортировано 20 084 человека, что на 22,2% превышает аналогичный показатель 2023 г. Таким образом, уровень фактически осуществленных депортаций в 2024 г. достиг наивысшего значения с 2019 г. В то же время данный показатель остается ниже уровня 2016 г., когда число выдворенных лиц составило 25 375 человек [5].

Согласно § 50 Закона о пребывании иностранных граждан обязан покинуть территорию ФРГ в случае отсутствия действительного вида на жительство либо утраты законного права на пребывание. Обязанность покинуть страну распространяется как на лиц, не имевших законных оснований для пребывания, так и на тех, чей вид на жительство прекратил свое действие.

В соответствии с § 51 Закона о пребывании прекращение действия вида на жительство может осуществляться как *ipso jure* (в силу закона), так и на основании индивидуального административного акта в зависимости от правовой природы основания и обстоятельств конкретного случая. В силу закона прекращение действия вида на жительство происходит в следующих случаях:

- истечение срока действия разрешения на пребывание;
- наступление предусмотренного условия для его утраты;
- временный выезд за пределы страны;
- несвоевременное возвращение после выезда;
- подача заявления о предоставлении убежища после получения определенного вида на жительство.

Прекращение действия вида на жительство на основании административного акта применяется в случаях:

³ В германском миграционном законодательстве существует различие между выдворением (*Ausweisung*) и депортацией (*Abschiebung*). Несмотря на формальное сходство, данные понятия отличаются по своей юридической природе и основаниям применения.

- отзыва ранее выданного разрешения на пребывание;
- аннулирования разрешения;
- выдворения иностранного гражданина;
- вынесения решения о депортации в соответствии с § 58a Закона о пребывании.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что институт выдворения в правовой системе Федеративной Республики Германия ориентирован на предотвращение потенциальных угроз, исходящих от иностранных граждан и лиц без гражданства.

Такая правовая конструкция соответствует задачам как общей, так и специальной превенции, поскольку выдворение институционально сопряжено с полицейским правом, традиционно выступающим нормативной основой превентивных административных вмешательств, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности. Принципиально важно подчеркнуть, что выдворение не носит карательного характера и не квалифицируется как санкция за совершенное правонарушение. Напротив, данная мера имеет предупредительную направленность и применяется в целях минимизации будущих рисков, связанных с пребыванием конкретного лица на территории государства.

Так, в решении от 8 сентября 2016 г. Административный суд города Мюнхена указал, что выдворение иностранного гражданина представляет собой меру превентивного характера, направленную на предотвращение возможных нарушений общественного порядка и общественной безопасности [6]. Данный подход находит подтверждение и в судебной практике Федерального административного суда Германии [7, S. 1219–1228]. В решении от 12 июля 2018 г. указанный суд разъяснил, что основная цель выдворения заключается в обеспечении общественной безопасности через предотвращение будущих угроз, при этом мера может быть обоснована как специальной, так и общей превенцией [8].

С 1 января 2016 г. в Федеративной Республике Германия введена обновленная правовая модель регулирования выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, поведение которых квалифицируется как представляющее угрозу общественному порядку, конституционному строю или иным охраняемым правовым интересам государства [9, S. 1386]. Нормативная основа применения соответствующих мер закреплена в § 53–55 Закона о пребывании (AufenthG), в соответствии с которыми решение о выдворении оформляется в виде индивидуального административного акта. Указанный акт основывается

на прогностической оценке вероятности того, что дальнейшее пребывание соответствующего лица на территории Германии сопряжено с риском нарушения общественной безопасности либо посягательства на иные значимые правовые блага [10, с. 174].

Согласно § 53 Закона о пребывании выдворение иностранного гражданина может быть осуществлено в случае, если его пребывание представляет угрозу для общественной безопасности, правопорядка, основ конституционного строя или иных существенных интересов государства. Несмотря на административно-правовую природу рассматриваемой меры, институт выдворения демонстрирует тесную взаимосвязь с уголовным и уголовно-процессуальным правом, поскольку основания для его применения нередко сопряжены с совершением уголовно наказуемых деяний либо иных правонарушений, затрагивающих охраняемые интересы общества и государства [11].

Ключевым критерием при принятии решения о выдворении является не сам факт совершения иностранным гражданином противоправного деяния, а прогностическая оценка потенциальной угрозы, которую его дальнейшее пребывание может представлять для охраняемых интересов [12]. В связи с этим наличие либо отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора не носит определяющего характера. Существенное значение придается тому, располагают ли компетентные органы достоверной, конкретной и объективно обоснованной информацией, свидетельствующей о наличии реальной и актуальной угрозы общественному порядку или внутренней безопасности, исходящей от соответствующего лица [13].

Положения § 54 Закона о пребывании устанавливают дифференцированный перечень оснований, при наличии которых интерес государства в выдворении иностранного гражданина квалифицируется как «особо весомый» (нем. *besonders schwerwiegendes Ausweisungsinteresse*) либо «весомый» (нем. *schwerwiegendes Ausweisungsinteresse*). Эти основания могут быть условно подразделены на две основные категории: во-первых, действия, связанные с совершением уголовно наказуемых деяний, и, во-вторых, иные формы поведения, которые в объективной перспективе способны представлять угрозу общественной безопасности, правопорядку или иным значимым интересам государства. Такое нормативное разграничение обеспечивает возможность более точной юридической квалификации степени опасности, исходящей от конкретного лица, и позволяет проводить соразмерную правовую оценку допустимости вмешательства в его основные права, прежде всего в право на пребывание.

Для первой группы ключевым критерием является наличие вступившего в законную силу приговора за умышленное преступление. Степень общественной опасности оценивается по тяжести деяния и характеру назначенного наказания. Закон содержит перечень уголовных преступлений, совершение которых, как правило, свидетельствует о наличии особо веского интереса государства в выдворении. К таким деяниям относятся преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, собственности, общественного порядка, а также правонарушения, связанные с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Важно отметить, что даже погашенные или снятые судимости могут учитываться при общей оценке личности, хотя их юридическая значимость ограничена.

Особо весомый государственный интерес в осуществлении выдворения признается, в частности, в случаях, когда иностранный гражданин был осужден за одно или несколько умышленных преступлений к лишению свободы на срок не менее двух лет либо при последнем осуждении ему была назначена мера безопасности в виде принудительного психиатрического лечения в соответствии с § 63 Уголовного уложения Германии. Аналогичным образом наличие особо значимого интереса государства может устанавливаться в случае назначения наказания в виде лишения свободы сроком не менее одного года за совершение преступлений против жизни, телесной неприкосновенности, половой свободы, собственности, а также в отношении сотрудников правоохранительных органов.

К числу иных оснований, указывающих на наличие повышенного интереса государства к выдворению, относятся преступления в сфере социальной защиты, тяжкие формы мошенничества, правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а также активное участие в деятельности террористических, экстремистских или антиконституционных организаций. Кроме того, участие в насильственных актах, пропаганда насилия, публичные призывы к его применению в политических или религиозных целях, равно как и систематическое разжигание вражды по отношению к этническим, религиозным или иным социальным группам, также рассматриваются в качестве юридически значимых оснований для признания наличия особо веского интереса государства в применении меры выдворения.

К числу весомых оснований для выдворения относится, в частности, осуждение иностранного гражданина к лишению свободы на срок не менее одного года, включая случаи назначения условного наказания, а также применение ювенальной меры наказания сопоставимой продолжитель-

ности. Признание особо весомого интереса государства в выдворении также возможно в случае систематического нарушения правопорядка, злоупотребления наркотическими веществами при одновременном отказе от прохождения соответствующего лечения, применения насилия или угроз в целях воспрепятствования участию других лиц в общественной жизни, а также в ситуациях предоставления заведомо ложных сведений в рамках миграционных процедур при условии, что указанные действия создают угрозу охраняемым интересам государства.

В отношении лиц, отнесенных ко второй группе, мера выдворения может быть применена при наличии аргументированных оснований полагать, что их дальнейшее пребывание на территории государства сопряжено с угрозой для свободного демократического порядка, общественной безопасности либо иных существенно охраняемых интересов. К данной категории, в частности, относятся лица, распространяющие или поддерживающие идеологию насилия в политических либо религиозных целях, а также связанные с экстремистскими или террористическими организациями. Основанием для выдворения также может служить участие в деятельности по вербовке, пропаганде радикальных взглядов либо демонстрация моделей поведения, несовместимых с фундаментальными принципами правового государства. Дополнительно принимаются во внимание случаи умышленного искажения, сокрытия либо представления недостоверных сведений в ходе иммиграционных процедур, если указанные действия затрагивают интересы национальной или общественной безопасности.

Параграф 55 Закона о пребывании занимает ключевое место в системе правового регулирования института выдворения, поскольку направлен на достижение сбалансированного соотношения между публичным интересом в обеспечении общественной безопасности и индивидуальными правами иностранных граждан на пребывание на территории Федеративной Республики Германия.

Согласно положениям указанной правовой нормы при вынесении решения о выдворении компетентные органы обязаны принимать во внимание наличие у иностранного гражданина личного интереса в сохранении права на пребывание (нем. *Bleibeinteresse*). Данное предписание представляет собой выражение принципа соразмерности (нем. *Verhältnismäßigkeitsprinzip*), в рамках которого осуществляется оценка допустимости вмешательства в основное право на пребывание с учетом степени угрозы, исходящей от соответствующего лица для общественного порядка или безопасности.

Таким образом, § 55 Закона о пребывании обеспечивает нормативную основу для индивидуализированного правового подхода, способствующего достижению справедливого баланса между целями охраны общественных интересов и необходимостью соблюдения фундаментальных прав личности. Это соответствует как требованиям конституционного правопорядка, так и международно-правовым обязательствам Германии в сфере защиты прав человека.

Закон о пребывании дифференцирует два уровня защищенного интереса в сохранении права на пребывание — «особо весомый интерес» (нем. *besonders schutzwürdiges Bleibeinteresse*) и «весомый интерес» (нем. *schutzwürdiges Bleibeinteresse*), что играет ключевую роль в оценке соразмерности при принятии решения о выдворении.

К категории особо весомого интереса относятся случаи, при которых иностранный гражданин:

- располагает разрешением на постоянное проживание и на законных основаниях проживает на территории Федеративной Республики Германия не менее пяти лет;

- обладает временным видом на жительство и родился в Германии либо прибыл на территорию страны в несовершеннолетнем возрасте, при этом легальное проживание в Германии составляет не менее пяти лет;

- состоит в семейных отношениях с гражданином Германии и осуществляет родительские права или реализует право на общение с несовершеннолетним ребенком, имеющим гражданство ФРГ;

- имеет временный вид на жительство, предоставленный на основании гуманитарных, политических или международно-правовых оснований.

К весомым интересам в сохранении права на пребывание относятся, в частности, следующие обстоятельства:

- иностранный гражданин является несовершеннолетним и обладает временным видом на жительство;

- имеет временное разрешение на пребывание и легально проживает в Германии не менее пяти лет;

- осуществляет родительские права либо право на общение с несовершеннолетним ребенком, который легально проживает на территории Федеративной Республики Германия;

- является несовершеннолетним, а один или оба родителя, наделенные родительскими правами, легально проживают в Германии;

- обладает временным видом на жительство, выданным на основании абзаца 4а § 25 Закона о пребывании.

Таким образом, законодательное разграничение степеней защищенного интереса к пребыванию позволяет компетентным органам осуществлять более дифференцированную и индивидуализированную правовую оценку при вынесении решений о выдворении с учетом личной ситуации иностранного гражданина и с соблюдением принципа соразмерности.

Следует отметить, что перечень критериев, подлежащих учету при оценке интереса иностранного гражданина в сохранении права на пребывание, содержащийся в § 55 Закона о пребывании, носит неисчерпывающий характер, что позволяет компетентным органам учитывать и иные, прямо не указанные в нормативной формулировке, индивидуально значимые обстоятельства. Такая конструкция обеспечивает гибкость правоприменения и способствует более полной реализации принципа индивидуализированного подхода.

Среди дополнительных факторов, как правило, рассматриваются: степень социальной, трудовой и культурной интеграции иностранного гражданина в германское общество; продолжительность легального пребывания в стране; стабильность семейной и личной жизни; обстоятельства, связанные с обеспечением неприкосновенности семейной сферы в свете гарантий, закрепленных в ст. 6 Основного закона Федеративной Республики Германия. Указанные аспекты приобретают особую значимость в контексте соблюдения международных и конституционных обязательств Германии в области защиты прав человека. Таким образом, § 55 Закона о пребывании выполняет функцию правового баланса в сфере регулирования выдворения.

Важное значение в системе правового регулирования института выдворения имеет § 60 Закона о пребывании, который устанавливает основания для запрета на депортацию, действующие даже при наличии вступившего в законную силу решения о выдворении. В соответствии с пп. 5 и 7 указанной нормы принудительное возвращение иностранного гражданина в государство происхождения недопустимо, если оно противоречит международным обязательствам, принятым Федеративной Республикой Германия, в частности положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это включает, прежде всего, случаи, в которых существует обоснованный и конкретный риск нарушения запрета на применение пыток, а также бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания. Кроме того, депортация исключается, если возврат сопряжен с серьезной и непосредственной угрозой жизни, свободе или физической неприкосновенности лица.

Наряду с установленными правовыми ограничениями практическая реализация решений о выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства часто сталкивается с целым рядом фактических препятствий. К числу наиболее распространенных проблем следует отнести отсутствие у соответствующего лица действительных документов для выезда, сложности в установлении его личности, а также отказ государства происхождения признать или принять своего гражданина. В ряде случаев страны происхождения систематически уклоняются от исполнения международных обязательств по реадмиссии, что на практике делает депортацию невозможной.

Дополнительным препятствием к осуществлению выдворения может служить физическое либо психическое состояние лица, подлежащего выдворению, особенно если принудительное исполнение данной меры сопряжено с угрозой для жизни либо риском существенного ухудшения состояния здоровья. Перечисленные обстоятельства акцентируют необходимость индивидуальной оценки осуществимости выдворения в каждом конкретном случае, а также требуют строгого соблюдения гуманитарных и правовых стандартов, включая положения международного права в сфере защиты прав человека.

До вынесения решения о выдворении (издания административного акта о выдворении) иностранному гражданину должна быть предоставлена возможность изложить свою позицию по предъявляемым претензиям в рамках процедуры предварительного заслушивания (нем. *Anhörung*)⁴. Данный этап является важной гарантией процессуальных прав, обеспечивая соблюдение принципов надлежащего административного производства и участия лица в решениях, затрагивающих его законные интересы. Окончательное решение о выдворении принимается лишь после рассмотрения представленных аргументов и завершения всех необходимых процедур. Закон не делает исключений для лиц, находящихся в местах лишения свободы: при соблюдении всех правовых условий такие иностранцы также подлежат выдворению.

Следует подчеркнуть, что в отношении граждан государств — членов Европейского союза действует специальный правовой режим пребывания, основанный на принципе свободы передвижения. Указанный принцип представляет собой одну из четырех фундаментальных свобод, лежащих в основе функционирования внутреннего рынка Европейского

⁴ См., напр.: § 87 LVwG — *Anhörung Beteiligter* / *Allgemeines Verwaltungsgesetz für das Land Schleswig-Holstein (Landesverwaltungsgesetz — LVwG –) in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Juni 1992 mit Änderungen vom 26.03.2025* // GVOBl. 1992, 243, 534; GVOBl. 2025. № 51.

союза (далее — ЕС), и является неотъемлемым элементом правопорядка. В правовую систему Федеративной Республики Германия данный режим был интегрирован посредством Закона о свободе передвижения граждан ЕС от 30 июля 2004 г. (далее — Закон о свободе передвижения ЕС) [14]. Целью указанного нормативного акта является обеспечение приоритета общеевропейских интеграционных целей по сравнению с национальными механизмами миграционного контроля, что подчеркивает необходимость соблюдения баланса между суверенными интересами государства и обязательствами Германии как члена Европейского союза.

Право Европейского союза, регулирующее свободу передвижения граждан государств — членов ЕС, не оперирует термином «выдворение» в отношении данной категории лиц. Вместо этого используется правовая конструкция «утрата права на свободу передвижения» (нем. Verlust des Freizügigkeitsrechts), которая предполагает, что гражданин ЕС теряет законное основание для пребывания на территории принимающего государства. Такая утрата влечет за собой обязанность соответствующего лица покинуть территорию данного государства, причем мера не рассматривается как санкция, а представляет собой правовое последствие прекращения действия фундаментального права, предусмотренного правом Союза.

В соответствии со ст. ст. 27–31 Директивы 2004/38/ЕС⁵ ограничение права на свободу передвижения граждан Европейского союза или членов их семей, включая их высылку, допускается исключительно в целях защиты общественного порядка, национальной безопасности или здоровья населения. Применение соответствующих мер требует соблюдения строго определенных правовых условий: необходимо наличие реальной, конкретной и достаточно серьезной угрозы, которая непосредственно вытекает из личного поведения затрагиваемого лица. Решения не могут основываться на предположениях, абстрактных оценках риска либо принадлежности к определенной социальной, этнической или религиозной группе. Мотивы экономического характера при этом не подлежат учету и не могут служить обоснованием для высылки. Наличие в прошлом обвинительных приговоров также не рассматривается как достаточное основание для ограничения прав, предусмотренных в Директиве. Даже окончание срока действия

⁵ Полное название: Директива 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. «О праве граждан Союза и членов их семей свободно перемещаться и проживать на территории государств-членов, изменяющая Регламент (ЕЭС) № 1612/68 и отменяющая директивы 64/221/ЕЭС, 68/360/ЕЭС, 72/194/ЕЭС, 73/148/ЕЭС, 75/34/ЕЭС, 75/35/ЕЭС, 90/364/ЕЭС, 90/365/ЕЭС и 93/96/ЕЭС». URL: <https://data.europa.eu/eli/dir/2004/38/2011-06-16> (дата обращения: 15.05.2025).

въездных документов не является самостоятельным юридическим основанием для принятия решения о выдворении.

Согласно абзацу 4 § 2 Закона о свободе передвижения граждан Европейского союза право на пребывание может быть прекращено в случае установления факта злоупотребления данным правом. Под злоупотреблением, в частности, понимаются случаи использования подложных или фальсифицированных документов, умышленного искажения сведений о целях пребывания, а также создания фиктивных правовых конструкций, направленных на обход требований законодательства, предоставление недостоверной информации о наличии трудоустройства при одновременном получении социальных пособий и т. д.

Абзац 4 § 5 Закона о свободе передвижения граждан ЕС предусматривает возможность проведения контроля правомерности пребывания гражданина ЕС на территории Федеративной Республики Германия в течение первых пяти лет проживания. Такая проверка допустима исключительно при наличии конкретных, объективно установленных признаков возможного нарушения условий, лежащих в основе предоставленного права на пребывание. К числу таких оснований, в частности, относится утрата статуса занятого лица вследствие прекращения трудовой деятельности или завершения обучения, на которых первоначально базировалось право на законное пребывание.

Принятие решения о прекращении права на пребывание гражданина Европейского союза требует от компетентных органов проведения всестороннего и индивидуализированного анализа, основанного на комплексной оценке всех значимых обстоятельств. К числу таких факторов относятся продолжительность проживания на территории принимающего государства, возраст, степень социальной, культурной и профессиональной интеграции, семейное положение, а также наличие устойчивых связей с государством происхождения. Повышенные правовые стандарты применяются в отношении лиц, непрерывно проживающих в принимающем государстве на протяжении десяти и более лет, а также в отношении несовершеннолетних. В подобных случаях прекращение права на пребывание допускается лишь при наличии исключительных обстоятельств, свидетельствующих о серьезной и непосредственной угрозе основам общественной безопасности.

Кроме случаев, когда ситуация требует немедленного административного вмешательства для предотвращения серьезной угрозы общественному порядку или безопасности, гражданину ЕС, утратившему правовые основания для пребывания, предоставляется срок в один ме-

сяц для добровольного выезда с территории Федеративной Республики Германия. Вынесение распоряжений о бессрочной высылке не допускается, поскольку противоречит принципу соразмерности и нарушает требование правовой определенности. Иностранное лицо, утратившее право на пребывание, имеет право подать ходатайство о пересмотре соответствующего административного акта не ранее чем через три года после вступления решения в законную силу. В случае отказа гражданина Европейского союза, утратившего право на пребывание, добровольно покинуть территорию Германии компетентные органы вправе применить меры принудительного исполнения в форме высылки.

В соответствии с абзацем 3 § 53 Закона о пребывании выдворение иностранных граждан, обладающих статусом беженца, лиц, имеющих проездной документ в соответствии со ст. 28 Конвенции о статусе беженцев, а также тех, кто пользуется правом пребывания на основании Соглашения об ассоциации между Европейским экономическим сообществом и Турцией, допускается исключительно при наличии реальной, актуальной угрозы общественной безопасности, непосредственно вытекающей из конкретного поведения соответствующего лица. Угроза должна затрагивать охраняемые интересы особой значимости, а само выдворение может быть признано допустимым лишь при условии, что оно представляет собой необходимую и соразмерную меру, оправданную в контексте охраны общественного порядка и безопасности в демократическом правовом государстве.

Выдворение лиц, подавших заявление о предоставлении убежища, как правило, возможно лишь после вступления в законную силу решения об отказе в предоставлении статуса беженца либо иной формы международной защиты. Исключение составляют случаи, когда имеются конкретные обстоятельства, оправдывающие необходимость применения меры выдворения с учетом интересов государственной или общественной безопасности, либо если в отношении соответствующего лица ранее уже было вынесено и вступило в законную силу решение о высылке (абзац 4 § 53 Закона о пребывании).

Административный акт о выдворении может быть оспорен в судебном порядке в течение одного месяца с момента его официального вручения. В отдельных федеральных землях законодательством предусмотрена обязательная процедура досудебного обжалования, представляющая собой процессуальную предпосылку для последующего обращения в административный суд. Эта процедура должна быть исчерпана до инициирования судебного разбирательства. В случае вступления решения

о выдворении в законную силу на иностранного гражданина возлагается юридическая обязанность покинуть территорию Федеративной Республики Германия в установленный законом срок.

В соответствии с п. 5 абзаца 1 § 51 Закона о пребывании вступление в законную силу административного акта о выдворении влечет автоматическое аннулирование ранее выданного разрешения на пребывание. Вследствие этого иностранец утрачивает законный иммиграционный статус, а его правовое положение квалифицируется как незаконное пребывание. Такая трансформация статуса порождает обязанность немедленного выезда с территории Федеративной Республики Германия. Неисполнение данной обязанности в добровольном порядке представляет собой юридическое основание для инициирования процедуры принудительной депортации, осуществляемой в рамках административно-исполнительного производства.

Как правило, мера выдворения сопровождается установлением запрета на повторный въезд и пребывание на территории Федеративной Республики Германия в соответствии с положениями § 11 Закона о пребывании. Продолжительность действия такого запрета может варьироваться от ограниченного по времени до бессрочного, в зависимости от характера, степени общественной опасности и конкретных обстоятельств правонарушений, послуживших основанием для применения данной меры.

Дополнительно информация о выдворенном лице подлежит внесению в Центральный реестр иностранцев (нем. *Ausländerzentralregister*), что обеспечивает компетентным государственным органам оперативный доступ к актуализированным данным о правовом статусе соответствующего лица, основаниях его пребывания, а также о примененных в отношении него мерах миграционного контроля. Указанная практика способствует повышению эффективности межведомственного взаимодействия и укреплению системы превентивного контроля в сфере обеспечения миграционной безопасности.

Установление запрета на въезд и пребывание влечет за собой трансграничные правовые последствия для иностранного гражданина. В частности, такой запрет не только лишает соответствующее лицо права на повторный въезд на территорию Федеративной Республики Германия, но и распространяется на всю Шенгенскую зону, исключая возможность его легального пребывания в любом из государств — участников Шенгенского соглашения на весь срок действия ограничения.

Данный правовой режим наглядно демонстрирует интеграционный характер миграционного регулирования в рамках Шенгенского пространства и Европейского союза в целом. Он подчеркивает значение

принципа взаимного признания административных решений между государствами-членами при одновременном сохранении ими полномочий в области национального суверенитета⁶.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что институт выдворения в германском праве представляет собой превентивную полицейско-правовую меру, направленную на предупреждение и нейтрализацию угроз, исходящих от иностранных граждан и лиц без гражданства, чье пребывание признано несовместимым с интересами общественной или государственной безопасности. В этом контексте особую значимость приобретает принцип соразмерности, выступающий в качестве системообразующего начала, обеспечивающего легитимность вмешательства государства в сферу индивидуальных прав и свобод.

Применение данного принципа предполагает проведение всесторонней, индивидуализированной правовой оценки, включающей анализ таких факторов, как продолжительность легального пребывания на территории Германии, степень социальной, культурной и профессиональной интеграции, наличие устойчивых семейных связей, а также иных юридически значимых обстоятельств, способных повлиять на содержание и правомерность решения о выдворении. Соблюдение указанных требований позволяет достичь необходимого баланса между реализацией задач по защите публичного порядка и уважением фундаментальных прав личности, закрепленных как в национальном, так и в международном праве.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о том, что мера выдворения в германской правовой системе не носит карательного характера и не квалифицируется как форма административного наказания. Напротив, она рассматривается как инструмент полицейского права превентивного характера, ориентированный на защиту общественной безопасности, правопорядка и других охраняемых публичных интересов. Эффективное применение выдворения требует неукоснительного соблюдения установленных правовых стандартов, надлежащего процессуального оформления решений, а также объективной и беспристрастной оценки всех релевантных фактических обстоятельств.

Именно правомерная, обоснованная и индивидуализированная реализация института выдворения выступает гарантией соответствия

⁶ Исключение составляют случаи, когда въезд и пребывание были специально разрешены соответствующими органами конкретного государства. В таких ситуациях действие запрета ограничивается территориально и не распространяется на то государство, которое самостоятельно предоставило разрешение на пребывание.

принимаемых мер принципам правового государства. Такой подход обеспечивает не только защиту легитимных интересов общества, но и надлежащее соблюдение основополагающих прав человека, включая обязательства Федеративной Республики Германия, вытекающие из международных договоров в сфере прав человека, прежде всего Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bundeskriminalamt*. Polizeiliche Kriminalstatistik 2024. URL: <https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2024> (дата обращения: 15.05.2025).

2. *Надеждин А. Е.* Современные тенденции в сфере регулирования миграции. Опыт Германии // *Международная жизнь*. 2024. № 6.

3. *Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet — Aufenthaltsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 25. Februar 2008, das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 25. Oktober 2024 geändert worden ist* // BGBl. I S. 162; BGBl. 2024 I №. 332.

4. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1538626/umfrage/ausreisepflichtige-und-geduldete-auslaender-in-deutschland/> (дата обращения: 15.05.2025).

5. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/451861/umfrage/abschiebungen-aus-deutschland/> (дата обращения: 15.05.2025).

6. *Verwaltungsgericht München* Urteil, 08. Sept. 2016 — M 12 K 14.3776. URL: <https://www.streifler.de/urteil/vg-munchen/urteil-m-10-k-144106-2016-12-08> (дата обращения: 15.05.2025).

7. *Kraft Ingo*. Die Rechtsprechung des Bundesverwaltungsgerichts zur Ausweisung im Ausländerrecht // DVBl. 2013, 19.

8. *Urteil* vom 09.05.2019 — BVerwG 1 C 21.18. URL: <https://www.bverwg.de/090519U1C21.18.0> (дата обращения: 15.05.2025).

9. *Gesetz zur Neubestimmung des Bleiberechts und der Aufenthaltsbeendigung* vom 27. Juli 2015 // BGBl. 2015, I.

10. *Schott-Mehrings Tillmann*. Ausländerrecht für die Polizei: Grundlagen des Visa-, Einreise- und Asylsystems sowie des Aufenthaltsrechts, 1. Aufl. 2019 // Verlag deutsche Polizeiliteratur GMBH Buchvertrieb, Hilden/Rhld., 2019.

11. *Hailbronner K.* (Hrsg.). Ausländerrecht. Loseblattausgabe, Stand: 2023, § 53 AufenthG, Rn. 2 ff.

12. *König K.* in: Kloesel/Christ/Häußer, Deutsches Verwaltungsrecht, Kommentar, Band I, § 53 AufenthG, Stand: 2022, Rn. 12–14.

13. Renner/Bergmann/Dienelt. Ausländerrecht, 14. Aufl. 2022, § 53 AufenthG, Rn. 17.

14. Freizügigkeitsgesetz/EU vom 30. Juli 2004, das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzes vom 21. Februar 2024 geändert worden ist // BGBl. I S. 1950, 1986; BGBl. 2024 I Nr. 54.

А. В. Мирошниченко

Законодательство о применении силы и оружия полицейскими органами различных государств

Применение огнестрельного оружия регулируется международным правом и национальными нормативными актами. Одним из основополагающих документов является Международный кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН, провозгласивший принцип пропорциональности применения силы. Российская Федерация присоединилась к основным международным договорам в области прав человека, которые накладывают обязательства соблюдать минимальные стандартные правила применения силы.

К основным международным документам, регулирующим применение огнестрельного оружия, относятся: 1) Декларация о полиции 1979 г. (например, «при исполнении своих обязанностей полицейский должен действовать решительно для достижения цели, предписанной или допущенной законом, но при этом применять силу только в разумных пределах») [1]; 2) Международный кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. [2] (например, «сотрудники правоохранительных органов могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их служебных обязанностей»); 3) Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными 1955 г. [3]. Эти документы подчеркивают недопустимость жестокого обращения и использования силы сверх разумной меры, необходимой для подавления сопротивления, ареста подозреваемого или спасения человеческой жизни.

Рассмотрим опыт некоторых зарубежных стран.

Английская полиция придерживается политики «мягкого полицейского управления» (англ. soft policing), акцентирующей приоритет мирных способов урегулирования конфликтов. Лишь небольшая доля офицеров вооружена огнестрельным оружием, большинство инцидентов решается посредством переговоров.

В Англии деятельность полиции регулируется следующими нормативными правовыми актами: 1) Police Act 1996 [4] — основной закон, регламентирующий организацию и деятельность полиции, права и обязанности сотрудников, контроль за их деятельностью; 2) European Convention on Human Rights [5] — входит в правовую систему Великобритании и гарантирует права граждан, включая права при взаимодействии с полицией; 3) Police and Criminal Evidence Act 1984 [6] — устанавливает общие рамки для полицейских полномочий, включая применение силы; 4) Criminal Law Act 1967 [7] — раздел 3 позволяет применять «разумную силу» для предотвращения преступления или законного ареста.

Дополнительно отметим, что каждый полицейский департамент имеет собственные руководства по применению силы, которые должны соответствовать национальным стандартам и законодательству. При этом в Англии независимый орган вправе расследовать случаи серьезных жалоб или инцидентов, связанных с полицией, включая применение огнестрельного оружия (Independent Office for Police Conduct).

В Германии деятельность полиции регулируется на двух уровнях: федеральном и уровне федеральных земель (Länder), поскольку сфера полиции отнесена к компетенции земель.

Федеральный уровень: 1) Gesetz über den Schutz der Freiheitsrechte [8] (Freiheitsrechtsschutzgesetz, FRSG) (Закон о защите личных прав и свобод) устанавливает гарантии прав граждан при применении мер принуждения со стороны полиции, например при задержании или обыске; 2) Strafprozessordnung [9] (Уголовно-процессуальный кодекс) определяет полномочия полиции в уголовном процессе, включая задержание, осмотр, применение специальных средств и сбор доказательств.

Так как большая часть полномочий полиции передана федеральным землям (земельный уровень), каждый немецкий регион (земля) принимает собственный закон о полиции, называемый Polizeigesetz или Sicherheitspolizeigesetz (Закон о полиции или Закон о безопасности и полиции), а также Verwaltungsvorschriften [10] (Административные правила), которые детализируют порядок применения силы и огнестрельного оружия. Эти законы различаются между землями, но содержат общие черты: 1) регулируют основные задачи полиции, включая поддержание общественного порядка, борьбу с преступностью и предотвращение угроз безопасности; 2) устанавливают порядок применения специальных средств и физической силы, ограничения при задержании и обращении с задержанными. В качестве примера земельных законов можно привести Sicherheitspolizeigesetz Bayern [11] (Закон о безопасности и полиции земли Бавария).

В Германии существует сложная и дифференцированная система регулирования деятельности полиции, где значительная часть полномочий передана федеральным землям. Федеральный уровень устанавливает общие принципы и задачи полиции, а земельные законы детализируют конкретные процедуры и полномочия полиции на местном уровне.

В США наблюдается резкое усиление напряженности вокруг применения огнестрельного оружия. В отличие от европейской практики, американские полицейские склонны чаще прибегать к использованию оружия, что объясняется либеральным отношением к владению оружием, высокими показателями насильственной преступности и относительной мягкостью уголовного преследования самих сотрудников полиции.

В США действуют следующие законы: 1) Civil Rights Act of 1964 [12], Title VII запрещает дискриминацию сотрудников полиции по признакам расы, цвета кожи, религии, пола и национальности; 2) State Laws [13] — каждый штат США принимает собственные законы, регулирующие деятельность полиции, такие как законы о порядке задержания, ношении оружия, применении силы и т. д.

Обратим внимание, что Верховный суд США установил стандарт объективной разумности для оценки применения силы полицией. Это означает, что применение силы должно быть оценено с точки зрения сотрудника на месте происшествия, а не с использованием ретроспективного анализа (Graham v. Connor (1989)). Применение смертельной силы для предотвращения побега подозреваемого допустимо только в том случае, если подозреваемый представляет непосредственную угрозу для жизни и здоровья сотрудника полиции или других лиц (Tennessee v. Garner (1985)).

При этом полицейские департаменты разрабатывают свои собственные политику и процедуры, которые должны соответствовать федеральным и государственным законам.

Французская полиция занимает срединную позицию между американским и британским опытом. Хотя французские полицейские обладают широким спектром снаряжения, их действия жестко контролируются внутренними ведомствами и судами. Большое внимание уделяется обучению сотрудников эффективным тактикам ведения переговоров и уменьшению рисков излишнего применения силы.

Во Франции действуют следующие законы, регламентирующие деятельность сотрудников полиции по применению силы: 1) Code de la sécurité intérieure [14] (Кодекс внутренней безопасности), содержащий положения, касающиеся полномочий полиции, включая применение силы; 2) Loi n° 2017-

258 du 28 février 2017 relative à la sécurité publique [15] (Закон об общественной безопасности), расширяющий возможности полиции по применению огнестрельного оружия в ситуациях, когда существует серьезная и неминуемая угроза; 3) Code pénal [16] (Уголовный кодекс), определяющий преступления и наказания, связанные с неправомерным применением силы. Инструкции и директивы Министерства внутренних дел Франции дополнительно устанавливают правила и процедуры для применения огнестрельного оружия.

В России к основным нормативным правовым актам, регулирующим деятельность полиции по применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, относятся: 1) Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (гл. 5); 2) Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», регулирующий оборот оружия в Российской Федерации, в том числе и оружия, состоящего на вооружении полиции.

Важные моменты, касающиеся применения огнестрельного оружия в России: 1) применение огнестрельного оружия является крайней мерой и допустимо только в случаях, когда другие меры оказались неэффективными или невозможными; 2) сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба; 3) о каждом случае применения огнестрельного оружия сотрудник полиции обязан немедленно сообщить своему непосредственному руководителю; 4) все случаи применения огнестрельного оружия подлежат обязательной проверке.

Подобные правила применения общей силы схожи с нормативами большинства цивилизованных стран, однако практика применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия порой расходится с декларируемыми положениями.

Российская практика использования сотрудниками полиции огнестрельного оружия подвержена ряду недостатков: 1) невысокое качество подготовки — низкое техническое оснащение и малое количество тренировок приводят к тому, что сотрудники оказываются неподготовленными к нестандартным ситуациям; 2) недостаточно эффективный контроль — внутренние проверки редко приводят к серьезным последствиям для сотрудников, совершивших неправомерные действия; 3) неэффективность правозащитных механизмов — суды часто принимают позицию потерпевшей стороны, снижая шансы на компенсацию ущерба сотрудникам полиции; 4) проблемы правовой интерпретации — разные регионы России воспринимают нормы законодательства неодинаково, что создает почву для отсутствия единой правоприменительной практики.

Исходя из проведенного анализа, предлагаем ряд рекомендаций по улучшению существующей ситуации: 1) повышение уровня подготовки сотрудников полиции, регулярное обновление курсов повышения квалификации и тренировок (учений); 2) создание независимых гражданских советов по контролю за действиями полиции; 3) ужесточение контроля за применением огнестрельного оружия, введение упрощенных, но прозрачных механизмов отчетности; 4) пересмотр уголовно-правовых норм в отношении правомерного применения оружия; 5) активное вовлечение правозащитных организаций в мониторинг действий полиции.

Таким образом, анализ международного и национального опыта показал, что проблема применения огнестрельного оружия остается острой и нерешенной в большинстве стран: в одних — недостаточно продуманная подготовка сотрудников, низкая правовая культура и недостаток инструментов контроля создают предпосылки для злоупотреблений должностными полномочиями, а в других — сотрудники полиции вынуждены выбирать между собственной жизнью и скамьей подсудимых. Представляется, что устойчивое улучшение ситуации невозможно без комплексного подхода, предусматривающего совершенствование законодательства и активное включение общественности в диалог с правоохранительными органами.

Список источников

1. *The Police Regulations* 1979. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1979/1470/contents/made> (дата обращения: 12.05.2025).
2. *Code of Conduct for Law Enforcement Officials* ADOPTED 1979. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/code-conduct-law-enforcement-officials> (дата обращения: 12.05.2025).
3. *United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners* (1955). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-E-ebook.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
4. *Police Act* 1996. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/16/contents> (дата обращения: 10.05.2025).
5. *European Convention on Human Rights* (ECHR). URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 10.05.2025).
6. *Police and Criminal Evidence Act* 1984. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (дата обращения: 10.05.2025).
7. *Criminal Law Act* 1967. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents> (дата обращения: 10.05.2025).

8. *Gesetz über den Schutz der Freiheitsrechte*. URL: <https://www.verfassungen.de/preussen/gesetze/persfreiheit50.htm> (дата обращения: 10.05.2025).

9. *Strafprozessordnung*. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/spg> (дата обращения: 10.05.2025).

10. *Verwaltungsvorschriften*. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/spg> (дата обращения: 10.05.2025).

11. *Sicherheitspolizeigesetz Bayern*. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005792> (дата обращения: 10.05.2025).

12. *Civil Rights Act of 1964*. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act> (дата обращения: 09.05.2025).

13. *State Laws*. URL: <https://www.guttmacher.org/state-policy/laws-policies> (дата обращения: 09.05.2025).

14. *Code de la sécurité intérieure*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132 (дата обращения: 08.05.2025).

15. *Loi n° 2017-258 du 28 février 2017 relative à la sécurité publique*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000034104023> (дата обращения: 08.05.2025).

16. *Code pénal*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719 (дата обращения: 08.05.2025).

М. В. Сергеев

К вопросу об определении сотрудником полиции пределов применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия

В настоящее время сотрудники правоохранительных органов наделены правом применения различных мер государственного принуждения, среди которых выделяются меры, непосредственно затрагивающие жизнь и здоровье человека, а именно физическая сила, специальные средства и огнестрельное оружие.

Сотрудники полиции при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в ходе задержания и доставления правонарушителей нередко причиняют им травмы различной степени тяжести, что влечет за собой проведение служебных проверок, а иногда и возбуждение уголовных дел в отношении сотрудников

полиции. Каждый случай причинения вреда правонарушителю служит основанием для отдельного разбирательства, что негативно оценивается сотрудниками полиции даже при условии признания в ходе проверки действий сотрудника правомерными.

В ходе анкетирования нами установлено, что около четверти опрошенных сотрудников полиции (24,8%) отметили низкую правовую защищенность при применении мер государственного принуждения. Интервьюирование сотрудников полиции выявило крайне низкую уверенность их в правомерности своих действий в ситуациях проведения личного досмотра, задержания, доставления, применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Понимание ответственности, которую будет нести сотрудник полиции в случае применения силы, не добавляет уверенности правоохранителям и ставит на первый план уровень подготовки сотрудников полиции к действиям, связанным с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Рассматривая общий уровень профессиональной подготовки сотрудников полиции, можно согласиться с А. В. Гирвиц, которая приходит в выводу, что важно определить перечень должностей с функциональными обязанностями применения полицейского усмотрения. Наличие высшего юридического образования и соблюдение правовой культуры сотрудника полиции позволят обоснованно и профессионально применять полицейское усмотрение [1, с. 166].

Отметим, что в уличных условиях сотрудникам полиции затруднительно вести единоборство с правонарушителем, поскольку психологический стресс и нестандартная обстановка могут «выбить из колеи» и усложнить процесс задержания антиобщественных элементов [2, с. 146; 3, с. 138].

Особенно сложно сотрудникам полиции принимать решение в стремительно развивающейся схватке с преступником, если это противостояние связано с реальной угрозой жизни или здоровью, когда необходимо установить границы (пределы) применения той или иной меры принуждения, определить, какая причиняемая правонарушителю травма в сложившейся ситуации является достаточной и допустимой. В реальной ситуации угроза жизни или здоровью может возникнуть неожиданно (извлечение оружия) и прекратиться одномоментно (выброс оружия), что в одном случае предоставляет сотруднику право на применение практически любого средства принуждения, вплоть до огнестрельного оружия, в другом лишает этого права.

Часть 3 ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» устанавливает, что сотрудники полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия действуют с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба.

Как видим, сотрудник полиции самостоятельно должен определить необходимый минимальный предел причиняемых негативных последствий, который потребует выполнения им соответствующих обязанностей. При этом законодатель не делает никаких оговорок на возможность ошибочных умозаключений сотрудника вследствие скоротечности развития событий, нахождения его в сложных психоэмоциональных условиях или наличия других факторов, не позволяющих провести объективную оценку действительности.

Необходимо отметить, что, давая рекомендации судам о применении ч. 2¹ ст. 37 Уголовного кодекса РФ, где указано, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т. п.). В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства [4]. При этом в отношении сотрудников полиции такой нормы нет.

Полагаем, что формирование навыков сотрудников полиции в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, должно осуществляться комплексно на всех уровнях профессиональной подготовки, в обстановке, максимально приближенной к реальной, с обязательной квалифицированной юридической оценкой их действий. Считаем продуктивным нормативное закрепление наличия юридического образования у сотрудников, применяющих меры принуждения, а также выработку правовых норм,

учитывающих действия сотрудников полиции в ситуациях отсутствия возможности объективной оценки характера и степени опасности правонарушения.

Список источников

1. *Гирвиц А. В.* Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017.

2. *Афов А. Х.* Правовые аспекты применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4.

3. *Хажироков В. А.* Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4.

4. *О применении* судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Р. Е. Токарчук

Правовые проблемы применения автомата Калашникова для нанесения ударов

При несении службы с автоматом Калашникова (далее — АК или автомат) по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности сотрудники полиции иногда сталкиваются с неожиданным активным противодействием, насильственным нападением или сопротивлением. Степень опасности таких действий, наличие оснований для применения АК для стрельбы на поражение, изложенных в ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции»), бывает сложно определить. Для случаев, когда еще не понятно, есть основания и условия для применения автомата или нет, в Порядке организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — Порядок подготовки кадров), утвержденном приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 [1], предусмотрено обучение приемам использования автомата для активной обороны (п. 163). Сотрудников полиции обучают нанесению ударов правонарушителю автоматом (стволом, прикладом, ма-

газином). При этом АК используется не как огнестрельное оружие, а как средство для нанесения ударов.

Вместе с тем вопрос применения для нанесения ударов автоматом в ФЗ «О полиции» никак не регламентирован, т. е. право и основания для применения АК для нанесения ударов и причинения этими ударами вреда здоровью в ст. ст. 21–24 названного закона не закреплены. Непонятно, какими нормами обосновывать применение сотрудником полиции АК для нанесения нападающему правонарушителю удара.

При несении службы с автоматом руки сотрудника полиции заняты его удержанием, в связи с чем затруднительно применять физическую силу или специальные средства. Далеко не всегда при наличии оснований можно применять автомат в качестве огнестрельного оружия. Например, в случае присутствия значительного количества людей, нападения одной невооруженной женщиной или одним невооруженным несовершеннолетним (чч. 5 и 6 ст. 23 ФЗ «О полиции»). В подобных ситуациях эффективным средством обороны и задержания правонарушителя может быть использование АК для нанесения ударов или отражения ударов задерживаемого лица (лиц).

Опрос действующих сотрудников полиции, проходящих обучение по программам повышения квалификации, показал, что 85–95% респондентов не знают, в каких случаях в соответствии со ст. ст. 18–24 ФЗ «О полиции» они имеют право наносить частями АК удары по правонарушителю.

Нанесение ударов автоматом (особенности механического поражения и последствия) можно соотнести с применением палки специальной (п. 1 ч. 2 ст. 21 ФЗ «О полиции»). Однако использование АК для нанесения ударов нельзя обосновывать указанным положением ФЗ «О полиции» и распространять на это ограничения для применения палки специальной (ч. 2 ст. 22 ФЗ «О полиции»). Поэтому неудивительно, что в Порядке подготовки кадров описывается нанесение ударов АК без указания мест попадания, так как допускаются удары в голову, шею, область проекции сердца, куда бить палкой специальной нельзя, если при этом не возникают основания для применения огнестрельного оружия. Правовой основой для нанесения ударов частями АК можно считать положения ч. 3 ст. 18 и ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции».

Так, в части 3 ст. 18 ФЗ «О полиции» закреплено, что сотрудник полиции имеет право, при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия, в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершив-

шего преступление, использовать любые подручные средства. Кроме того, здесь же говорится, что при отсутствии необходимых специальных средств или огнестрельного оружия он вправе применять иное, не состоящее на вооружении полиции оружие, по основаниям и в порядке, которые установлены данным законом. На наш взгляд, указанное предписание на применение АК для нанесения ударов распространяться не может.

Во-первых, АК стоит на вооружении полиции, а значит, под данное положение не подпадает.

Во-вторых, основания в ФЗ «О полиции» охватывают только случаи применения автомата в качестве огнестрельного оружия.

В-третьих, порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 19 ФЗ «О полиции») распространяется только на случаи применения «физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», но не на использование АК для нанесения ударов.

В-четвертых, АК предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, его ствол служит для направления полета пули, дульный тормоз-компенсатор — для повышения кучности боя и уменьшения отдачи, магазин — для помещения патронов и подачи их в ствольную коробку, приклад с пистолетной рукояткой — для удобства действий с автоматом, только штык-нож в числе прочего для поражения противника в рукопашном бою [2, с. 99–102]. Следовательно, оружием автомат является, когда применяется как огнестрельное оружие.

Авторы комментария к ФЗ «О полиции» не описывают предметов, которые следует относить к «любым подручным средствам» [3, с. 380]. Однако из текста комментария следует, что любые подручные средства, будь то бытовой предмет или механизм, палка или молоток, кухонный нож или карандаш, наручники или приклад автомата, ножницы или утюг, могут быть использованы сотрудником полиции для причинения вреда в границах, очерченных ст. ст. 37–39 Уголовного кодекса Российской Федерации. Право это возникает, если нет возможности или времени воспользоваться служебным огнестрельным оружием или специальным средством. Понятия «оружия» и «огнестрельное оружие», виды специальных средств, отраженные в ст. 21 ФЗ «О полиции», законодательно закреплены. Все остальное, в том числе огнестрельное оружие, предусмотренное ФЗ «О полиции», использованное для нанесения ударов, может быть отнесено к «любым подручным средствам», предусмотренным ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции».

Ситуация осложняется, если у сотрудника полиции одновременно с автоматом имеются другие специальные средства: палка специальная, специальное газовое средство, электрошоковое устройство. В этом случае необходимо руководствоваться создавшейся обстановкой и, безусловно, основаниями, указанными в ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции». Например, если АК находится в руках, времени для его перемещения в безопасное положение и применения специального средства недостаточно, то удар автоматом наносить можно.

Если в руках сотрудника полиции находится автомат и возникли основания применить его как огнестрельное оружие, нанесение ударов им тоже выглядит сомнительным. С одной стороны, есть огнестрельное оружие и его можно применить, т. е. нет необходимости использовать любые подручные средства. С другой стороны, если на сотрудника полиции, вооруженного автоматом, совершено нападение и началась борьба за оружие (п. 2 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»), нанесение удара (ударов) частями автомата Калашникова может быть направлено на минимизацию причиняемого ущерба.

В рассмотренных ситуациях сотрудник полиции получает право использовать автомат как иное подручное средство для нанесения ударов. Такое право возникает у сотрудника полиции в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости, а также для задержания лица, совершившего преступление.

Несмотря на то что АК используется как своего рода специальное средство ударного действия (палка специальная), на подобные случаи не распространяются запреты и ограничения в применении специальных средств, установленные в ст. 22 ФЗ «О полиции». Признать автомат специальным средством невозможно, так как об этом в ч. 2 ст. 21 ФЗ «О полиции» ничего не говорится. На использование автомата Калашникова для нанесения ударов не распространяются запреты и ограничения, предусмотренные ст. 23 ФЗ «О полиции», так как он не применяется как огнестрельное оружие. Это обстоятельство указывает на то, что имеет место пробел, оставляющий возможности для ошибок и злоупотреблений.

В целях исключения случаев превышения пределов необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости (ст. ст. 37–39 УК РФ) при применении АК для нанесения ударов сотрудник полиции должен руководствоваться следующими правилами:

1) если оснований для применения огнестрельного оружия на поражение (ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции») нет, то надлежит соблюдать ограничения и запреты, предусмотренные для применения специальных средств (ст. 22 ФЗ «О полиции»);

2) если есть основания для применения огнестрельного оружия на поражение, то эти запреты и ограничения, как и запреты и ограничения для случаев применения огнестрельного оружия, на такие случаи не распространяются.

При составлении рапорта об использовании автомата для нанесения ударов сотрудник полиции должен обосновывать свои действия чч. 3 ст. ст. 18 и 19 ФЗ «О полиции», а также ст. ст. 37, 38 или 39 УК РФ.

Таким образом, использование АК для нанесения ударов является законным и обоснованным при невозможности задействовать имеющиеся на вооружении специальные средства в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости, а также для задержания лица, совершившего преступление. В перспективе для устранения пробелов есть необходимость рассмотреть вопрос об определении в ФЗ «О полиции» оснований, пределов и ограничений использования автомата для нанесения ударов.

Список источников

1. *Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Профессиональная подготовка рядового и младшего начальствующего состава полиции : учеб. пособие* : в 3 ч. Ч. 3. Физическая и огневая подготовка / сост. А. С. Грищенко, А. Н. Таран ; под общ. ред. О. М. Булгакова. Краснодар, 2020.

3. *Аврутин Ю. А., Булавин С. П., Соловей Ю. П., Черников В. В.* Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). М., 2021.

Д. Н. Цуканов

К вопросу о применении пункта 6 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Отечественное административно-деликтное законодательство обладает значительным инструментарием для правового воздействия на правонарушителей. Одним из таких инструментов являются обстоятельства, отягчающие административную ответственность, предусмотренные в ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). С момента появления в КоАП РФ данной правовой категории и до настоящего времени она получила довольно скромное регулирование, что в свою очередь порождает ряд серьезных вопросов в деле применения этих положений закона. Одним из самых противоречивых обстоятельств, указанных в КоАП РФ, является «совершение административного правонарушения в состоянии опьянения либо отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения».

В самом законе не дается пояснений, что понимается под термином «опьянение». По мнению Р. В. Амелина, под состоянием опьянения следует считать любую его форму (алкогольное, наркотическое, лекарственное) [1]. Схожей позиции придерживается и А. Н. Гув, считая, что к состоянию опьянения следует относить состояния, вызванные употреблением спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, состояния токсического опьянения или иные виды опьянения [2].

Полагаем, что нельзя говорить о любом состоянии опьянения как о факте, который может быть признан обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Если лицо совершает противоправный деликт, находясь при этом под воздействием наркотических средств или психотропных веществ, то в данном случае это обстоятельство образует самостоятельный состав, предусмотренный ст. 6.9 КоАП РФ. Следовательно, отнесение к категории обстоятельств, отягчающих административную ответственность, имеет место только в случаях употребления правонарушителем спиртных напитков перед или в момент совершения противоправного деликта.

Отказ от медицинского освидетельствования является, на наш взгляд, наиболее противоречивым обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Во-первых, как отмечают Э. Г. Липатов и С. Е. Чаннова, «основанием приобщения имеющих место обстоятельств к категории отягчающих является увеличение общественной опасности тех последствий, которые повлек за собой совершенный поступок» [3], однако сам характер действий правонарушителя в данной ситуации довольно нетипичен. Несогласие правонарушителя проходить процедуру по выявлению состояния опьянения никак не относится к совершенному противоправному деликту и, скорее, выступает негативной характеристикой самого лица, совершившего правонарушение. Это идет вразрез с мнением об увеличении общественного вреда такого рода обстоятельствами. Стоит отметить, что подобными чертами обладает и факт, указанный в п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, поскольку повторность деяния никак не влияет на вредоносность противоправного деликта.

Во-вторых, КоАП РФ возводит данное поведение лица в разряд таких обстоятельств, за которые административное наказание увеличивается, т. е. указывает на негативный и отчасти наказуемый характер подобного поведения правонарушителя. Однако согласно п. 8 ч. 5 ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» гражданин имеет полное право отказаться от медицинского вмешательства. Это положение конкретизируется в ч. 1 ст. 20 названного закона, где установлена необходимость получения информированного добровольного согласия лица на проведение в отношении него медицинских процедур.

Более того, если руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, приведенной в определении от 17 июня 2013 г. № 946-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Магденко А. М. на нарушение его конституционных прав чч. 1 и 2 ст. 1, чч. 1 и 2 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ», можно прийти к выводу, что правоприменителю вообще не следует обращаться к положению п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ (по мнению судей Конституционного Суда, в случае противоречия норм нормативных правовых актов одного уровня приоритет в реализации отдается тому акту, который предусматривает дополнительные гарантии прав и свобод лица).

Вызывает вопрос и специфический характер данных обстоятельств. Согласно абзацу второму п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ правоприменитель, исходя из особенностей конкретного правонарушения, может не призна-

вать состояние опьянения в момент совершения противоправного деликта или отказ от прохождения медицинского освидетельствования в качестве обстоятельств, отягчающих административную ответственность. Таким образом, законодатель как бы предоставляет должностному лицу, рассматривающему дело об административном правонарушении, право на усмотрение. Однако появляются вопросы о пределах данного усмотрения, когда можно учесть опьянение правонарушителя в качестве такого обстоятельства, а когда можно пренебречь этим фактом.

Из положений ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ следует обязанность правоприменителя при вынесении итогового решения по делу об административном правонарушении учитывать обстоятельства, отягчающие административную ответственность. Полагаем, что в случае наличия в событии фактов, указанных в п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, должностное лицо правоохранительного органа может воспользоваться своим правом не учитывать их в качестве обстоятельства, негативно влияющего на размер административного взыскания. При этом, как указывает А. Н. Гувев, «они (обстоятельства, отягчающие административную ответственность) предоставляют судье, органу, должностному лицу право (хотя, конечно, не обязывают их) не признавать обстоятельства, упомянутые в пп. 1–6 ч. 1 ст. 4.3, в качестве отягчающих, учитывая характер административного правонарушения. Однако в постановлении о назначении административного наказания необходимо указать мотивы, вследствие которых обстоятельство не признано отягчающим» [2].

Несмотря на возникающие вопросы, данное обстоятельство все же является важным инструментом в руках правоприменителя. Данные факты, хоть и не лишены определенных пробелов, все же необходимы для реализации задач правоохранительной деятельности. Для преодоления существующей коллизии норм считаем необходимым дополнить п. 8 ч. 5 ст. 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» формулировкой «привлечение человека к правовой ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования не признается нарушением его прав в случае, когда акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения может являться важным доказательством по уголовному делу либо по делу об административном правонарушении».

Список источников

1. *Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (постатейный) /

Р. В. Амелин, Е. А. Бевзюк, Ю. В. Волков и др. 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гув А. Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Липатов Э. Г., Чаннова С. Е. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РАЗДЕЛ III.
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

А. И. Воронов

**Содержание обучающих упражнений по применению
боевых приемов борьбы сотрудниками полиции**

Нередко обучающиеся определяют боевые приемы борьбы (далее — БПБ) как отдельную самостоятельную конструкцию, напрямую не связанную с их личной безопасностью. Не рассматриваются БПБ и как средство профессионального воздействия на правонарушителя или даже в целом на саму оперативно-служебную ситуацию противостояния. БПБ, с их точки зрения, несут самостоятельный независимый характер, не имеющий отношения ни к их личной безопасности, ни к профессиональным итоговым результатам решения двигательных задач, возникающих в ходе оперативно-служебной ситуации противостояния с правонарушителем. Отсюда подход обучающихся к освоению БПБ является отвлеченным, что влияет на их освоение и совершенствование.

Таким образом, обучающиеся не выполняют требования, предъявляемые к технике и тактике двигательного поведения в противостоянии с применением БПБ, допуская при этом неоправданные извлечения и упрощения, что в итоге ведет к грубым двигательным ошибкам, причинению ущерба правонарушителю и себе лично, а также третьим лицам.

Поэтому так важно соотношение освоения БПБ и качества учебного материала, а также профессионального правомерного применения БПБ в реальных условиях.

Потребность в наработке материала вызывает активность познания и конкретизирует недостающую информацию, повышает уровень подготовленности. Отсюда открывается перспектива не только уточнения целеполагания, возможного при имеющемся потенциале (ресурсе),

но и конкретизация и формулирование требующих решения задач двигательной подготовки. Это одно из возможных направлений активизации обучающей деятельности сотрудников полиции. Такой дефицит аргументов (навыков) должен быть осознан обучающимся, что повысит его мотивацию.

При подборе и выполнении обучающих упражнений нас интересуют не только физиологические сдвиги, но и накопление необходимого служебного опыта двигательного поведения сотрудника полиции.

При анализе хода противоборства, по сути своеобразного сценария поединка, а также в разворачивающейся в пространстве и во времени оперативно-служебной ситуации необходимы некоторые прогнозы двигательного поведения сотрудника полиции. Здесь возможны два варианта: 1) подстраивание сотрудника под ход поединка (принимает сценарий, работает вторым номером); 2) попытки сотрудника корректировать ход поединка (меняет сценарий, работает первым номером). Поэтому надо быть готовым к возможным изменениям сценария противоборства и алгоритма двигательного поведения сотрудника полиции при применении боевого приема борьбы: отказу от выбранной линии поведения либо замене одних приемов на другие.

Формат оперативно-служебной ситуации и вариант поэлементной отработки применения БПБ позволяют вовлекать в процесс физической подготовки различные по объему, интенсивности фрагменты предполагаемого противоборства и, соответственно, требуют изменения методики обучения двигательному поведению сотрудника полиции в зависимости от масштаба заданий и упражнений.

Различные фрагменты предполагаемого противоборства могут и должны становиться обучающими заданиями и профессиональными двигательными упражнениями с учетом возможных (требуемых) методических условий тренируемых (совершенствуемых) двигательных действий и применяемых в текущих условиях обучения БПБ. От этого зависят масштаб и содержание предлагаемых к тренировке двигательных заданий и БПБ. В одном случае совершенствуется возможный ход (сценарий) оперативно-служебной ситуации, в другом — нарабатываются отдельные фазы применяемых БПБ.

БПБ как средство сопровождения оперативно-служебной ситуации, как системный показатель успешности ее хода, будучи далеким от деятельности, является самостоятельным объектом двигательного совершенствования, но при этом негармоничным элементом целостного фрагмента деятельности сотрудника полиции, так как обосо-

бляется искусственно и теряет логику содержания. БПБ, оторванные от практики, в значительной мере теряют смысл в рамках оперативно-служебной деятельности сотрудника полиции. Иными словами, БПБ существуют как бы вне времени, пространства, ситуации и даже вне правомерности применения в текущих условиях, становясь самостоятельной единицей двигательного совершенствования. Эта отстраненность от оперативно-служебной деятельности сотрудника полиции делает БПБ малопонятными упражнениями, малозначимыми для исполнителя.

Попытка рассмотреть и понять сущностные стороны БПБ вне рамок оперативно-служебной ситуации является ошибкой, которая не позволяет добиваться высокого качества применения БПБ и обучения сотрудника полиции навыкам их правомерного применения.

Если сотрудник не понимает сущности происходящего в ходе применения БПБ, то он не может и контролировать эту деятельность. Кроме того, он не в состоянии произвольно менять масштаб своего контроля за ходом текущей оперативно-служебной ситуации, что ведет к ошибкам в двигательном поведении сотрудника полиции.

К. В. Карпов

Незаконная установка видеонаблюдения как основание ответственности за сбор и обработку персональных данных

Видеонаблюдение основательно вошло в нашу повседневную жизнь. Камеры установлены практически везде: на автомагистралях, в общественных зданиях, во дворах жилых домов. Установление самого видеонаблюдения имеет правовые особенности.

Прежде всего речь идет о процедурных моментах. Если камеры видеонаблюдения планируется размещать в многоквартирном доме или на прилегающей к нему территории, необходимо провести общее собрание собственников помещений. Такое решение должно быть принято не менее 2/3 голосов участников общего собрания. Это объясняется тем, что установление видеонаблюдения находится во взаимосвязи с использованием общего имущества многоквартирного дома. Нарушение данной процедуры влечет за собой подтверждение в судебном порядке факта нарушения видеонаблюдения и последующий демонтаж оборудования. При этом законодатель определяет единый порядок принятия

решения об установке видеонаблюдения по инициативе и в интересах отдельных собственников жилых помещений, а также для тех случаев, когда видеонаблюдение устанавливается по предложению управляющей компании или товарищества собственников жилья.

Следует обратить внимание, что соблюдение процедуры принятия решения об установке видеонаблюдения не гарантирует того, что такая установка будет признана законной и не нарушит права других лиц.

Установление видеонаблюдения во дворах домов, в подъездах многоквартирных домов и на их фасадах, как правило, делается в целях охраны общественного порядка, защиты собственности, а также для установления лиц, которые совершили противоправные действия. Установка видеонаблюдения практически всегда связана с необходимостью собирать и хранить, пускай определенное время, полученную информацию в форме видеозаписи. Очевидно, что основным вопросом является законность сбора, хранения и обработки информации, потому что такие действия сопряжены с вмешательством в личную жизнь тех лиц, которые попали в поле зрения видеокамеры. Фактически речь идет о сборе, хранении, обработке, предоставлении доступа и распространении персональных данных.

В соответствии с действующим законодательством под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [1].

Необходимо помнить, что законодательство о персональных данных направлено на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Рассматривая вопрос о нарушении права на защиту персональных данных, которое может возникнуть как при неправомерной установке видеонаблюдения, так и при правомерной установке, необходимо исходить из того, где и как будут установлены камеры видеонаблюдения. Например, размещение камеры видеонаблюдения, в объектив которой попадает входная дверь квартиры напротив, может рассматриваться как возможное вмешательство в частную жизнь, так как при открывании двери квартиры видны внутренняя часть жилого помещения и граждане, которые в ней находятся, лица, посещающие квартиру, фиксируется время прихода и ухода соседей из квартиры, при наличии технической возможности и программного обеспечения можно установить и личность.

Понятно, что в том случае, когда камера видеонаблюдения размещена так, что в объектив попадает исключительно входная дверь собствен-

ника, который ее и установил, при условии, что он получил разрешение на установку, то, несомненно, вмешательство в частную жизнь соседей отсутствует.

Совсем неочевидна ситуация, когда в дверь квартиры вмонтирована камера видеонаблюдения. Формально аппаратура установлена в самой квартире, но при этом ведется съемка входной двери квартиры напротив. В этом случае, на наш взгляд, есть все основания требовать демонтажа такой камеры видеонаблюдения.

Вопрос предоставления доступа к использованию системы видеонаблюдения (например, дистанционно подключаться к видеокамере, установленной при входе в подъезд или квартиру, а также воспользоваться информацией, зафиксированной на ней) определенно нуждается в конкретизации.

Рассматривая проблему привлечения к ответственности субъектов, которые незаконно установили и использовали видеонаблюдение, в результате чего могли нарушить права и интересы отдельных лиц, необходимо выявлять не только факт размещения видеонаблюдения, но и факт сбора, хранения, обработки и использования полученной информации.

Список источников

1. *О персональных данных* : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. В. Кривушин

Эволюция нормативно-правовой базы дисциплинарных мер воздействия в государственной службе Российской Федерации

Государственная власть — это весьма сложный и многогранный процесс; полное его понимание, объективное и научное, можно получить лишь в контексте исторических событий. Рассмотрение исторического аспекта становления любого института государственной власти всегда являлось и является важнейшим компонентом проведения анализа в процессе реформирования аппарата государственной власти, помогающего определять направление и масштаб внесения изменений. Это позволит избежать негативных последствий на современном этапе, а также понять роль преемственных процессов в формировании как административного права в целом, так и института дисциплинарной ответственности.

Как указывается в исторической литературе, понятие «ответственность» возникло вместе с трудовой деятельностью, отражая тем самым его моральную составляющую. Первым нормативным документом, который вывел государственную гражданскую службу в особую категорию, стал «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», учрежденный указом Петра I от 24 января (4 февраля) 1722 г. [1]. Данный документ, помимо разделения чиновников, формировал правила поведения и меры наказания за нарушения установленных правил, что является прообразом современного понятия дисциплинарной ответственности. Выделением чиновников в особую категорию людей, которые заняты в сфере управления, была заложена основа становления института дисциплинарной ответственности гражданских служащих. Тем не менее начатая Петром I полицейская реформа так и осталась незавершенной.

Во время правления Екатерины II в процессе реализации губернской реформы в 1775 г. было издано «Учреждение для управления губерниями Российской Империи». В рамках этого реформирования подверглись преобразованию и полицейские структуры в целях создания эффективной системы местного управления, способной быстро и самостоятельно решать конфликты и проблемы в регионах.

В 1782 г. результатом проведенных государственных реформ стало принятие Екатериной II документа под названием «Устав Благочиния, или Полицейский». В указанном акте Екатерина II хотела отразить все современные правовые тенденции и при этом создать закон, апеллирующий к вечным моральным ценностям. Помимо основ, касающихся структуры полицейского управления, в «Уставе благочиния» также были изложены конкретные морально-этические нормы, которыми должны были руководствоваться как сотрудники полиции, так и граждане. Данный документ лег в основу начала юридической деятельности в российской полиции. Изданный нормативный правовой акт регламентировал правовой статус полицейских органов, их основные направления деятельности и четко определял требования к госслужащим, структуру и обязанности полиции. Сформулированная компетенция полицейских органов облегчала поддержание правопорядка. Кроме того, в Уставе благочиния была выделена глава «Наказ управе благочиния», в которой отражены правила как взаимоотношений и обязательств граждан в обществе, так и поведения самих полицейских [2].

На рассмотренном выше историческом этапе понятия дисциплинарной и уголовной ответственности неособо разделялись, и в случае,

если государственный служащий совершал дисциплинарное нарушение, он мог быть подвергнут уголовному наказанию. Кроме того, в императорской России уже накопилось большое количество документов и законодательных актов, касающихся обязанностей гражданских служащих, требований к их деятельности и определения применения взысканий при их невыполнении. Поэтому, чтобы упорядочить дисциплинарные взыскания применительно к гражданским служащим, узаконить порядок и эффективность их применения, а также разграничить должностные проступки и преступления, в 1845 г. был принят основной правовой акт «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (далее — Уложение) [3, с. 65]. В отличие от предыдущих нормативных актов, в Уложении составы правонарушений и применяемых мер дисциплинарного воздействия стали более систематизированы и конкретизированы, а применяемые наказательные меры стали более разнообразными.

В конце XIX в. силами всех министерств и ведомств увидел свет проект законодательного акта под названием «Устав о служебных провинностях». Данный нормативный документ был сосредоточен только на дисциплинарном производстве. Устав содержал положения, предоставляющие большие полномочия начальству в применении дисциплинарных взысканий, целью которых было поддержание служебной дисциплины. Но впоследствии это лишь усилило принцип абсолютной власти руководителей, порождая произвол со стороны начальства, и исключало тем самым любые гарантии для государственных служащих.

В дальнейшем институт дисциплинарного производства столкнулся с событиями 1917 г. и Великой Октябрьской революцией. Тогда все царское законодательство было отменено, а законодательство о государственной службе претерпело серьезные изменения. Государственный аппарат переживал колоссальные перемены, менялась политическая расстановка сил, появлялись новые институты власти и управления; все это требовало законодательного закрепления новыми правовыми нормами. Эта задача особенно остро коснулась и правоохранительных структур.

Отказываясь от дореволюционного правового института дисциплинарных отношений, правительство делает упор на разработку нормативных актов и документов в сфере органов внутренних дел; не осталась без внимания и подготовка законодательных актов, касающихся соблюдения дисциплины. Итогом этих трудов стало утверждение постановления Народного комиссариата по внутренним делам «О рабочей милиции» 28 октября (10 ноября) 1917 г., а двумя годами позже был опубликован первый Дисциплинарный устав служащих советской рабоче-крестьянской

милиции (дата утверждения 22 августа 1919 г.). В последнем перечень дисциплинарных взысканий был дополнен новыми видами наказаний. Особо значимым, по мнению автора, является введение правила о занесении в особые списки или на «черную доску» сотрудников, осужденных судом за преступления, а также уволенных за нарушения служебной дисциплины [4, с. 48].

Важным является и то, что положения утвержденного Устава закрепили индивидуальный подход к процедуре дисциплинарного производства. При принятии решения по выбору вида дисциплинарного взыскания учитывались многие важные факторы. Например, имел ли ранее дисциплинарные взыскания сотрудник, совершивший дисциплинарный проступок, какие обстоятельства способствовали совершению проступка, степень вины сотрудника, и другие важные факторы, которые могли помочь раскрыть более полную картину совершенного дисциплинарного правонарушения. Кроме того, ставя перед собой задачу ограничения возможных проявлений произвола со стороны начальства, авторы документа законодательно закрепили его полномочия.

На пути формирования законодательной базы дисциплинарных правоотношений в органах внутренних дел 16 августа 1923 г. Правительство РСФСР утвердило новый Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной милиции (далее — ДУ РККМ). Сравнивая его с предыдущим уставом 1919 г., можно заметить, что обновленный документ стал пропитан идеологическими настроениями, которые несли идею развития в каждом сотруднике милиции воинского духа и революционной чести. Что касается вопросов дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, то ДУ РККМ впервые закрепляет понятие «дисциплинарного проступка» как «нарушение установленных законом обязанностей и правил поведения или недобросовестное, невнимательное и небрежное отношение к службе, не заключающее в себе признаков уголовно-наказуемого деяния» [5, с. 20–21].

Продолжая сравнивать эти законодательные акты, стоит обратить внимание, что перечень дисциплинарных наказаний также претерпел изменения: часть возможных наказаний была исключена (например, увольнение из рядов рабочей милиции, занесение в «черный список», наряд вне очереди и др.), а часть, наоборот, добавлена (например, ограничение права на повышение по службе, ограничение прав на получение поощрений и наград, наложение запрета на покидание казарменного помещения на период до двух недель и др.). Отметим, что данный Устав также продолжил миссию борьбы с произволом, ограничивая полномочия начальников.

Не секрет, что высоким фактором риска нарушения служебной дисциплины в советское время было пьянство среди сотрудников милиции, как вне рабочего времени, что подвергалось дисциплинарным наказаниям (арест, понижение в должности), так и во время прохождения службы, что считалось уголовным преступлением, и наказание рассматривалось уже в рамках уголовного законодательства. Поэтому на пути к совершенствованию служебной дисциплины в органах милиции авторы большой блок положений в ДУ РККМ посвятили борьбе с пьянством.

30 июня 1931 г. нормативная база дисциплинарного производства вновь претерпевает изменения, когда в свет выходит Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции [6, с. 246]. Этот очередной переработанный нормативный акт стал следующей ступенью к систематизации дисциплинарных правоотношений в правоохранительных органах, впервые закрепив понятия дисциплины, служебного проступка. Изучая данный документ, можно увидеть, что в нем впервые законодательно закрепляются положения, суть которых сводится к недопустимости совершения поступков, подрывающих репутацию и ставящих под сомнение авторитет органов внутренних дел в глазах советского человека. Таким образом, авторы законопроекта попытались тем самым повысить степень доверия к милиции со стороны советского населения и увеличить уровень его поддержки.

Отметим, что важным шагом к развитию в обновленном документе стало изменение перечня дисциплинарных взысканий, который после переработки начал приобретать вид существующей системы мер (замечание, выговор, строгий выговор и др.), а также закрепление широкого перечня поощрений (вручение грамот, объявление благодарности, денежных наград и пр.), большая часть которых дошла и до наших дней. Процедура применения дисциплинарных взысканий при этом стала более регламентированной и понятной. Принимается исключительно письменная форма наложения дисциплинарных взысканий (по итогам принятых решений издается приказ с условием обязательного ознакомления сотрудника милиции).

Условия довоенных лет и времен гражданской войны внесли свои корректировки в нормативную базу и непосредственно в саму систему дисциплинарных отношений в милиции, приблизив их по содержанию к военным, что оказало положительное влияние на милицию как систему, так как поспособствовало повышению ее боеготовности, организованности и способности быстрого переключения на военный лад.

Великая Отечественная война стала испытанием для всей страны и суровой проверкой на прочность государственного строя, в том числе

и советской милиции. В те годы она представляла собой многофункциональный орган, являющийся составным звеном единого механизма, прокладывающего путь к Великой Победе. Война потребовала максимальной жесткости в принятии решений по укреплению служебной дисциплины, созданию новой организационно-правовой базы для оказания ей поддержки в условиях военного времени. Важно отметить, что отличием советской милиции в те годы было то, что роль ее определялась не столько правовыми нормами, сколько обстоятельствами, что требовало молниеносной реакции при принятии решений, от которых зависела жизнь не только товарищей, солдат, но и в целом советских людей. Поэтому дисциплина в советской милиции в годы войны базировалась на принципах единоначалия и исполнительности, строгой личной ответственности за нарушения и совершенные преступления.

Нормативным документом, регулирующим дисциплинарные отношения в милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, был Дисциплинарный устав Красной Армии, а также руководящие акты высших партийных органов, обладающие юридической силой закона. После окончания войны вышеупомянутые документы стали иметь весьма противоречивый характер. Согласно их положениям статус работников милиции приравнивался к статусу военнослужащих, что уже являлось пережитком в послевоенное время.

Одной из основных особенностей правового регулирования дисциплинарных отношений в милиции в послевоенный период являются чрезмерная централизация управления органами внутренних дел и двойное подчинение (вышестоящему и одновременно партийному органу). Соответственно, отсутствовало фактическое разграничение компетенций высших партийных и советских органов в издании законодательных нормативно-правовых актов о дисциплине. Тяжелая обстановка была обусловлена последствиями войны, опасностью проявлений бандитизма, организованной преступности в ряде регионов, классовая борьба медленно затухала, но не прекращалась.

Более современный вид дисциплинарные правовые отношения приобрели после принятия в 1991 г. Закона РСФСР «О милиции». Порядок прохождения службы в милиции стал регламентироваться положениями трудового законодательства, тем самым встав на путь демократизации. 19 ноября 1993 г. приказом МВД России № 501 был утвержден Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации (далее — Кодекс чести) [7], который действовал до принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Рос-

сийской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138.

Безусловно, перемены в правоохранительной системе должны были случиться, и ХХI век не заставил себя ждать. В 2011 г. система органов внутренних дел претерпела существенные изменения в результате проведенной реформы: милиция была преобразована в полицию. Положения Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» приведены в соответствие с современными требованиями, а порядок проведения дисциплинарного производства в новом законе получил более точную регламентацию.

Список источников

1. *Табель о рангах* всех чинов воинских, статских и придворных... 1722 г. // Российское законодательство Х–ХХ вв. : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986.

2. *Российское законодательство Х–ХХ вв.* : в 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. тома Е. И. Индова. М., 1987.

3. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.* // Законодательство Х–ХХ вв. : в 9 т. Т. 6 : Законодательство I-ой половины XIX века. М., 1985.

4. *Маюров Н. П.* Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.): Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

5. *Дисциплинарные уставы органов внутренних дел* : хрестоматия / авт.-сост. Я. Л. Ванюшин. Тюмень, 2020.

6. *Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции* от 30 июня 1931 г. // Сборник приказов и циркуляров ГУРКМ при СНК РСФСР. 1931. № 7.

7. *Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. Ф. Минзянова

К вопросу об эффективности борьбы с коррупцией (оперативно-розыскной аспект)

Для эффективного противодействия коррупции требуется последовательная и продуманная политика государства, содержащая создание соответствующих правовых механизмов, представляющих собой юридическую конструкцию, призванную регулировать общественные отношения и включающую правосубъектность, юридические факты, модель правового отношения, нормы права и нормативные правовые акты [1, с. 78].

По мнению некоторых авторов, коррупционная преступность, в том числе взяточничество, возникла наряду с образованием государства [2, с. 349–350] и в настоящее время выступает неотъемлемой частью общественной жизни [3, с. 162].

Эффективность борьбы с коррупцией — сложный и многогранный вопрос, и оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) играет в нем одну из ключевых, но не единственную роль. Оценка эффективности ОРД в противодействии коррупции требует рассмотрения как положительных аспектов и потенциала, так и проблем и ограничений.

В целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупцией, как отмечают авторы, «необходимо тесное и постоянное взаимодействие сотрудников подразделений ЭБиПК с иными органами, юридическими и физическими лицами, которые готовы оказывать содействие и оказывать теоретическую и практическую помощь» [4, с. 79].

Мы видим следующие пути повышения эффективности ОРД в борьбе с коррупцией:

1. Совершенствование законодательства. Необходимо постоянно анализировать законодательство, регламентирующее ОРД, и вносить изменения, направленные на повышение эффективности борьбы с коррупцией, при этом соблюдая баланс между эффективностью и защитой прав и свобод человека и гражданина.

2. Укрепление внутреннего контроля и антикоррупционных мер в правоохранительных органах. Следует разработать и внедрить эффективные механизмы внутреннего контроля и борьбы с коррупцией в правоохранительных органах для предотвращения проникновения коррупции в антикоррупционные подразделения (органы).

3. Улучшение ресурсного обеспечения. Необходимо организовать достаточное финансирование, кадровое и техническое обеспечение подразделений, занимающихся ОРД в сфере противодействия коррупции,

включая современные технические средства и информационные технологии [5, с. 65–68].

4. Повышение профессионализма оперативных сотрудников. Важно уделять внимание подготовке и повышению квалификации оперативных сотрудников, специализирующихся на противодействии коррупции, включая в учебный процесс изучение современных методов оперативной работы, антикоррупционного законодательства, финансовый анализ и т. д.

5. Развитие межведомственного взаимодействия и координации. Необходимо наладить эффективное сотрудничество между правоохранными и контролирующими органами, занимающимися борьбой с коррупцией, для повышения эффективности их деятельности.

6. Активное применение аналитических методов и информационных технологий. Необходимо активно использовать аналитические инструменты и информационные технологии для выявления коррупционных схем, анализа больших данных, прогнозирования коррупционных рисков.

7. Совершенствование системы защиты участников ОРД и конфиденциальных источников. Необходимо обеспечить надежную систему защиты участников и конфиденциальных источников для привлечения граждан к сотрудничеству с правоохранными органами в борьбе с коррупцией.

8. Фокус на системные проблемы и предупреждение коррупции. Оперативно-розыскная деятельность должна быть направлена не только на выявление и раскрытие отдельных коррупционных преступлений, но и на анализ системных факторов, способствующих коррупции, в целях разработки мер по их устранению и предупреждению.

9. Повышение прозрачности и подотчетности. Необходимо обеспечивать прозрачность деятельности правоохранных органов в сфере противодействия коррупции в рамках, не противоречащих закону, а также повышать их подотчетность перед обществом.

10. Взаимодействие с гражданским обществом и средствами массовой информации (далее — СМИ). Важно налаживать взаимодействие с гражданским обществом и СМИ для усиления общественного контроля за работой правоохранных органов и информирования населения об антикоррупционной деятельности.

Сложно не согласиться с профессором С. С. Галаховым в том, что «в целях повышения эффективности выявления коррупционных преступлений и их субъектов, совершенствования оперативно-розыскной деятельности, в целях документирования их криминальной деятельности

необходимо определить активно действующие антикоррупционные меры упреждающего характера» [6, с. 58].

На наш взгляд, эффективность ОРД в борьбе с коррупцией зависит от комплекса факторов, включая законодательное обеспечение, ресурсное обеспечение, профессионализм сотрудников, межведомственное взаимодействие, использование современных методов и технологий, а также уровень доверия общества. Для повышения эффективности необходимо комплексно решать проблемы, препятствующие успешной борьбе с коррупцией, и использовать весь потенциал ОРД в сочетании с другими мерами противодействия коррупции. Важно понимать, что ОРД — это лишь один из инструментов, и для достижения реальных результатов в борьбе с коррупцией необходима системная работа, охватывающая все сферы жизни общества.

Список источников

1. *Коркмазов А. В., Яицкая Е. А.* К вопросу об эффективности антикоррупционных правовых механизмов // Журнал прикладных исследований. 2021. № 4.

2. *Гаскаров И. Ф., Ефимов Д. С.* Особенности выявления и документирования фактов взяточничества при осуществлении оперативно-розыскной деятельности с использованием информационных технологий // Технологии XXI века в юриспруденции : мат-лы Третьей междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21 мая 2021 года / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург, 2021.

3. *Фарахiev Д. М.* Некоторые аспекты осуществления оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и документирования фактов взяточничества // Актуальные вопросы раскрытия преступлений оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность : мат-лы межвед. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 июня 2024 года. СПб., 2024.

4. *Фарахiev Д. М.* Некоторые особенности выявления и документирования фактов взяточничества при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Искусство правоуедения. 2024. № 2(10).

5. *Фарахiev Д. М.* Применение сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел Big Data и аналитики в борьбе с коррупционными проявлениями // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2(43).

6. *Галахов С. С.* Некоторые правовые и организационные основы противодействия коррупции оперативными подразделениями ФСИН России (оперативно-розыскной аспект) // Развитие уголовно-

исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 25 мая 2022 года. Новосибирск — Новокузнецк, 2022.

В. А. Москалева, В. И. Головачев

Проблема курения в многоквартирном доме: уголовная и административная ответственность

Проблема курения является значимой для всего общества в целом. Для жильцов многоквартирных домов данная проблема особенно актуальна, в связи с тем что курение даже одного жильца на территории многоквартирного дома (далее — МКД) может негативно влиять на здоровье других.

Пассивное курение (вдыхание табачного дыма некурящим человеком) приводит к ухудшению качества жизни, а также развитию различных заболеваний.

Особенно уязвимы к воздействию пассивного курения дети, беременные женщины, люди, страдающие хроническими заболеваниями, а также домашние животные. Табачный дым может проникать в квартиры через открытые окна, щели в стенах и дверях, вентиляционные системы, что нарушает право граждан на чистый воздух. Курение в многоквартирных домах создает дискомфорт для всех жильцов таких домов, выброшенные окурки негативно сказываются на окружающей среде и загрязняют ее.

Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [1] запрещает курение в лифтах, подъездах и на детских площадках, но не предусматривает запрета курения на балконах, в квартирах, а также вблизи входа в подъезд, что создает определенные сложности в обеспечении защиты прав жильцов на чистый воздух.

На сегодняшний день вопрос о привлечении к уголовной или административной ответственности за курение на территории многоквартирного дома является спорным. Однако существуют определенные нормы, которые могут применяться в отдельных случаях, например:

— статья 20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности». В случае, если непотушенный окуроч был выброшен и стал причиной пожара, виновного можно привлечь к административной ответственности по данной статье;

— статья 6.4 КоАП РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта». В случае, если курение существенно загрязняет воздух в соседних квартирах и превышает допустимые нормы, курильщика возможно привлечь к ответственности данной по статье, но доказать связь между курением и нарушением санитарных норм крайне сложно.

Уголовная ответственность за курение на территории многоквартирного дома практически исключена. Даже в том случае, если выброшенный окуроч приводит к пожару с тяжелыми последствиями, применяется ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности», которая предусматривает уголовную ответственность именно за неосторожную форму вины.

Неоднозначна по данному вопросу и судебная практика. В некоторых случаях суды выносят решения в пользу пострадавших, обязывая курильщиков возместить моральный вред. Такие решения принимаются в порядке исключения и основываются на объективных доказательствах факта причинения конкретного вреда здоровью истца.

Для того чтобы решение проблемы курения на территории многоквартирных домов было эффективным, необходимо принятие конкретных мер, например:

1. Внесение поправок в Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», которые будут прямо запрещать курение на балконах, в квартирах, а также вблизи входа в подъезд, в случаях, когда это ухудшает качество жизни окружающих людей, а также в значительной степени нарушает санитарные нормы.

2. Для фиксации нарушения могут быть осуществлены следующие действия:

- определение минимального количества свидетелей и пострадавших, а также установление порядка оформления их показаний;
- регламентирование применения фото- и видеоматериалов в качестве доказательств;
- применение замеров концентрации уровня табачного дыма в квартирах для объективной оценки степени нарушения.

3. Установление административной ответственности за курение на балконах, в квартирах, рядом с подъездом в случаях, когда данные действия нарушают права других граждан. При этом административное наказание должно быть достаточным для обеспечения эффективности

запрета. При повторном совершении данного правонарушения необходимо предусмотреть систему нарастающих штрафов.

4. Утверждение порядка проведения разъяснительных работ с населением о введении новых норм законодательства и вреде пассивного курения.

5. Наделение определенных органов полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение курильщиками прав граждан, а также по наложению штрафов на виновников.

Курение является одним из важных вопросов в современном обществе, особенно это касается курения на территории многоквартирных домов. Курящие люди могут доставлять множество проблем окружающим.

Казалось бы, наше законодательство в достаточной степени регулирует вопрос о курении на территории многоквартирных домов, но это не так. В соответствии с Федеральным законом «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» курить запрещается:

- в лифтах и помещениях общего пользования многоквартирных домов;

- в помещениях, составляющих общее имущество собственников комнат в коммунальных квартирах;

- на детских площадках.

При этом жители многоквартирных домов ежедневно становятся жертвами пассивного курения против собственной воли, так как некоторые жильцы таких домов курят на балконах, рядом с подъездом, в квартирах [2].

На проживающих нижних этажей пассивное курение влияет особенно сильно, ведь два-три курящих человека у подъезда способны «удушить» своим табачным дымом жильцов нескольких квартир. Для некоторых граждан проблематично даже открыть окна в собственном жилье, так как табачный дым стремительно проникает в квартиру, что существенно ухудшает качество жизни.

Каждый курящий человек осознает вред, который приносит ему курение, но не все понимают, что пассивное курение для окружающих их людей не менее опасно.

Для того чтобы курение на территории многоквартирных домов не ухудшало качество жизни жильцов, рекомендуется регулярно поднимать данный вопрос на собрании жильцов и обсуждать важность соблюдения права на чистый воздух. Совместная работа жильцов может значительно повысить результативность борьбы с нарушителями. Для

эффективной борьбы с курением на территории многоквартирных домов требуется единый подход, включая благоустройство отдельных мест для курения, а также привлечение к ответственности за нарушение данного запрета.

В связи с тем что законодательство ограничивается запретом курения только в местах общего пользования, с частной собственностью ситуация обстоит сложнее. Если сосед курит на своем балконе или в квартире, привлечь его к какой-либо ответственности практически невозможно, если только такое курение не приводит к пожару с тяжелыми последствиями или в значительной степени загрязнению воздуха в других квартирах.

Ведущий юрист по жилищному законодательству С. С. Иващенко советует при обращении в суд предоставить доказательства факта курения, а также нарушения прав истца. Иск может подать как один гражданин, так и группа лиц, если курение на территории многоквартирного дома нарушает права других жильцов. Необходимо также обратить внимание суда в случае, если истец имеет определенные проблемы со здоровьем, которые может усугубить воздействие табачного дыма.

Поскольку квартира является частной собственностью и собственник имеет право распоряжаться ей так, как считает нужным, а закон не запрещает курение в собственной квартире, бороться с таким явлением достаточно сложно. Для улучшения качества жизни в многоквартирных домах необходимо рассмотреть и внести определенные изменения по данному факту в административное законодательство.

Список источников

1. *Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака* : федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Рахманина Т. Н.* Проблемы реализации антитабачного законодательства в России // *Медицинское право.* 2020.

Е. А. Фомина

Эволюция противодействия мошенничеству в сфере оккультных услуг

Оккультные практики представляют собой феномен, существовавший на протяжении всей истории человечества. Они консервативны, устойчивы и со временем практически не изменяются в методах воздействия на людей. Сегодня отношение общества и государства к оказанию магических услуг трансформируется.

Впервые в негативном ключе использование оккультных практик начало рассматриваться с принятия Владимиром I христианства. Это означало необходимость регулирования и контроля данной сферы православной церковью в целях предотвращения распространения среди населения веры в новых пророков и исцелителей, которые могли бы составить конкуренцию священнослужителям. Так, в ст. 9 «Устава князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» указывается перечень преступлений, подлежащих ведению епископов, среди которых упоминаются различные формы чародейства. Особенностью является отсутствие в законодательном акте меры наказания за эти деяния, они устанавливались в Кормчих книгах. Например, Новгородская летопись сохранила сведения о сожжении 4 волхвов [1, с. 158]. Так, оккультизм понимался как тяжкое религиозное преступление, находящееся в ведении церковного суда.

Нововведения в регулировании данного вида преступления появились с принятием Петром I «Устава Воинского» [1, с. 512]. В частности, он устанавливает конкретные меры наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Так, сожжение применялось для любого «воинского человека», который своим чародейством причинит вред другому. В свою очередь церковное публичное покаяние распространялось на тех, кто своими действиями вреда никому не принес. Сама ответственность стала ложиться не только на самого чародея, но и на казачика его услуг.

Совершенствование правовой базы продолжалось во время правления Анны Иоанновны, которая выпустила два указа «О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков» [2, с. 465–466] и «О пресечении суеверий» [3, с. 361–364]. В названных законодательных актах характер чародейства трактуется как обман, а мотивация чародея — получение немалых прибытков.

С правлением Екатерины II все больше утверждается мнение о признании оккультизма обманом. Однако цель законодателя меняется

на предотвращение бездоказательного обвинения в чародействе и применения жестокого наказания за свершенное деяние. Так, в Указе 1770 г. [4, с. 23–25] отмечается, что само по себе обвинение человека в чародействе является обманом из-за собственного невежества или по мотиву мести, чистосердечное признание обвиняемого в колдовстве выступает следствием жестоких пыток или угроз при допросе.

Устав Благочиния или Полицейский, еще один правовой источник, регламентировавший оккультные практики [5, с. 461–488], квалифицировал колдовство как преступление и прямо называл его обманом, происходящим из суеверия, невежества или мошенничества. Сам устав не определяет конкретную меру наказания, отмечая лишь, что дело разбирается судом на основе того, как «повелевают законы».

В советский период регулирование вопроса оккультных услуг не осуществлялось по идеологическим соображениям. Однако с распадом Советского Союза отмечается возрождение магических практик, направленность на что наблюдается до сих пор. По данным опроса ВЦИОМ 2024 г., лишь 27% респондентов не верят ни в какие сверхъестественные силы и явления [6]. Такая тенденция отягощается постоянным освещением деятельности магов на телевидении и в сети Интернет. С учетом этого вопрос о нормативно-правовом регулировании оказания оккультных услуг приобретает все большую актуальность.

Первые упоминания о законодательном закреплении деятельности в сфере оккультных услуг можно отнести к 2010 г., а именно внесение в Государственную думу соответствующего законопроекта, однако принят он не был. В настоящее время в Госдуму внесен законопроект № 901048-8 о запрете рекламы таких услуг [7].

Среди прочих персональных услуг, не включенных в другие группировки, названа деятельность астрологов и медиумов, поэтому на данный момент деятельность по оказанию оккультных услуг регулируется лишь законом о защите прав потребителей. Вместе с тем конкретных требований к качеству оказываемых услуг не разработано.

Сейчас специалистов, оказывающих оккультные услуги, можно привлечь к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» и ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», так как данная деятельность включена в п. 96.09 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности.

Таким образом, в различные исторические периоды развития нашего государства законодательство содержало неодинаковую правовую оценку сферы оказания оккультных услуг. На современном этапе развития за-

конодатель видит угрозу в неурегулированности данной сферы, однако конкретных нормативно-правовых актов пока не утверждает.

Список источников

1. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М., 1984.
2. *Полное собрание законов*. СПб., 1830. Т. 8. № 5761.
3. Там же. Т. 10. № 7450.
4. Там же. Т. 19. № 13427.
5. Там же. Т. 21. № 13427.
6. *Таинственное и потустороннее, или Россияне о магах и астрологах*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=mc8p7fp6-r8129812473> (дата обращения: 15.05.2025).
7. *Законопроект № 901048-8: Система обеспечения законодательной деятельности*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/901048-8> (дата обращения: 15.05.2025).

К. В. Шаров

Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Российской Федерации

Важной проблемой современного общества выступает борьба с незаконным оборотом оружия, который вызывает рост преступности на территории Российской Федерации, способствует формированию организованных преступных групп и может повлечь совершение террористических актов, что представляет серьезную угрозу безопасности общества и государства [1, с. 175].

Оружие является средством нанесения тяжких телесных повреждений, которые могут повлечь наступление смерти, что свидетельствует о его общественной опасности. Достаточно большая часть преступных деяний, относящихся к категории тяжких, совершается с использованием оружия, что является одной из причин, по которой государство строго регламентирует его оборот. Оборот оружия, осуществляемый вопреки положениям закона, признается преступлением, за которое устанавливается уголовная ответственность в ст. ст. 222–226 УК РФ. Кроме того, сами отношения, которые напрямую связаны с оборо-

том оружия в РФ, регулируются положениями Закона «Об оружии» [2, с. 21–29].

Под запретом находятся действия, предусматривающие приобретение, сбыт, передачу, хранение, перевозку, ношение оружия, совершенные в порядке, не соответствующем закону. Сюда входят и самодельные образцы, поражающие цели на расстоянии за счет механического движения.

Возможно и освобождение от уголовной ответственности в случае, если лицом в добровольном порядке сдано оружие, которое незаконно находилось у него.

Следует также указать, что уголовная ответственность за незаконный оборот оружия не применяется на тех территориях РФ, где ношение холодного оружия относится к национальному костюму, например казачьему, а также напрямую связано с промыслом охотников.

Ответственности за незаконный оборот оружия уделяется большое внимание в рамках законодательства и уголовного права зарубежных стран. Это связано с высоким уровнем применения оружия в отношении других людей и с насилием [3, с. 28–40].

Особое место в применении уголовной ответственности к лицам, которые совершают преступления в сфере незаконного оборота оружия, занимает процесс расследования уголовного дела, а именно противодействие расследованию.

Противодействие расследованию осуществляется участниками уголовного процесса, которые желают скрыть определенные факты и обстоятельства преступления. Способы и приемы воспрепятствования могут быть следующими:

- утаивание;
- сокрытие;
- обман;
- дача ложных показаний;
- уничтожение следов преступления;
- иные способы.

Достаточное внимание со стороны правоохранительных органов уделено процессу преодоления противодействия расследованию со стороны участников уголовного процесса, связанного с незаконным оборотом оружия.

Очень значимыми в данном направлении являются труды ученых-криминалистов, непосредственно занимавшихся исследованиями и разработкой теоретических вопросов криминалистического исследования

оружия и его преступного оборота, можно выделить таких, как В. В. Агафонов, Т. А. Диканова, С. Ю. Журавлев, И. Д. Моторный, В. М. Плескачевский, А. И. Устинов, Е. Н. Тихонов и др.

Кроме того, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, очень важно обращаться к российской судебной практике и изучению соответствующих практических материалов следственных органов.

В настоящее время внимание изучению противодействия расследованию преступлений уделяется в наибольшей степени, так как развитие криминологического и криминалистического знания влечет за собой появление новых приемов и способов, применяемых в следственной практике, в том числе и в ходе преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Список источников

1. *Столбова Н. А.* Организационные основы расследования незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 24, № 4.

2. *Гречко Е. П., Смольяков П. П.* К вопросу о правовых нормах, квалифицирующих преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, и других предметов, представляющих повышенную опасность // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 1.

3. *Heuer H.-J., Hilgner N.* Über das staatliche Gewaltmonopol — Begriff, Prozessdynamik und Ansätze zur Untersuchung der Wirksamkeit // Neue Kriminalpolitik. 2011. Vol. 23. No. 1.

Н. А. Шатов

Анализ некоторых законодательных изменений порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Принуждение в уголовно-процессуальном праве России выступает одним из важнейших инструментов, позволяющих осуществлять эффективное и своевременное производство по уголовным делам, а также не допускать воспрепятствования деятельности органов предварительного расследования, суда и иных участников процесса. В частности, принуждение реализуется путем применения к обвиняемым и подозреваемым

мер пресечения, самой строгой из которых является заключение под стражу.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию порядка избрания и применения данной меры пресечения, ряд процессуальных вопросов остается неразрешенным. Законодатель предпринимает попытки оптимизировать процесс применения уголовно-процессуальных норм, регулирующих данную меру пресечения, следуя вектору гуманизации института принуждения в уголовном процессе России. Последние масштабные изменения были внесены Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», часть из них является предметом нашего исследования. Ученые-процессуалисты неоднозначно высказывались о целесообразности вышеуказанных изменений, некоторые отмечают, их оценочный характер, а также дополнение действующих критериев применения данной меры пресечения [1, с. 141].

Подробный анализ нововведений свидетельствует об их неоднозначности. Следует обратить внимание на то, что законодатель исключил из текста ст. 108 УПК РФ то, что мера пресечения в виде заключения под стражу может избираться только по подозрению (обвинению) в совершении тех преступлений, за которые УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы. Данный подход вызывает ряд вопросов.

Прежде всего следует обратиться к норме ч. 1 ст. 91 УПК РФ, которая допускает возможность задержания лица по подозрению в совершении только тех преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Таким образом, в действующей редакции УПК РФ избрание и применение заключения под стражу как самой строгой меры уголовно-процессуального принуждения не требует соблюдения того условия, которое необходимо для реализации задержания. Как правило, в практической деятельности избранию меры пресечения в виде заключения под стражу предшествует процедура задержания. С учетом того, что заключение под стражу может быть избрано в связи с совершением практически любого преступления при соблюдении перечня условий и при наличии на то законных оснований, к которым не относится обязательность наличия наказания в виде лишения свободы в санкции статьи УК РФ, то задерживать лицо в ряде случаев недопустимо.

Предполагается, что указанное обстоятельство требует разрешения. Возможность применения самой строгой меры принуждения по характеру и степени ограничений, которые претерпевает лицо, с одновременным запретом на применение более мягкой в одних и тех же случаях — при-

знак, свидетельствующий о несогласованности и несистемности норм закона. Нельзя проигнорировать факт, что нововведения также допускают возможность применения избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, за которые законом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, при соблюдении всех прочих условий и оснований. Представляется, что подобные случаи могут складываться на практике редко, однако сам факт их возможного наступления становится причиной крайней обеспокоенности по данному вопросу.

Решение обозначенной проблемы возможно двумя способами: возвратом прежней формулировки в текст статьи УПК РФ либо же внесением изменений в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, состоящих в исключении положений о том, что задержание проводится только по подозрению в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Второй вариант урегулирования указанной проблемы видится крайне спорным. Следует начать с того, что в пояснительной записке к законопроекту отметить, что преобразования направлены «на гуманизацию законодательства» [2]. Данный вектор изменений УПК РФ прослеживается уже на протяжении многих лет, что, безусловно, способствует расширению перечня процессуальных гарантий участников и появлению механизмов защиты прав и свобод. Однако наблюдаются определенные противоречия. Законодатель, утверждая, что данные изменения вносятся с целью снижения количества случаев избрания заключения под стражу, в то же время исключает одно из условий для избрания меры пресечения, тем самым увеличивая количество возможных ситуаций, в которых она может быть применена. В связи с этим разрешать данную несистемность норм путем установления возможности задержания лиц по подозрению в совершении любых преступлений также недопустимо. Во-первых, это будет противоречить избранному законодателем подходу к постепенной либерализации института мер уголовно-процессуального принуждения. Во-вторых, это лишь поспособствует росту числа избраний судами заключения под стражу.

Гораздо более целесообразным видится решение обозначенного вопроса путем возвращения в текст статьи положения о том, что одним из условий избрания заключения под стражу является обвинение (подозрение) в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Существование данного условия объясняется тем, что лица, которым данный вид уголовного наказания назначен

быть не может, не должны претерпевать ограничения, предусмотренные заключением под стражу, и помещаться в условия, максимально приближенные к тем, какие имеют место при отбывании наказания в виде лишения свободы. Хотя заключение под стражу и не является мерой наказания, но действие принципа соразмерности характера и степени ограничений в таком случае законодателю сохранять, безусловно, необходимо.

Анализ позволяет сделать вывод, что не все изменения, внесенные законодателем в ст. 108 УПК РФ, целесообразны и непротиворечивы. Видится, что часть из них нуждается в скорейшей корректировке в целях недопущения возможного нарушения конституционных прав и свобод обвиняемых и подозреваемых по уголовным делам.

Список источников

1. *Давлетов А. А., Азарёнок Н. В.* Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3(77).
2. *Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 03.05.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелина Татьяна Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

Амиров Рустем Загирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

Богданов Алексей Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва)

Будникова Анастасия Борисовна — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Водяная Мария Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Воронов Анатолий Иванович — кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры физической подготовки Омской академии МВД России

Головачев Виталий Игоревич — преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

Дизер Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Железкин Андрей Сергеевич — преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

Карамшов Навруз Муборакшоевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Карпов Константин Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Кобец Петр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России (г. Москва)

Косицын Игорь Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и права Омского государственного университета путей сообщения

Краснопольский Алексей Владимирович — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Кривушин Владимир Владимирович — преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России

Кригер Юлия Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Кузнецов Александр Александрович — кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Куянова Арина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Лапшин Александр Викторович — кандидат юридических наук, свободный исследователь (г. Омск)

Ли Хайтао — заместитель начальника факультета безопасности общественного порядка Института профессиональной подготовки офицеров общественной безопасности Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики

Лугинец Евгений Александрович — кандидат юридических наук, начальник кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

Лупырь Валерий Григорьевич — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Майле Алексей Давидович — кандидат юридических наук (Россия), доктор права, магистр административных наук (ФРГ), руководитель бюро связи федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн при Совместном центре поддержки возвращения (Берлин, ФРГ)

Мамышев Самат Акманович — доцент кафедры административного права и административной деятельности Академии МВД Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева (г. Бишкек)

Манамс Наталья Анатольевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Минзянова Дилия Фарильевна — кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России

Мирошниченко Анастасия Владиславовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Москалева Виктория Алексеевна — участковый уполномоченный полиции отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних МО МВД России «Урюпинский» (г. Урюпинск)

Осмонов Улан Эркинович — доктор философии (PhD), начальник кафедры административного права и административной деятельности Академии МВД Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева (г. Бишкек)

Попова Ксения Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России

Поправко Анна Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Проخورченко Эдуард Ильич — участковый уполномоченный отделения участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних отделения МВД России по Киквидзенскому району Волгоградской области

Сергеев Михаил Викторович — доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России

Синь И Цинь — заместитель секретаря парткома, заведующий политотделом Института профессиональной подготовки офицеров общественной безопасности Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики

Токарчук Роман Евгеньевич — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

Филиппов Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России

Фомина Елизавета Александровна — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Цуканов Даниил Николаевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шарипов Сайфуддин Нуриддинович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шаров Константин Викторович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России

Шатов Никита Александрович — адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА И МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ. АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Амиров Р. З. Военизированные аспекты организации и деятельности полиции Российской империи (XVIII–XIX вв.)	3
Богданов А. В. К вопросу об особенностях возникновения, становления и развития полицейских органов во Франции, США и Великобритании.	8
Дизер О. А. Защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность . . .	14
Железкин А. С., Москалева В. А. Актуальные проблемы социального обеспечения сотрудников МВД России.	18
Кобец П. Н. Актуальные вопросы взаимодействия полиции и граждан в сфере охраны общественного порядка (отечественный и зарубежный правоохранный опыт).	21
Краснопольский А. В. Эффективность полицейской деятельности сквозь призму анализа российского законодательства.	26
Кригер Ю. А. Феномен «опасное вождение»: правовая неопределенность и перспективы законодательного регулирования	29
Куянова А. В. «Учителя в погонах» (к 90-летию юбилею подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел).	31
Лапшин А. В., Майле А. Д. Краткий очерк имперского надзора.	35
Лугинец Е. А., Прохорченко Э. И. Актуальные вопросы организации приема граждан участковыми уполномоченными полиции	41

Мамышев С. А., Осмонов У. Э. К вопросу планирования и организации профилактики правонарушений в Киргизской Республике	44
Поправко А. С., Манамс Н. А. Некоторые особенности производства по делам об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.	52
Попова К. А. Общественное мнение как один из базовых принципов деятельности полиции и критерий его официальной оценки.	55
Синь И Цинь. Дилеммы, с которыми сталкивается полиция, и стратегии их решения.	61
Шарипов С. Н. Милиция Таджикистана: историко-правовой аспект ..	65

РАЗДЕЛ II. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Амелина Т. А. Совершенствование административного законодательства в целях обеспечения принципа справедливости при назначении наказания	70
Будникова А. Б. О некоторых аспектах привлечения иностранных граждан к административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача	73
Водяная М. Ю. Современные административно-правовые инструменты противодействия незаконной миграции	75
Карамшоев Н. М. Административно-правовые механизмы противодействия терроризму в Таджикистане.	81
Косицин И. А. Добровольное признание правонарушения как основание административной ответственности.	83
Кузнецов А. А. Подготовка к назначению судебной экспертизы по делам об административных правонарушениях	87
Ли Хайтао. Исследование осуществления права полиции на досмотр и пути его оптимизации	90
Лупырь В. Г., Филиппов О. Ю. Об эволюции нормативного регулирования применения сотрудниками правоохранительных органов России огнестрельного оружия.	96
Майле А. Д. Выдворение как полицейская мера в деятельности правоохранительных органов Германии.	100

Мирошниченко А. В. Законодательство о применении силы и оружия полицейскими органами различных государств	117
Сергеев М. В. К вопросу об определении сотрудником полиции пределов применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия	122
Токарчук Р. Е. Правовые проблемы применения автомата Калашникова для нанесения ударов.	125
Цуканов Д. Н. К вопросу о применении пункта 6 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	130
РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ	
Воронов А. И. Содержание обучающих упражнений по применению боевых приемов борьбы сотрудниками полиции ..	134
Карпов К. В. Незаконная установка видеонаблюдения как основание ответственности за сбор и обработку персональных данных	136
Кривушин В. В. Эволюция нормативно-правовой базы дисциплинарных мер воздействия в государственной службе Российской Федерации	138
Минзянова Д. Ф. К вопросу об эффективности борьбы с коррупцией (оперативно-розыскной аспект)	145
Москалева В. А., Головачев В. И. Проблема курения в многоквартирном доме: уголовная и административная ответственность.	148
Фомина Е. А. Эволюция противодействия мошенничеству в сфере оккультных услуг	152
Шаров К. В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Российской Федерации	154
Шатов Н. А. Анализ некоторых законодательных изменений порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	156
Сведения об авторах.	160

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

Редактирование М. В. Виноградовой, Н. В. Матвеевой

Корректura М. В. Виноградовой

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 24.11.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 экз. Заказ № 275.

